

ЧУЛГУТ·ХЕМ

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал писателей Тулы

4 • 1995

Эдуард Мижит

Мне иногда кажется, что там, на краю бездны, человек вдруг проснется, как лунатик, и обнаружит, что жил-то он в сущности в фальшивом мире.

Юрий Кузнецов

Мой отец погиб не случайно. Это жестокая правда моей поэтической судьбы. Если бы отец вернулся с войны живым, трагедия народа была бы для меня умозрительной...

Николай Доронин

Всю эту длинную ночь он просидел, зная, что утром явятся они и прикончат его.

Гуля Ормокеева

- А царев почему убили? Они так красиво жили! Надо, чтобы все так жили!

Маадыр-оол Ховалыг

Не мог он знать, пролетая над карьером, что через секунду взрыв поднимет сотни тонн горной массы и прервет его полет.

СОЮЗ
ПИСАТЕЛЕЙ
ТУВЫ

ЧАУТ. ХЭМ

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

Главный редактор Ч.Ч.Куулар

Редактор номера и составитель Е.В.Антуфьев

4
1995

на русском
языке
выходит
один раз
в год

КЫЗЫЛ - 1995

ББК 84-4-5 Р 2

У 47

Редакционная коллегия:

А. А. Дархай
М. М. Дулангар
В. В. Кольчикова
З. В. Самдан
А. Х.-О. Ховалиг

Учредители журнала: Правительство Республики Тыва, Конгресс по печати и информации, Союз писателей Республики Тыва.

Журнал зарегистрирован в Региональном управлении регистрацией и контролем за соблюдением законодательства Российской Федерации в области печати и средств массовой информации Республики Тыва. Рег. № Т-026.

у 4702580600-19
133(01)-95 без объем.

47,2.58.6
ББК 84-4-5-Р2

(C) Журнал "Улуг-Хем", 1995.

БЕНЕФИС

Сегодня наш БЕНЕФИС посвящен поэту и прозаику, члену Союза писателей России Эдуарду Баировичу Мижиту. Эдуард Мижит родился в 1961 году в Туве. После окончания школы служил в армии, учился в медицинском институте в г.Томске. Работал воспитателем, санитаром, сторожем, грузчиком, учителем истории. В 1994 году очно окончил Литературный институт им.Горького. Печатался в центральных газетах и журналах ("Литературной России", "Собеседнике", "Литературной газете", "Гум.фонде",

"Корё", "Юности", "Литературной учебе", "Земле Сибири"), английском специализированном журнале, а также в коллективных сборниках: "Дне поэзии", "Антологии русского верлибра", "Палице Кезера". В 1993 году выпустил собственную книгу стихов в Тувинском книжном издательстве "Бузундулар" ("Осколки"). Участник Всесоюзного совещания молодых писателей в г.Москве и семинара-совещания в г.Горно-Алтайске. Пишет на тувинском и русском языках.

"ЭТОТ СТРАННЫЙ МИР".

- Эдуард, ни для кого не секрет, что за писательскую работу сейчас платят гроши. Из чего складывается семейный бюджет твоей семьи? Хватает ли денег? Как на это реагирует жена? И вообще, чуть-чуть о своей семье.

- Да, платят гроши, если вообще платят. Хотя во всех цивилизованных странах умственный труд ценится выше остальных видов человеческой деятельности. Но надо учесть и то, что писатели, я имею ввиду, серьезных писателей, а не изготавителей бульварного чтива, даже в экономически благополучных странах, отнюдь не роскошествуют. Хотя ежу понятно, какая огромная разница между тем, как живут они и живем мы. А насчет семейного бюджета скажу одно - живем на зарплату, надеюсь, всякий поймет, что такое интеллигентская зарплата в нашей стране. А от жены я в этом отношении за десять с лишним лет семейной жизни не слышал ни единого слова упрека. За что и глубоко благодарен ей. Кстати, ведь она тоже занимается интеллектуальным трудом - является научным сотрудником ТНИИЯЛИ, учится в аспирантуре.

Свое отношение к семье могу выразить одним словом - трепетное. В то же время понимаю, что моим близким - жене и сыну - не так уж легко со мной живется. Я человек горячий, эмоциональный. И в то

же время замкнутый. Естественно, мне в основном удается держать себя в узде. Но если тормоза отказывают, то целая буря гарантирована. Спасибо жене - она умеет очень пластично нейтрализовать это психологическое напряжение.

А жаловаться на нехватку денег, если это даже правда, считаю в какой-то степени признаком плохого тона. "Не хлебом единым жив человек".

- Да, Эдуард, с женой тебе определенно повезло. Но все-таки: "Наш век - торгаш", - лукаво заметил еще Пушкин. Смог бы ты: "С высоты поэзии вдруг упасть под лавку конторщика"? И вообще - совместимы ли бизнес и творчество?

- Сказано: "Не служи двум господам сразу". И еще сказано: "Отдай кесарю - кесарево, а Богу - богово". Кроме того, для того, чтобы заниматься бизнесом, особенно той куплей - продажей, которая расцвела у нас пышным цветом и именуется бизнесом, надо иметь в душе некий торгашеский дух. Если кто-то способен оставить творчество ради обеспечения материального положения, то это уже не творец, не художник. В крайнем случае, я пойду работать дворником, сторожем, кочегаром, но писать уже никогда не перестану, не смогу. Это от меня уже не зависит. По большому счету, не человек выбирает, а творчество выбирает человека. Сначала идет игра, но, в конце концов, игра уже идет "на разрыв аорты", как сказал Мандельштам.

- Есть люди, которые любят показать свою начитанность, блеснуть среди знакомых эрудицией, но стоит чуть-чуть углубить тему и там "блеснет" беспросветное невежество. Как это точно заметил Бирс, у таких: "Эрудиция - это пыль, вытряхнутая из книг в пустой череп". Ты же при всей своей глубине удерживаешься на поверхности. Такое закладывается только в раннем детстве и не без помощи родителей. Так что коль мы затронули тему семьи, то давай затронем и тему родителей. Кто они? Чем занимались? Кто были их родители?

- Мать моя умерла еще совсем-совсем молодой, мне было два года. Отец - преподаватель русского языка и литературы. Очень рано научил меня читать. У меня просто страсть к чтению. В детстве со мной он говорил больше по-русски, чем по-тувински. Но рос я в основном у матери (не удивляйтесь, меня вырастила тетя, родная сестра моей мамы, и я всегда звал и зову её мамой, и так она и останется моей матерью).

На меня очень сильно повлиял мой родной дядя, старший брат мамы. Тоже учитель русского языка, литературы и истории. Кстати, заслуженный. Светлая голова, неординарно мыслящий человек.

А о матери можно долго-долго говорить. Это целый кладезь народной мудрости.

Дед мой, по линии матери, был одним из самых знатных и богатых людей в округе. Его звали Мижит-Хуурак. А тувинцы знают, что

имя (вернее, приставку) Хуурак кому попало не дают. Но все у него отобрали в известные годы.

Дед по отцу был работником торговли. Человек образованный, колоритный, с очень своеобразным характером, властный, гневливый, но справедливый. Помню, у него был свой сад около дома. В те же печально известные годы он сидел на Колыме и Магадане по 58 статье.

А все бабки-прабабки мои, не смейтесь, пожалуйста, были шаманками. Вот и все, кажется. Но если обо всем говорить, то получится книга, в чем-то похожая на "Сто лет одиночества" Г.Маркеса.

- *Твое отношение к религии? Ведь ты один из переводчиков на тувинский язык "Нового завета".*

- Начну со второй части вопроса. Я считаю, что в культурном багаже всякого современного человека, народа, претендующего на самостоятельность мышления, независимость принятия решений, свободу выбора, должны быть основные тексты хотя бы трех мировых религий. Это и побудило меня взяться за перевод "Нового завета". Означает ли это то, что я пытаюсь насаждать тем самым христианство в Туве? Ни в коем случае. Во-первых, я думаю, что христианство не нуждается в том, чтобы кто-либо его "насаждал". Во-вторых, в перспективе я хотел бы перевести на тувинский язык некоторые тексты не только христианства, но и буддизма, индуизма, даосизма, конфуцианства, зороастризма... Я думаю, мы не вправе, принимая одно, все остальное отмечать и считать ложным. Ведь сказано: "Пути Господни неисповедимы" и еще сказано: "Дух дышит, где хочет". Бог даст, может быть, я в ближайшем будущем вплотную приступлю к этой работе. Этим самым я уже наполовину ответил на первую часть вопроса.

Кроме сказанного, мне кажется, что без веры в высшую истину, в существование некоего духовного начала, центра бытия и вселенной, без этой ностальгии по утраченному раю, художнику почти невозможно творить. Верую ли я сам лично? Вы помните, у Хармса есть такие строки: "На самом деле нет верующих и не верующих, а есть желающие верить и желающие не верить". Так вот, я отношу себя к тем, кто желал бы верить.

- *Сейчас повсеместно в России падает культурный уровень. Пути большой политики и настоящей культуры всегда пересекаются. Вопрос культуры - это вопрос политики государства на перспективу. Что нужно сделать для того, чтобы культура в Туве не была в загоне?*

- Увы, как это ни печально, это так. Что не успели разрушить за 70 с лишним лет правления коммунистов, сейчас с успехом доламывает сплошная коммерциализация жизни. Почти вся энергия людей направлена в русло обогащения. Ничем не прикрытая жажда наживы - вот чем руководствуется теперь, я не побоюсь этих слов, почти каждый. До серьезной ли литературы людям в данной ситуации? Как говорится, время - деньги. Надо деньги делать, а не над книгами

сидеть, тем более, серьезное искусство всегда заставляет людей задуматься о смысле жизни, вспомнить о нравственных нормах и т.д. А эти мысли мешают "делать деньги", да и некогда, да и не хочется, лень... Уж лучше что-нибудь развлекательное почитать и посмотреть для отдыха, если, конечно, вообще есть тяга и привычка к чтению.

Что нужно делать? Какие-то рецепты тут, конечно, невозможno выписать, да и не помогут они. Но ясно одно: всякая культура питается от корней своих, а корни нашей культуры серьезно повреждены, выросло уж несколько поколений людей, которые имеют весьма смутное представление о культуре своего народа, о его ритуалах и обычаях, об этике и эстетике, о верованиях и преданиях. Всмотримся хотя бы в простейшую церемонию приветствия, которая была жива еще до 40-50-х годов. Ведь там каждое слово, каждый жест четко предписаны, имеют глубокий смысл и неукоснительно соблюдались, а тот, кто нарушал хотя бы их порядок, считался грубым невеждой. Итак во всем. На все случаи жизни был установлен, как в общем-то, у всех восточных народов, свой тончайший этикет. И теперь, я думаю, перед нашей культурой, в первую очередь, стоит проблема восстановления разрушенной корневой системы народной культуры. В этом контексте мне импонирует позиция президента, я имею ввиду президента Тувы, который, помимо экономических, политических и других важных проблем, очень много внимания уделяет культуре, говоря точнее, постоянно твердит о возрождении духовности народа, возрождении национальной культуры, самосознания, достоинства и т.д. И он прав - без духовности нация, какой бы экономически богатой она ни была, мертва как единое целое. Она разлагается на отдельные индивидуумы, связанные между собой только потребительскими отношениями. Но одними лозунгами и дежурными мероприятиями делу не поможешь, наоборот, можно даже усугубить положение, профанировать.

Тут нужна серьезная, вдумчивая кропотливая, каждодневная работа, рассчитанная не на сиюминутный результат, тем более, что его не будет. Расчет должен быть на то, что весь труд, все время и все субсидии, вложенные в культуру, окупятся потом в виде духовно здоровой жизнеспособной нации. Это все равно, что посадить и вырастить дерево.

- *Твое отношение к современной политике и политикам? За кого ты голосовал на последних выборах? Какой тип политика тебе импонирует?*

- Надо признать, что современная политика, особенно в нашем, теперь уже постсоветском обществе вещь сложная. Нет старых, четко заданных идеологических схем, старые структуры, которые являлись, осью общественного строя, развалились, а новые еще как следует не определились, не говоря уже о становлении и прочем. И я, честно говоря, не завидую нынешним политикам, которым выпало на долю играть какие-то важные роли в этот переходный период. Но

С другой стороны, в наши дни, как во все смутные времена, на политических подмостках фигурирует так много авантюристов, темных личностей, потенциальных диктаторов, откровенных хапуг, разного рода проходимцев, людей, для которых даже такие простейшие понятия, как элементарная порядочность и элементарная воспитанность, так же сложны и непонятны, как китайская грамота.

Что касается выборов, то я ни за Ельцина, ни за кого другого не голосовал. Перефразируя известные слова Герцена, о себе могу сказать, что я бесконечно далек от политики и политиков, каким надеюсь остаться и в дальнейшем.

То, что современный политик должен быть, прежде всего, профессионалом в своем деле, стало уже общим местом. И хотя слова "порядочность" и "политика" трудно стыкуются, я бы все же сказал, что наряду с профессионализмом, ему в первую очередь должна быть присуща порядочность. Я больше склоняюсь к мысли Платона, что государством должны править философы. Хотя истории известно немало случаев, когда даже выдающиеся философы имели огромное влияние на политику государств и великих империй, но при этом, отмеченные отнюдь не процветанием народа и страны, а, наоборот, кровавыми заговорами, смутой и дворцовыми переворотами.

По большому счету, для того, чтобы люди, народы и страны могли нормально существовать, достаточно соблюдения всего лишь 10 заповедей каждым членом общества. Но это было бы уже идеальное общество. А идеал, как известно, на то и идеал, чтобы быть недостижимым.

- Какой ты видишь Туву в будущем?

- Равноправным членом мирового сообщества.

- В прошлом году ты закончил литературный институт им. Горького. Это элитарный институт. Тебе предлагали остаться в Москве. Согласись, предлагаю не каждому. Москва, как пылесос, из провинций вытягивает только лучшее. Но ты все-таки вернулся. Почему?

- Это для меня до сих пор очень болезненный вопрос. Да, предлагали для начала остаться в аспирантуре, а потом... Да что теперь говорить - дело сделано. Во-первых, я вернулся не только в Туву, я вернулся на родину. Во-вторых, хоть я и пишу на двух языках, все же я тувинский писатель. В-третьих, немаловажную роль сыграло жилищное, материальное и семейное положение. Ведь, как ни крути, а все же лучше, когда родня рядом.

- О писателях многие судят, что это люди, которые стучат на машинке, выкуривают много сигарет, пьют ящиками водку и скептически относятся к спорту. Я знаю, что ты занимался борьбой, боксом и даже каратэ.

- Все это было в юности. Немного занимался борьбой у известного тренера Билдея Каадыр-оола, затем перешел в бокс, там продержался дольше. Выступал в основном в Томске, когда там учился в мединституте. Есть, конечно, призы, титулы, но перечислять все это как-

то нескромно. Кстати, и здесь по республике брал призы. Чуток не добрал до кандидата в мастера. Довольно серьезно занимался каратэ со своим другом Владимиром Орус-оолом, который, кстати, в своем весе в то время был в тройке лучших мастеров по Союзу! Но теперь серьезные тренировки я совсем забросил, отдал дань молодости, как говорится. Иногда, так, для себя подвигаюсь, вспомню что-то.

- Помнишь, в булгаковском "Беге" есть такой эпизод, когда генерал Чернота, не имея ничего, кроме белых подштанников с завязками, выигрывает целое состояние. И его знаменитое: "А ты азартен, Парамоша!" Вопрос к тебе аналогичный, а ты азартен?

- Я человек увлекающийся, легко загораюсь какой-то идеей, но все это относится к каким-то проектам, имеющим отношение к искусству, литературе. В спорах на эту тему, да, азартен. К азартным играм (карты, кости) испытываю непреодолимую скучу.

- Как проводишь свое свободное время?

- Свободного времени у меня, можно сказать, нет. Кроме редакторских обязанностей, писательства и чтения, которое занимает все мои свободные часы, я всегда нахожусь во власти мыслей о своих вещах, написанных или задуманных, о прочитанном и т.д. Но, когда все-таки выдается минутка передышки, люблю погулять с женой и сыном, пообщаться с друзьями, посмотреть хорошее кино, серьезные передачи об искусстве, истории.

- Какое время года тебе по душе?

- Нелюбимых времен года у меня нет. Но все же больше люблю осень, особенно конец осени, предзимник. Мне в это время и думается, и пишется легко и хорошо.

- Стихотворение "Черемухи", которое ты написал в 18 лет, стало песней, которую пела вся Тувा. С тех пор твоё имя на слуху у многих. Как ты относишься к славе?

- Кстати, оно было написано не в 18, а чуть позже. К тому же я написал не только стихотворение "Чодураалар", но и музыку к нему. И все это официально зафиксировано, принято Союзом композиторов, Министерством культуры. Правда, эта песня была популярна в Туве несколько лет, но проходит время, приходят другие песни. Такова жизнь.

А слава... если скажу серьезно, вы все равно не поверите. Но, тем не менее, я вполне серьезно отношусь к славе как к безделушке, мишуре и пустой болтовне. Да, я понимаю, артистам, певцам и кому-то там еще она нужна позарез. Но серьезный писатель, на мой взгляд, все-таки работает не для этого.

- Когда ты всерьез почувствовал, что из тебя получится писатель?

- С тех пор, как написал свою первую строчку... А если серьезно, то я и сейчас не знаю, все время сомневаюсь. Каждый раз перед чистым листом бумаги я чувствую себя профаном, что ничего не умею, ничего не знаю, абсолютно бессилен. И никогда не знаю, получится из этого что-нибудь или нет. Поэтому, наверное, не очень

хорошо отношусь к чересчур самоуверенным, самодовольным индивидуумам. И, как правило, подавляющее большинство из них оказывались просто графоманами и воинствующей серостью. Все это я говорю, естественно, не для того, чтобы что-то сказать в свою пользу.

- Ты принципиальный человек?

- Да, многие друзья и знакомые так говорят обо мне, но человек ведь не машина, не робот. И жизнь - не арифметическая задачка. Какие-то компромиссы в жизни просто неизбежны, хотя хочется, конечно, чтобы их было меньше. И все многообразие проявлений жизни и духа не дает нам оснований судить о них категорично.

- Веришь ли ты в приметы?

- Мне на ум приходит одна фраза, произнесенная кем-то из великих, кажется, Руссо (за точность не ручаюсь). Когда его спросили, почему у него на двери висит подкова, неужели он верит в приметы, он ответил: "Но мне сказали, что подкова приносит счастье, независимо от того, верю я или нет". Хорошая шутка?..

А мой собственный "заскок" в том, что никогда никому не показываю не до конца написанных вещей. Проверено! - они так и остаются незавершенными.

- Два Николая: Гумилев и Рубцов, один за 12 лет до своей гибели, другой за год или два, написали пророческое:

"А ты, убийца дальний, кто ты?!"

"Я умру в крещенские морозы..."

Живет ли в тебе подобное чувство роковой предопределенности своей судьбы?

- Честно говоря, я не задумывался об этом. Как-то так получается, что все, что ни пишу, так или иначе касается смерти. Но больше в философском плане... А собственная смерть... когда посчитает нужным, тогда и придет...

- Юрий Кузнецов однажды выпрыгнул с седьмого этажа общежития лингинститута, но чудом остался жив. Говорят, что ты тоже совершил нечто подобное, но только с балкона третьего. В "Ликах ночи" у тебя есть строчки "...хочется выбросить себя из окна на пустынный ночной перекресток и ... разбудить спящий город". Не пытался ли ты как-то подсознательно подтвердить написанное. Проверить поступком?

- Вы знаете, Евгений Владимирович, все это произошло в состоянии, что называется, эмоционального эффекта, и, естественно, в те минуты я не думал о тех строках, которые вы мне сейчас напомнили. Но если признаться честно, не могу отрицать наличия неких подсознательных импульсов. Ведь, как утверждает в одном месте Шопенгаузер, подсознательное стремление, воля к самоуничтожению, к небытию заложены в каждом из нас.

- Твоя семья состоит из трех человек. Вы живете в однокомнатной квартире. Условия для писательского труда оставляют желать лучшего. Писать, чаще всего, приходится по ночам. Не связано ли это с твоими темами?

- Условия, конечно, мягко говоря, не акти. И заметьте еще, начали над бумагами, книгами сидеть приходится не только мне, но и жене. Что касается тем моих вещей, то я их сначала долго вынашиваю и не все из этого, кстати, попадает на лист бумаги. Мне трудно говорить, связаны ли они с тем, что пишу в основном по ночам. Может быть, на каком-то подсознательном уровне и есть какая-то связь. Но в том, что частые ночные бдения не самым лучшим образом влияют на здоровье, мне сомневаться, увы, не приходится.

Все это так, но ведь звезды видны только по ночам...

- Все написанные тобой вещи можно охарактеризовать одним словом - сновидения.

- Скорее всего я соглашусь с вашим мнением. Вспомним хотя бы Кальдерона: "Жизнь есть сон" или что говорил по этому поводу Борхес: "Литература - это сны наяву". Кажется так? Цитирую по памяти, поэтому могут быть неточности. Но смысл таков. Если сны рассматривать, как прорыв или попытку прорыва в запредельную сущность бытия, то и литературу, подлинную, естественно, литературу, подлинное творчество мы вполне можем назвать неким родом управляемого, целенаправленного сновидения, стремящегося так же прорваться по ту сторону обманчивой игры видимого мира. Тем более, что и сны, и литература пользуются одними и теми же приемами - символами, метафорами, аллюзиями и т.д.

- Какой совет ты бы дал, если бы тебя попросили, начинаяющим литераторам?

- Не люблю давать советы, поучать, но если уж так попросят, то сказал бы, чтобы сто раз подумали, стоит ли им начинать это дело. Ведь литература на самом деле - это не описание каких-то происшествий, не вздохи при луне, не цветочки, не бесконечные признания в любви к женщине, родине, правде и т.д. И не нравственные поучения, не развлечение, не словесные выкрутасы. Настоящая литература - это прежде всего Искусство. А подлинное искусство, надо честно признать, вещь довольно жесткая, я бы даже сказал - жестокая. Она требует человека всего, без остатка, она даже требует от человека невозможного. Помните, в одной новелле Акутагавы старый художник, великий мастер, рисует муки ада, видя, как сжигают его собственную дочь. Вот она - власть искусства. Искусство - страшная вещь. Она заставляет человека взглянуть в такие глубины человеческой души и мироздания... А там такие темные бездонные пропасти! Сможете вы, не дрогнув, подойти и взглянуть в эту бездну... и... шагнуть туда?

Но, впрочем, можно и не доходить до таких вещей, а просто оставаться посредственным писакой, только какой уважающий себя человек захочет этого?!

- В тех же "Ликах" у тебя есть такая мысль: "Вещи от прикосновения кончиков пальцев начинают выявлять свою затаянную сущность..." Есть ли в твоей жизни вещи, к которым ты привязан и которые влияют на твое творчество?

- Да, я убежден, что каждая вещь, даже самая мельчайшая, таит в себе массу неразгаданного, и при внимательном рассмотрении можно проникнуть в ее затаенную сущность. Каждая вещь, явление, жест под пристальным и непредвзятым взором откроются для нас, как волшебный ларчик, и оттуда посыплются на нас неслыханные мифы и легенды и такие подробности их подлинного бытия... И нам предстанет мир во всей его неоднозначности, многослойности, многомерности. И именно таким, мне кажется, нам следует воспринимать этот странный мир с населяющими его существами.

Но в жизни у меня нет особой привязанности к каким-либо вещам, хотя мне нравятся какие-то необычные, красивые, странные вещи, предметы, представляющие некий эстетический интерес.

Если говорить о каком-то влиянии, то очень странное, почти магическое воздействие на меня оказывают самые, казалось бы, обычные, самые привычные вещи, например, часы. Они мне иногда представляются некими взрывными устройствами замедленного действия, и они, будто говорившись, ждут своего момента... и становятся как-то не по себе. Кстати, я об этом навязчивом ощущении писал в некоторых своих стихах.

Или вот зеркала. Когда долго на них смотришь, нет, не обязательно на свое отражение в них, а рассматриваешь их целиком, стараясь вникнуть в полноту их бытия, меня, например, охватывает жуткое чувство нереальности своего существования, даже больше, рождаются сомнения относительно подлинности вообще всего нашего мира. Самое удивительное то, что хотя тема зеркал настолько обкатанная, можно сказать, обмыселенная тема в мировой литературе, они, все равно каждый раз подкидывают нам все новые и новые мысли и образы, один необычнее другого, подобно тому, как они сами, эти плоские, гладкие, блестящие монстры, неустанно множат и множат наш мир... и каждое из них, отражая один и тот же мир, отражает, интерпретирует его по-своему. И так без конца.

Или вот хотя бы одна крохотная снежинка на ладони. Стоит только заметить ее, остановить на ней свое внимание, взглядеться... И мы, может быть, всего лишь на мгновенье увидим, поймем, что это одна из тех самых потайных дверей, которые могут ввести нас в иные миры, может быть более духовные, более реальные. Или магическое зеркало, кристалл, окно...

- *И последний вопрос: мистика и обыденное в жизни часто живут рядом. Доля мистики есть и в твоем творчестве.*

- Стоит только попробовать более глубже всмотреться в этот мир и в самих себя, как то, что мы называем мистикой, незаметно начинает проникать и в творчество, точно так же, как мистика и обыденное, как вы только что сказали, существуют рядом, взаимодействуют, взаимопроникают друг в друга.

Ведь на самом деле мы все очень мало знаем даже самих себя, а уж что говорить о таких немыслимых вещах, как жизнь и смерть, Земля и Небо, Космос, Вселенная, бесчисленные вселенные, иные

формы пространства и времени, направление, формы и свойства энергии, свет и тень, бытие и небытие, Бог и дьявол и многое, и многое другое. И все проявления этих сущностей, которые непостижимы нашему интеллекту, мы, особо не утруждая себя размышлениями, спешим назвать мистикой. Некоторый налет мистики и в моих вещах играет каждый раз какую-то определенную роль. Или это вызвано желанием как-то выпукло обозначить некоторые странности мира, психологии, искусства, или стремлением создать атмосферу, ауру того или иного мира чувств, размышлений, или попыткой сдвинуть восприятие человека с наезженной колеи, заставить его взглянуть на мир, явления, людей с какой-то другой стороны, выбрать из-под его ног почву шаблонного мышления. В меру своих способностей я пытаюсь сказать, что человек приходит в мир не для того, чтобы судить или восхвалять, а для того, чтобы, по моему мнению, постараться хоть что-то понять в этом странном мире. И обрести точку опоры.

Или, может, я обольщаю себя надеждой, что мне удастся хоть кого-то подвести к краю пропасти, чтобы тот, заглянув в эту бездну, понял, насколько зыбок и ирреален на самом деле мир, в котором мы живем, который мы считаем таким обыденным, таким прочным, таким уютным и своим. Мне иногда кажется, что там, на самом краю бездны, человек вдруг проснется, как лунатик, и обнаружит, что жил-то он, в сущности, в фальшивом мире, мире от начала и до конца невольно придуманном, может быть, для того, чтобы жить беззаботно, не задаваясь лишними вопросами, жить удобно без проблем. И тогда все то, что придет к нему в этот мир озарения, он обязательно понесет к другим, ибо я верю, что в человеке изначально заложено желание делиться со своими собратьями и хлебом насыщенным, и мыслями и чувствами, и горестями и радостями. И озарениями тоже.

А может у меня и вовсе нет никаких целей как-то на кого-то воздействовать, а есть просто попытка найти, нашупать свой путь и пробиться к средоточию бытия и своей души, или попытка высвободить ту творческую энергию, которая, как сжатая пружина, сидит в каждом из нас, или попытка спастись, переродиться или освободиться, что, в общем-то, одно и то же... Я не знаю. Я ничего не знаю. Но мне нравятся те писатели, которые не только рассказывают о событиях и судьбах, а создают некое энергетическое поле, поле, где возможно чудо постижения всей полноты бытия, где до предела напрягаются воображение, душа и интеллект, те художники, которым дано так зарядить энергией создаваемый ими образ, что одного прикосновения к энергии этого образа достаточно, чтобы неотвратимо и навечно пронзить наши души.

Беседовал Евгений Антуфьев

Эдуард Мижит

СНОВИДЕНИЯ

Лабиринты,
Развалины стен,
Зеркала,
Умножающие ходы
И множащиеся сами
До бесконечности
Каждую ночь.
И в каждом коридоре
Меня поджидают
Толпы чудовищ,
И я отбиваюсь,
Убегаю,
Запутываю следы,
Прячусь в углах и под лестницами,
И, наконец,
Отчаянным криком
Разрушив ловушку сна,
Пробуждаюсь.
И, облегченно вздыхая,
Наблюдаю, как рассыпаются в прах
Стены кошмаров,
Хотя и знаю, что за день
Они снова восстанут из руин
И снова,
Отразившись в бесчисленных зеркалах
Своих сновидений,
Толпами чудовищ
Буду набрасываться
Сам на себя.

ПЕЩЕРА

Подгоняемый ветром
И ведомый случайной тропой,
Я набрел на эту пещеру в горах,
И тысячи призраков -
Ее обитателей,
Пропуская меня к очагу,
Объявили,

Что вот уже много веков
Терпеливо меня дожидались.
И с тех пор
Я так и живу здесь,
Бесконечные
Слушая речи теней
Или
Тихо блуждая
По лабиринтам
Ее темных и мрачных углов.
А натыкаясь
В холодной мгле
На острые камни
Стен,
Холодеет от горести сердце,
Превращая меня
В одну из теней
Этой страшной пещеры,
Имя которой -
Моя душа.

ВЫБОР

Месить и обжигать
Кирпичи слов,
День за днем
Складывая из них
Пирамиду,
Башню
Или дворец.
А можно,
Сидя у реки,
Пускать бумажные кораблики,
Оставляя стихи
На страницах проносящихся волн.

ЗНАКИ

Змеяясь вопросительным знаком,
Ползет к моим ногам
Тень фонарного столба.
А над головой,
Набычив шею,
Навис вопросительный знак

Настольной лампы.
И я,
Зажатый ими,
Сжимаюсь от страха
И превращаюсь
В подобие виселицы,
В петле которой
Затянут восклицательный знак
Моего собственного крика.

СТРЕМЛЕНИЕ К ОДИНОЧЕСТВУ

Скромно усевшись в углу,
Напряженно молчит
С наморщенным лбом
Моя тень.
Вот и опять
Она старается подслушать
Мои мысли.
Я выключаю свет
И задергиваю шторы.

* * *

И вот оно
Время сказать,
А время уже прошло.

* * *

Одноко брожу,
Подхожу к скамейке,
А там - я,
Одноко
Сидевший здесь
Недавно.
Поговорили,
Но друг друга не поняли.
Ничего,
В следующий раз
Нас будет трое.

* * *

Подхватив
Кучу желтых листьев,
Начинает кружить над землей
Ветер.
И долго так носится с ними,
Как с какими-то сокровищами,
Пока не поймет,
Что это
Всего лишь
Куча сухих,
Никому не нужных,
Листьев.

* * *

Всю жизнь
Я, как рыба,
Выброшенная на берег,
Пытаюсь приоровиться
К этому странному миру
Со странными людьми,
К их странной жизни
Со странными порядками...
А когда, наконец-то,
Начал кое-что понимать,
Увидел, что каждый
Занимается этим же
Всю свою
Такую странную
Жизнь.

* * *

Неужели
Мне так и суждено
Каждый раз
Оборачиваться во тьму
Видений
Перед самым выходом
Из подземелий
Сна...
И ощущать
Тяжесть соли,

Застывшей на краях
Глаз.

* * *

Мыслей моих сумрачный строй,
С криком гортанным
Себя подгоняющим,
И топотом гулким
Копыт азиатских,
Болью в висках отдающим,
Неудержимо
Несется туда,
Где гаснет последний
Солнечный луч.
Где слова мои -
Стрелы,
Бесследно исчезнут
В бесстрастных волнах
Забвения
Таинственного моря
Небытия.

ЛИКИ НОЧИ /поэма в прозе/

I

...И вот ночь, как высохший колодец. И тьма, словно холодные стены, испещренные невидимыми письменами.

Вот и вещи от прикосновения кончиков пальцев начинают выявлять свою затаенную сущность. И только так, на ощупь, начинаешь смутно угадывать истинный смысл этого сотни раз читанного тобой текста.

Вот и звезды - эти глупые светляки - назойливо лезут с советами и ключами к шифру, словно воры с отмычками. И тусклый их свет похищает твою хрупкую слитность с миром, и чуткая поверхность предметов и не менее не менее чуткая поверхность твоего тела теряет часть своей тайны.

Вот и луна, что заглядывает в ночь и тщетно шарит в потемках тонкими, бледными лучами и нашупывает только отдельные буквы, слова и ~~бессмыслиц~~ куски этих надписей. И душа твоя - брошен-

ная кем-то на счастье монета - все больше и больше покрывается темным налетом.

Вот и вздох привычного разочарования выносится эхом наверх и преподносится там кому-то, как безудержный хохот. И скука, песком засыпающим старый колодец, заползает во все углы, поглощая все твое существо.

Вот и ночь прошла в бессмысленных поисках смысла, способного соединить разрозненные слова и предметы и наполнить их, подобно воде, давным - давно ушедшей из колодца. И сам колодец, неизвестно для чего придуманный тобой, распался на куски и растворился, оставив наедине с пустотой, этой непроницаемой стеной, отделяющей тебя от всего.

Вот и все.

II

Вот какая она - эта дьявольская ловушка!

Вот он - тот заколдованный круг, где, как вол на току, начинаешь молотить чепуху о жизни и смерти и, словно часы, все夜里 напролет бормочешь одно и то же о загадках времени, но все больше кругов описываешь вокруг собственной оси, и ничего нового уже не можешь найти для себя в этом мире.

Не правда ли, ужасающий повод для гордости?

Кто попал в этот круг, тот, известное дело, пропал - ведь ты видишь, что мир изначально кружится в бесконечном и бессмысленном танце, называемом жизнью.

Разве стоит напоминать кому-то о бедных мотыльках - огнепоклонниках?

Ведь ты видишь, что человек ни на шаг не ушел от дикаря, заклинившего смерть прыжками вокруг костра, только вместо дубинки теперь потрясаает словами.

Неужели не видит он, что давно притупились лезвия слов? И все топчется, топчется он, не решаясь шагнуть в огонь, ни за лезвие света, во тьму. Лишь немногих безумцев удалось слизнуть коровьим языкам костра, да лишь горсточка махнувших рукой на себя и на мир, ушли в темноту в обнимку с собственными тенями.

Вот поистине затоптанный круг!

И ты, не имея сил отвернуться, обречен взирать на эту карусель и без конца расшифровывать изгибающиеся в танце иероглифы теней. И это ты называешь искусством? И это есть твоя мудрость?

Разве можно так много думать о том, чего нет?

Впрочем, ты и впрямь хорошо разбираешься в самых последних вопросах - можно подумать, что тебе известны некоторые начала. Но если ты и в самом деле так мудр, почему же мудрость не посоветует тебе попросить хотя бы капельку детской наивности?

Вот она - последняя лазейка из замкнутого круга затертых вопросов.

И самое лучшее средство от иссушения мозгов и души, и от искушения кинуться грудью в пропасть ночи, подставляя горло стальным остриям звездных лучей.

Скорее воспользуйся этим лекарством...

Всего лишь несколько капель, думаю, хватит для твоих потускневших глаз, чтобы снова перед тобой, вместо серой стены ловушки, раскинулось чистое поле с травой и цветами, а над головой, вместо холодного блеска луны, похожей на мерцание некой идеи, зарозовела, стая легких пушистых облаков. Что из того, что поле и небо нарисованы на внутренней стороне твоих век. Пусть так.

Пусть не будят тебя на заре...

III

Снова ночь, словно темные вечные воды, сонно плещется из края в край, снова волны ее, словно ребенка, качают своего одинокого пловца.

А ты - редкий любитель ночных купаний - не спеша плывешь, как корабль, в фарватере лунной дорожки и сверяешься с курсом, проложенным Млечным Путем на карте звездного неба. И словно корабль, обремененный грузом, ты носишь в себе вопросы свои, и никак разродиться не можешь ответом, но сначала тебе самому еще нужно родиться на свет.

А ты вновь и вновь с головой окнаешься в ночь и не хочешь прибиться к вчерашним своим берегам, ни к тем, что покажутся завтра, словно хочешь свободно, как ночь, бесконечно перетекать из Сегодня в Завтра, потом во Вчера - и обратно.

Но все равно каждый раз приходит время перерезать пуповину между светом и тьмой. И тогда полоснет по живому убывающий месяц, как лезвие скальпеля, и простирай забелевшее небо окрасится кровью рождения нового дня.

И ночь будто склынет, как вечные воды, повторяя привычную роль в ежеутреннем акте творения. А на высохшем дне останется рыба, что будет бессмысленно пучить глаза, разевая безмолвную пасть, но никто не поймет, то ли смех у нее такой, то ли плач, и лишь ты в ней узнаешь себя, пригвожденного лучами солнца к этому дню.

А вопросы твои - стая диких гусей, словно нехотя оторвавшись от волн, долго будут кружить над тобой и выгибать удивленные шеи, не веря тому, что в себе, в глубине своей ночи, ты скрывал и искал, как ответ, всего лишь себя.

И долго будут они гоготать над тобой...

IV

Вглубь! Все глубже и глубже!

Все ближе и ближе к тому, что не имеет ни имени, ни образа, ни точки в пространстве, подойдя к которой можно сказать: "Вот - я рядом с ним". Но все-таки...

Вглубь! Все глубже и глубже!

Вот оно веление, данное себе после стольких попыток борьбы с океаном, после стольких, не без достоинства все же, проигранных битв, после стольких блужданий, цель которых - бесцельно носиться по прихоти волн, подводных течений и грез, уводящих куда-то.

Вглубь! Все глубже и глубже! И вот он на самом дне, погребенный под толщей воды, под толщей времен и под грузом немыслимых истин. И никому неизвестно, да и дела нет до того, как попал он туда.

Вглубь! Все глубже и глубже!

Камнем ли брошенным в воду, ныряльщиком ли - искателем жемчуга, счастья, мудрости или бессмертия, А может он как затонувший корабль, медленно и медленно опускался туда.

Вглубь! Все глубже и глубже!

Где уже никому не нужны, а, может и не интересны, ни содержимое его трюмов, ни оснастка, ни пройденный путь, ни то, что с каждым мгновением он все больше и больше, как тоской и отчаянием, засасывается и засасывается песком.

Вглубь! Все глубже и глубже! Туда, где он уже бесконечно далек от того, что искал, и от тех, что ищут его. До тех пор, пока, когда-нибудь не раскроются над ним, словно книга на нужной странице, бесконечные волны и мертвый зыбучий песок, пока звезды, мерцающие там, в глубине Вселенной, не заглянут ему в душу.

Вглубь! В самую глубь его сердца!

И ,быть может, они отшатнутся в ужасе от мрака, таящегося там. И погаснут.

V

Мрак. Мрак безлунной ночи. Без мерцающих звезд и мерцающих символов. Бесконечный комок кромешной тьмы. Где нет ни "меня," ни "тебя", ни "его", ни "нас", сколько ни перечисляй. И все это не имеет никакого значения.

Мрак, где нет ни ритма, ни времени, ни образа, ни мысли, ни снов. Или все это есть, но смешано в кучу, слито в нерасчленимую массу.

Хаос, где ничего ни с чем невозможно сравнить, поскольку можно сравнивать все со всем подряд. В каждом слове бессмысленное и нудное повторение других слов... Безразлично, каких...

Непроявленность, где попытка, "я" или "здесь", как точка, как пузырь, лопающейся в одно мгновенье.

Где я - лишь чья-то маска, где то, что ты называешь собой - это я, но и они, и мы - это я или ты.

Где все мы - всего лишь маски пузырящегося хаоса... Вся история Вселенной - бесконечная трагикомедия со сменой масок. Жутко бессмысленный фарс. И ничего нового - как давно это все переварено! В самом себе переваривающийся сгусток слизи.

Для деревьев есть чрева, костров, для травы есть чрева животных, для которых есть чрева хищников, и для всех них есть чрева людей, пожирающих все и даже друг друга, но и для них есть чрева - чрева могил, чрева мрака, чрева забвения, чрева и чрева... Мир как огромное чрево.

Жующий, глотающий, чавкающий и без конца переваривающий все и вся и самого себя исполинский кишечник. Чудовищная перистальтика. И это жизнь??!

Что за мерзкое копошение! Уберите из моей головы паука, опутавшего меня паутиной отчаяния, и носорога, затоптавшего искры моих надежд и озарений!

Мрак. Полный Мрак. Безысходная Тьма. Хоть криком кричи, хоть волком вой, хоть весь превратись в безумный хохот, хоть в каменное безмолвие. Тебя нет. И его нет. И их нет. Есть только чернота - черная дыра хаоса... Такая скуча...

Наконец-то ночь показала свое истинное лицо! А как долго она заманивала меня в свое логово! Искусной игрой бесчисленных ликов она завлекала меня к себе в нору и вдруг змеей повернулась лицом и оставила на мне свою метку... черную ранку, из которой вытекли мои иллюзии.

И я истек. А пустота заполнила мои вены, мое сердце, мою душу.. Это и есть яд отчаяния. И я - сосуд, наполненный ядом... Разбить! Ни секунды не медля! Выбросить себя из окна на пустынnyй перекресток и звоном своим разбудить спящий город.

Эти аккуратно разложенные по квартиркам - полочкам и пронумерованные штабеля спящих! Целые штабеля пребывающих во тьме небытия, штабеля мумий в заплесневелых саркофагах давно уже обветшавших мыслей, слов и дел.

Мне бы точку опоры и я с удовольствием бы вытряхнул их из трухлявых коконов представлений, как из мятых простыней теплых постелей. И увидели бы они мир - точку опоры, растворившуюся во мраке бесконечной ночи - мир, как шарик, исчезающий в пальцах фокусника.

Но никому не дано разгадать этот фокус, объяснить неповоротливыми и деревянными, как слоны... нет, как mastodonты, словами, эту полную пустоту. Поистине испокемый образ мыслей у этого мира... И нет ничего, чего не раздавили бы на своем пути твои слова. Все тончайшие чувства, как китайский фарфор, разбиваются вдребезги при соприкосновении с твоими словами, человек, - но какая тебе разница, как тебя назовут?

Разве ты можешь сотворить пустоту? Если можешь, назови себя Богом. Но нет, человеку не под силу мистификация, называемая Створением.

А мы так ничего и не знаем о главном. Во мраке неведения пребывает мыльный пузырь, что зовется миром.

А это мгновенное крохотное отражение чего-то на радужной поверхности пузыря, как в чьем-то глазу... Что же это? Может я? Хотелось бы надеяться, что существую.

Господи, укрепи, уверь меня, что ты есть! Тогда я поверю, что и я есть. Протяни мне хотя бы соломинку солнечного луча, чтобы я не утонул, не пропал без следа в пустоте своих безумных слов и очей...

А эта ночь - одна из самых опасных и безнадежных ночей. Все проваливается в пустоту. Всюду зияющие провалы. Провалы внизу и наверху. То слишком высоко взлетает, то прямо в бездну падает тот, кто хочет вырваться из мрака хаоса.

Труднее всего вытягивать ноги из пустоты...

VI

И еще одна ночь. Да холодный блеск ятагана, занесенного над головой...

Снова, схватка со страхом, с желанием укрыться от ночи в спасительном облачке сна.

И страх, умирая, взрывается парой немигающих глаз, пронзающих пустоту зелеными стрелами.

И семя, умирая, взрывается деревом. Это его борьба с пустотой.

И отчаяние, умирая, взрывается смехом. И это его борьба, с пустотой.

А ночь, умирая в бунтующих душах, взрывается башней. Это наша борьба с пустотой.

Так мы побеждаем ночь. Мнем ее, как глину, в своих крепких руках, испытывая на прочность, и строим из нее башню.

Башню, отодвигающую пустоту все дальше и дальше.

Башню, торчащую из земли, как палец, угрожающий пустоте.

Башню, изгоняющую пустоту из наших сердец.

Башню, как меч, но и башню, как щит.

Башню с бойницами и сигнальными огоньками звезд.

Есть под нашей башней множество темных туннелей, ям и колодцев.

Немало под нашей башней и тайников, где хранятся загадки и клады.

Есть в нашей башне и веера винтовых лестниц, где время закручивается жгутом.

А вся наша башня есть лабиринты комнат и коридоров, где можно кружить и кружить, всюду встречая только свою тень, свои следы, и слышать эхо своих же шагов, или из одного тупика попадать в другой

и видеть там, как и в предыдущем, только свое отражение в зеркалах. И так без конца.

А за каждым углом в нашей башне прячутся, поджиная жертв, пропасти лестничных пролетов, и всегда раскрыты их черные пасти.

Но не от злого умысла ее строителей так неприветливо смотрит на вас наша башня...

Это следы наших страхов остались в виде клубка туннелей, и тоска прорубила колодцы, на дне которых мы провели немало ночей.

И ямы, и пропасти - это тоже наши следы. Следы провалов, стремительных падений, в которых мы запутались сами в себе.

Но бывают и редкие моменты удачи, когда мы, чуть-чуть потеснив пустоту, успеваем надстроить очередную ступеньку к спирали лестницы и перед нами, словно веер, раскрываются новые дали.

И поднимаемся мы все выше и выше - наша башня и мы сами в своих глазах - мы, победители ночи, борцы с пустотой.

И уже привыкаем к мысли, что мы приручили тьму, какдишую кошку, и она уже не страшна.

И не замечаем коварной и смехотворной подмены, проделанной ночью с нами, во что обернула наше бесстрашие тьма, незаметно заполнив наши жилы.

И не видим, что это ночь явила нам еще одну из своих бесконечных личин и навеяла сон наяву; будто мы строим исполинскую башню из тьмы.

И не слышим ни скрежета, ни ужасного грохота, с которым рушится ночь; только недоуменно взираем, как осыпается и исчезает наша башня, словно столб пыли, прибивающей к земле очищающим и орошающим ливнем.

И только в наших пустых и темных глазницах узнаются бойницы, уцелевшие от разрушения, и напоминают о чудовищных башнях, построенных нами за одну эту ночь в своих душах.

И жаждут души ливня!

VII

...Мои речи так же невнятны и невразумительны, как глухое бормотание ночей, и даже мне самому непонятно, что бубнят мои неуклюжие губы.

И так же неуклюжи и уродливы, как конвульсии эпилептика, все мои усилия выползти из плена ночей, и извиваюсь я так же потешно, как червь дождевой, вылезающий из земли.

Но не так-то легко мне отделаться от наваждений, и вот уже ночь кажется мне огромным, до бесчисленных дыр изъеденным червями черепом с единственной глазницей - луной.

Или это нищенский ветхий колпак накрывает нас на ночь? Вот так штука - весь мир под колпаком... Впрочем, так оно ведь и было всегда... Да, в самом деле, по скользкой дорожке бреду я.

И каждый раз скатываюсь на край бездны, и мрак, изгоняемый мной из себя, моими глазами вглядывается в меня оттуда, требуя ответа. И все плотней и плотней окутывает меня эта тьма, как тяжелый и вязкий наркотический дым.

Неужели я окончательно съеден ненасытной ночью и обречен блуждать во мраке ее утробы? Как отвратительно ее урчание!

Словно в забытой Богом пещере, я в этой утробе. И выход пещеры заложен огромным холодным камнем...

Нет, не сдвинуть мне одному этого камня с души. И уже не в силах помочь мне мой спасительный смех над собой. Оттого и струится мой смех за чешуйкой чешуйкой из горла, обдирая в кровь язык и горло, и холодным шипящим кольцом обвивает мне шею и сжимает, сжимает, беззвучно смеясь. Вот теперь он и в самом деле от души надо мной посмеется;

И даже над той затаеной, последней надеждой, что темно до тех пор, пока мы внутри своих коконов обзаводимся парой прозрачных крыльев;

Что настанет миг, и наконец-то, пусть не совсем изящно, но выпорхнем мы из кокона, тьмы...

...Но, увы, мои крылья уже не поднимут меня; опаленные темным огнем моих ночей, они лохмотьями висят по бокам. А в последней попытке взлететь я падаю снова, во тьму, обугленный, как головешка.

И застываю на полдороге, словно на барельефе, и каменею, едва намеченный, с повернутым назад лицом. Видимо, я и впрямь из рода вечно обрачивающихся в самый последний миг...

Слова... слова жажду я, Боже, - такого слова, чтобы ухватиться мне за него, как за соломинку...

НОВЕЛЛА /рассказ-сон/

Он был какой-то странный. Нет, нет, не фантастичный, не кошмарный, а, наоборот, до жути похожий на явь. Мне снилось, что я снимаю маленькую, узенькую комнатку в полуподвалном доме на тихой улочке, которая находится на восточной окраине города, хотя никаких полуподвальных домов в городе не было. Будто уже несколько дней сижу над очередной новеллой и никак не могу более или менее внятно объяснить логику событий, происходящих в ней. Дело дошло до того, что новелла, помимо моей воли, начала разрастаться, непостижимым образом принимая очертания то повести, то начала нового романа или вообще не желая принимать никакой формы. Видимо, ей нравилось дразнить меня, оставаясь этакой рыхлой, сырой массой слов, жестов, обрывков мыслей, и при этом, мне кажется, она еще пыталась повиснуть в воздухе, подобно мыльному пузырю, грозя то ли улететь неведомо куда, то ли шлепнуться об пол

и превратиться в грязную лужицу, то ли лопнуть на моих глазах, издав напоследок едва слышный издевательский хлопок. А я всеми силами пытался затолкать обратно в изначально задуманную мной схему это тесто, упрямо вылезающее из кастрюли. Почему-то я боялся дать ей волю, мешая развиваться ей дальше по - своему внутреннему закону, который я нечаянно заложил в ее основу, и который для самого меня оставался загадкой, подобно чересчур самостоятельному ребёнку, отец которого вместо того, чтобы постараться понять его, предпочитает держать строптивое дитя в ежовых рукавицах. Пойти по пути, предлагаемому мне этой вещью, означало еще большую затрату энергии и времени, а во сне я куда-то ужасно торопился и хотел во что бы это ни стало закончить ее, пока не поздно. Что стояло за этим "пока не поздно" и что должно было произойти, после чего станет уже поздно, я представления не имел. Но, думаю, что покопайся хоть чуть-чуть в своем подсознании, я нашел бы ответы на эти вопросы. Кстати, и эту мысль мне подсказывало то же самое подсознание. Но какой-то страх, причина которого оставалась для меня загадкой в такой же мере, как и причина спешки, удерживал меня от самокопания.

Последние капли в чашу моего нервного перенапряжения ежедневно, ежечасно добавлял сосед - дряхленый старичок в никогда, видимо, не снимаемой рубахе неопределенно грязного цвета и в ветхих серых штанах. И вообще, всего его - складки его одежды, морщины на его лице, дрожащие руки со скрюченными пальцами, взгляд его бесцветных настороженных глаз, его хриплый голос, глухо идущий, казалось, откуда-то из живота и даже запах его затхлого, никогда не проветриваемого жилища, сопровождавший его всюду, как верная, но состарившаяся и бесполезная собачонка - я видел, слышал, ощущая не как во сне, а так, будто все происходило наяву, как , впрочем, и все остальное в этом сновидении. Нас разделяла тонкая стена, сквозь которую был слышен каждый вздох и малейший скрип половиц. И вот в те моменты, когда казалось, что единственно верное слово, поворот мысли, способные вывести меня из тупика, где-то совсем рядом, уже почти найдены, и я, невольно вскочив, начинал возбужденно расхаживать по комнате, напоминая хищного зверя в клетке, перед которым слегка приоткрыли дверцу, но не настолько, чтобы можно было, притиснувшись, выйти на волю... ушатом ледяной воды выливались на меня его хриплое кхеканье и похояхтывание еще более омерзительных тем, что я сразу представлял его лицо. А странностью этого лица было то, что оно было абсолютно неподвижно или, по крайней мере, мне виделось таким. Каждое утро и каждый вечер он выходил из дома и кормил своих кур. А так как мое единственное окошко выглядывало во двор, я наблюдал эту картину ежедневно, а в последствии мне чудилось, что могу видеть ее даже отвернувшись к противоположной стене. Выходил он всегда с одним и тем же целлофановом мешочком в руке, которая больше походила на высохший темный сук, трясущийся от порывов

ветра, чем на руку живого человека. Подзывал своих кур, высыпал им из мешочка неестественно - фиолетового цвета зернышки и, пока они склевывали эту довольно сомнительную пищу, долго и монотонно о чем-то говорил. И в эти минуты я до мельчайших черточек успевал разглядеть его сморщенное землистого цвета лицо и эту столь странную его неподвижность. Когда он говорил, только внимательно присмотревшись, можно было заметить, как едва-едва подрагивает его всегда приоткрытый правый уголок верхней губы. Создалось впечатление, что человек просто одел маску и что сними сейчас ее, за нею покажется обыкновенное лицо, но эту иллюзию разрушил его голос, бурчащий и клокочущий, как большой кипящий котел, - только существу с таким лицом и мог принадлежать этот голос. И на смену прежней рождалась другая иллюзия, что будто он каким-то образом умудрился говорить, не открывая рта, почти как чревовещатель. Так неприятно поражало меня его лицо, которое тотчас же вставало передо мной, стоило только услышать это урчание. Мне иногда думалось даже, что этот голос слышим только я и куры, а все остальные соседи считали старика чуть ли не немым, так как я ни разу не видел, чтобы кто-то из них обращал на него внимание или заговорил с ним. А в отличие от меня, куры, по-моему, даже понимали смысл его речей, а иначе с чего бы им согласно кивать время от времени головами и одобрительно хлопать крыльями, а затащенный старый петух даже позволял себе в чем-то усомниться и отрицательно мотать поникшим гребешком. Он подзывал и кормил их, прямо как старушонка какая-то. Не знаю почему, но для меня в этом было что-то неестественное. Эта странность еще разе бросилась в глаза, когда я заметил его отношение к собственному, такому же старому, такому же малоподвижному, облезлому псу. В его отношении была странная смесь равнодушия и презрения, а иногда, когда пес очень близко подходил к нему, то в нем, кажется, просыпалась непонятная беспринципная ненависть, тогда он даже пытался пнуть пса в бок. Старик никогда, по-моему, и не кормил пса. Так, иногда кинет какой-нибудь кусок, да и то, наверное, несъедобный.

И в довершение ко всему, он, находясь дома, почти ежечасно начинал бормотать, смеяться своим жутким смехом /наверно, так смеются сумасшедшие/, а затем тяжко вздыхать и поминать Господа. Может он молился, а может разговаривал с кем-то из обитателей своих воспоминаний. Я тут же сбивался с мысли. Это приводило меня в бешенство, и я во всем обвинял только его, прикрывая тем самым свою неспособность справиться со своимравной темой. Иногда, когда волна злости захлестывала все дамбы воспитанности, я стучал кулаком в стену, а со временем придумал одну безотказную штуку. В моей комнате когда-то, видимо, стояла обыкновенная кирпичная печка, потом ее убрали, а на ее основание поставили железную печурку. Так вот, когда за стеной начинали раздаваться кашель, скрип, хохот и бормотание, я принимался мерно стучать кочергой по этому железному "сундуку" с трубой. Ну и звук получался. Фанта-

стика! Это описать просто невозможно. Один мой знакомый, когда я рассказал ему об этом, как-то странно посмотрел на меня и сказал: "У нас в лагере, на стройке, когда надо было собрать зеков на построение или обед, стучали по обрезку рельса. Тоже железом по железу. Тоже неприятно." Услышав эти слова, я неожиданно для себя вспомнил, что тогда во сне я знал, что старик до того, как попасть в этот дом, долго и за что-то сидел в тюрьме. Вернее, в самом начале сна я, кажется, очень смутно знал об этом, а потом забыл. И вспомнил об этом только после тех слов. Не знаю. А может все это я сам напридумывал себе уже потом, когда пытался разобраться в своем сне? Но бедный старичок, услышав этот стук, принимался бормотать еще жарче и неистовее и быстро смолкал к моему великому удовлетворению. И таким образом, хоть и медленно, миллиметр за миллиметром, работа моя продвигалась.

Но в одну из ночей после моих шумовых эффектов, наступила требуемая тишина, в таких случаях говорят "благотворная тишина". Я, кажется, тогда ухватил за хвост то, что мне так долго не давалось. В который уже раз перекроив сюжет, несколько изменив интонацию повествования, я наконец-то увидел, что почти нашел ключ. Сейчас главное - не сбиться, не запутаться... я задыхался от волнения. Ну как же, я ведь "приносил свету шедевр", эти несколько страниц текста с другими величими произведениями вместе помогут молодому поколению в поисках добра, истины, идеала - ну как тут было не развлечься? Я еще несколько раз постучал по печке, так, для остракти, чтобы не мешали мне и ... и тут за окном завыл старый пес. Этот вой оглушил меня, смял, скомкал и отбросил в угол, словно листок бумаги с неудавшимся вариантом. Пес выл всю ночь. Он выл так протяжно, так тоскливо и безутешно, что хотелось самому зарыдать ни с того ни с сего и умереть.

Наутро я не услышал привычного кряхтения, и куры долго метались по двору, недоуменно поглядывая то на дверь своего хозяина, то на старого петуха, то на пса, который, казалось, что-то хотел им сказать, но вскоре притихли, а потом и вовсе пропали. Куда-то исчез и пес. Затем пришли какие-то люди, сдержанно пошумели, повздыхали, вынесли что-то не очень тяжелое и ушли. И в тот же вечер, целый час просидев над наполовину написанным листом бумаги, я отчетливо понял, что больше не в состоянии добавить ни одного слова к тексту и что вообще никогда не доведу эту новеллу до конца. А для того, чтобы поставить точку на мало-мальски пригодном для этого месте и, таким образом, сбросить с плеч этот непосильный груз и выйти из положения, не растеряв полностью самоуважения, я должен был, по крайней мере, крепко держать в узде свой материал, а он... увы.. мне уже не подчинялся. От этой, как стук метронома, отсчитывающего последние секунды не поймешь чего, прозвучавшей в новой неукютной тишине мысли я и проснулся. И первой моей мыслью было то, что я, наверно, сплю, и во сне мне грезится, что будто бы я проснулся в каком-то другом месте, в другом доме, и, что

стоит мне проснуться на самом деле, я снова окажусь в своей узкой комнаташке на окраине города...

Но когда стало ясно, что пробуждение мое окончательное и второго не последует, я вдруг совершенно беззаботно подумал, что, наверное, я где-то это вычитал, а когда спал, все прокрутилось в мозгу так, будто я сам являюсь участником этих событий. И я начал перебирать в голове все, что прочитано, услышано и видено мною в кино, в театре и в жизни, пытаясь словно паук, проверяющий движениями лапок свою ловчую сеть в надежде обнаружить незаметно застрявшую в ней жертву. Но после длительных и безуспешных ковыряний в своей памяти, от которых чуть не перекрутились и не завязались морскими узлами все воспоминания и мозговые извилины, я вынужден был признаться, что ничего похожего я пока еще не читал, не видел и не слышал. Но в то же время, я находился во власти ощущения, что все это когда-то действительно случилось со мной... И при всем при этом, я руку дал бы на отсечение, что никогда, ничего, даже отдаленно напоминающего это наваждение, в моей жизни не было. Я усиленно ломал голову над этим ребусом и в один момент неожиданно почувствовал, что нахожусь на совсем невинной с виду, но опасной грани, переступив которую, я перестану нормально осознавать окружающую реальность - перед моим помутневшим мысленным взором вырисовывалась, почти материализовалась, подробнейшая деталь той комнаты - банка из-под краски, использованная в качестве горшка для посадки цветов, из которой торчали сухие тоненькие прутики. Банка стояла на подоконнике. Я был до боли уверен в том, что она там стояла, хотя, кажется, в моем сне эта вещь отсутствовала совсем. И вдруг в один момент меня словно озарило. Я вспомнил, как в своем сне нашел эту банку в темном углу за печкой, всю покрытую пылью и паутиной. Поразило еще то, что цветы, неведомо когда положенные в угол, позабытые хозяевами и давно уже не поливавшиеся, еще более неведомым образом продолжают цвести. Хотя и чахлыми, почему-то стального цвета и причудливой формы цветами, но цветут. Вспомнил, как выставил цветы на подоконник, полил, убрал с веток паутину, обдул пыль. А через два дня цветы засохли, остались одни жалкие прутики. А ведь я регулярно поливал их. Странно, почему эта необычная деталь забылась сразу после пробуждения и вспомнилась уже спустя долгое время? Нет ли в этом некоего затаенного смысла? Я походил на человека, потерявшего память и по крупицам восстанавливавшего свое прошлое. Иногда мне казалось, что я все еще продолжаю спать и вот сейчас проснусь. А когда я проснусь, окажется, что не было всех этих прожитых лет, лет, прожитых после того сна. Какого сна? Ведь он еще продолжается... Вот чушь какая-то, ведь я тогда проснулся. Но может это сон во сне? Если так, то моя жена, мои дети, мои друзья, мои радости и страдания - это все... Это было сверх всякой меры, и я поспешил переключиться на что-нибудь другое, менее сложное и более приятное, как все мы часто поступаем в таких ситуациях, даже

сказал себе: "Успокойся, старик, не тешь свое самолюбие, ведь это давно и не раз уже описано в литературе, все эти сны во сне навязли в зубах еще с древнейших времен. Что ты нового можешь сказать?" И вскоре это причуда моей психики постепенно потеряла свою свежесть, перестала пугать, а через несколько лет от нее осталось только забавное воспоминание, к тому же довольно смутное, странностью которого я раза два даже щегольнул перед друзьями и женщинами, а потом и вовсе выветрилось из памяти. По крайней мере, мне так казалось в эти годы. Но я ошибался и совсем недавно убедился в том, что все попадающее в паутину памяти остается там навсегда, даже такие мелочи, как мимолетные сны. И вот, воспоминания о сне почти десятилетней давности лишило меня сна вот уже на три дня. Каламбур каламбуром, но уже три дня я кожу в состоянии постоянного предчувствия чего-то, из-за чего я вынужден тащиться сюда каждый вечер. Какая-то смутная тревога и этот звук, металлический стук, но такой необычный, совсем как те, что раздавались в моем сне - вот две причины, которые заставляют меня уже три вечера кружиться по улицам восточной части города. С тех пор, как поселился в новом микрорайоне, я уже несколько лет не был в этой части города. А три дня назад я встретился со своим старым дружком Ну, конечно, посидели, отметили встречу, и вдруг вспомнили, что один наш старый приятель давно звал нас к себе в гости. Решили нагрянуть. И нагрянули. Как снег на голову. Но посидели славно. А когда от него уходили, было уже полночь. И вот, курсируя по этим улочкам, благо город у нас небольшой и заблудиться в нем, даже будучи в таком состоянии, в каком были мы после теплого дружеского общения, совершенно невозможно, так вот, топая по какому-то переулку, я впервые услышал этот звук, еле доносящийся до нас. Я тут же замер, стал прислушиваться, хотя в этот момент еще ничего не вспомнил, ни о чем не успел подумать. Меня поразила неестественность звука, и в то же время родилось ощущение, что я его где-то слышал. Но вскоре приятель потащил меня дальше, взяв под руку - наверно, он решил, что от излишней "теплоты" общения я уже засыпаю на ходу. Но на следующий день вечером, я был уже здесь. Через час блужданий, во время которых, кстати, я с удивлением заметил, что очень многие дома уже осели глубоко в землю, что окна некоторых светились даже бровень с землей, я, наконец-то, снова услышал этот звук. Он едва слышно раздавался откуда-то справа и чуть сзади. Но там были заборы и, пока я огибал их, звуки прекратились. Но по крайней мере, примерно я уже знал, где искать их источник. А сегодня я, кажется, совсем недалеко от цели. Я уже два раза слышал этот стук и сузил радиус поиска до трех домов, стоявших близко друг к другу. Один из них - угловой. Дом большой, но уже немного вросший в землю. И тут из этого дома отчетливо и размеренно, как стук метронома, раздавались эти звуки. Окна со стороны улицы были темны, и я зашел во двор. Здесь было два входа, но ни в одном окне свет не горел. Я обогнул дом и сразу наткнулся на единственное

светящееся окошко. Оно маленькое и, вдобавок, располагается ниже других, так что совсем немного возвышается над землей. Я остановился, собираясь хоть немного успокоиться и отдохнуться. Но окошко притягивало меня с такой неодолимой силой, что я почти бессознательно опустился на одно колено перед окошком и заглянул во внутрь. Нет!.. Это невозможно! Почему? Потому что вот же я стою тут перед окошком и не сплю. И с головой у меня все в порядке. Неужели это та же комната, та же печка и банка с засохшими цветами та же? И ведь это все мне всего лишь приснилось... В комнате спиной ко мне стоит человек с кочергой в руке. Даже по фигуре видно, что он молод, ему наверно, не больше двадцати пяти. На столе - листы исписанной бумаги, ручка. "Пишет новеллу", - сообразил я. Мгновенно весь сценарий успевает промелькнуть перед моими глазами. Мне вдруг захотелось крикнуть: "Остановись, глупец! Что ты делаешь?" В следующий миг я в ужасе отпрыгиваю к стене - рядом со мной кто-то громко зевнул. Волосы, как тысяча червей, шевелятся на голове... Чуть в стороне, слегка повиливая хвостом, лежит старый, тощий пес. Да тот самый. Сказка? Сон? Бред? Я снова заглядываю в окошко. Парень уже стоит лицом ко мне. Наверно, повернулся на шум. Но меня он не видит, ведь я стою в темноте. Да, но... Чем больше я вглядываюсь в его лицо, тем глубже вползает в меня ужас, ужас и тоска... такая страшная тоска... Неужели... какую странную шутку сыграло со мной время?! Наверно, я сейчас сойду с ума... или проснусь... Нет, больше всего теперь боюсь проснуться. Но это не сон. Я это понял прямо сейчас. Оказывается, еще больше в этот миг я боюсь... уснуть.

ДОМ

Впервые я увидел его в детстве, когда мне было девять лет.

Мы с отцом тогда почти целое лето гостили у его тети в городе Шагаан-Арыг. Все знают этот небольшой городок и все знают, что это древний город, хотя оттого, что он подвергался бесчисленным разрушениям и каждый раз строился заново, от древности в нем; почти совсем ничего не осталось, кроме упоминаний в старинных летописях и исторических трудах. И, конечно же, великолепие множества легенд и мифов, связанных с этим городом, относили дату его появления в такую глубь веков, что можно подумать, город этот стоит с самого Сотворения.

У тети было много детей, и почти все мальчики, а трое из них примерно одного со мной возраста кто-то на год - два старше меня, кто-то помладше. У них была веселая ватага человек в десять с соседскими пацанами, и мои братья верховодили в ней. Они сразу приняли меня в компанию, и мы целыми днями пропадали, на берегу Улуг-Хема. Купались, загорали, ловили мальков в общем, обычные мальчишеские забавы. Однажды мы настолько увлеклись игрой, что не заметили, как отошли довольно далеко от города. А пока опомни-

лись, пока повернули назад, пока прошли третью пути, уже стемнело. Усталые и голодные, мы шли по берегу уже не такие оживленные, как прежде, а многие, наверно, думали о взбучке, ждавшей их дома. И тут один из пацанов резко остановился и, указывая вверх на обрывистый берег, до которого доходила река в половодье, вполголоса проговорил: "Стойте! Смотрите - дом! Наверно, тот самый". Ребята сгрудились вокруг него. Все замолчали. Слышалось только напряженное, чуть дрожащее дыхание. На обрыве темнел силуэт большого дома. Кустарник, окружавший дом с трех сторон, смазывал его очертания, и создавалось ощущение нереальности, неизбежное в таких случаях. "Давайте вернемся немного назад, а там выйдем на трассу и так обойдем его, прошептал кто-то. "Давайте, - поддержал его другой. А то обрыв что-то очень близко... А ну как сверху кто-то кинется на нас?" "Да вы что, очумели? Знаете сколько отсюда до трассы пилить" - ответили им. Снова наступила тишина. Через минуту заговорил старший из братьев и как-то чересчур уж громко:

-Эх, вы, чего испугались? Сказки это все. Не бывает никаких духов. Вас пугают, чтобы вы далеко не убегали, а вы верите. Мелкота... А вот мы сейчас поднимемся наверх и нарочно пройдем рядом с ним. Проверим, правда ли все это. Хотя я то знаю, что все врали.

И он решительно начал взбираться наверх. Почему он решил идти поверху, я понял, только внимательно взглянувшись вперед. Если бы мы пошли все так же рядом с водой, то нам пришлось бы пройти по узкой полоске берега, зажатой с одной стороны рекой с другой - жутко чернеющим обрывом со страшным домом на спине. Всем стало немного стыдно за свою боязнь, да и оставаться никому не хотелось, и мы начали карабкаться наверх. А там, еще теснее сбившись в кучу, мы двинулись за своим вожаком. Каждому хотелось попасть в середину толпы и никому, особенно задним, не хотелось быть с краю. И поэтому все шли, вплотную прижавшись друг к другу, наступая на ноги, спотыкаясь и шумно дыша. И при всем этом, каждому хотелось выглядеть как можно равнодушнее и даже усмехнуться, когда кто-то из соседей поворачивался к нему. Вдруг кто-то уцепился в кого-то сзади, наверное, чтобы не отстать, а тот от неожиданности взвизгнул, подпрыгнул и дернулся в сторону. Из-за него шарахнулась в сторону вся толпа. Кто-то судорожно схватился за мой локоть. Я вздрогнул, вырвал руку... и краем глаза увидел, что это был самый младший из нас. Его расширенные глаза были полны ужаса. Кто-то слева начал потихоньку хныкать, но сразу же все защищали на него, и тот умолк.

По мере приближения к дому все заметнее и заметнее замедлялся шаг нашего вожака. Но вскоре мы все-таки почти поравнялись с домом. И в этот миг оттуда послышался детский плач, что-то жутко скрипнуло, послышались глухие удары... Кто-то из наших дико вскрикнул и рванулся вперед. Это был наш вожак. В следующий миг всю нашу ватагу как ветром сдуло с этого места. Сзади раздался ужасный хохот, кто-то, казалось, погнался за нами. Я один раз

споткнулся, упал на колени, кто-то как схватит меня за рубашку... Я весь похолодел в один миг... Как заорал во все горло, но вместо крика послышалось какое-то жалкое овечье блеянье... Не помню, как я вскочил на ноги, как пустился бежать дальше, но бежал я так прытко что скоро несся почти впереди всех. Но тот, который поймал меня сзади, как я ни вырывался, так и не выпускал из рук мою рубашку и, не отставая, мчался за мной. У меня даже мелькнула мысль: "А не выпрыгнуть ли мне из рубашки. "Я боялся обернуться назад, волосы дыбом стояли на голове. Кто-то отвратительно свистел вслед или, может, это ветер звенел в ушах. Многие из нас плакали, но никто не отставал. И уже добежав до города, я обнаружил, что за мою рубашку держался тот самый мальчик, самый младший. Ему было лет семь, не больше. Ох и насмеялись мы потом над своим безумным бегством. Прямо-таки корчились от хохота, вспоминая все в мельчайших подробностях, и удивлялись, как нас мог испугать какой-то старый заброшенный дом. Но никто из ребят больше не подходил к тому дому. Они рассказывали мне много всяких историй об этом доме, но за много лет я почти все позабыл. Помню только то, что будто в доме обитают духи - хозяева то ли дома, то ли этой местности, то ли вообще всего города. Что этих духов нельзя тревожить, иначе они жестоко покарают виновника. Что дом этот то ли глиняный, то ли каменный, и стоит он там испокон веков. Что никто к нему и подходить не смеет. Еще смутно помню, что, будто бы, там пропала одна молоденькая девушка. Обиделась за что-то на родителей и ушла из дома. Потом ее видели направляющейся в сторону этого дома. И как в воду канула. А через некоторое время, что совсем невероятно, словно бы видели около этого дома неизвестную старушку страшную горбунью. Ребята утверждали, что это та девушка за несколько дней превратилась там в дряхлую старушку. Конечно же, почти все эти "истории" были плодом безудержной фантазии не одного, надо полагать, поколения ребят нашего возраста. Скорее всего, большинство взрослого населения, наверное, даже и не знало о существовании такого "страшного" дома или позабыло, а те, кто еще помнил о нем, вполне возможно, что даже пользовались, чтобы пугать им своих шаловливых детей. Но меня почему-то стало сильно тянуть к нему, мне хотелось хоть издалека взглянуть на него. Может быть, мне было стыдно, что я тогда поддался общей панике и так позорно струсили. Я всегда придумывал что-то такое для проверки смелости, терпения, силы воли. То руку подержать над племенем, то с крыши спрыгнуть то в закрытом подвале посидеть /кто дольше просидит, тот и выиграл/, то еще что-нибудь. Наверно, и тогда я хотел просто проверить себя. И один раз уже совсем близко подошел к дому. Он оказался каменным и, наверно, впрямь был древним. Это было в полдень, ярко светило солнце, кругом щебетали птицы... И вдруг мне послышалось, что в доме кто-то поет. В кустах метнулась какая-то тень... и через несколько минут я был далеко от этого места. И не стоило бы упоминать об этих происшествиях моего

далекого детства, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что я недавно снова оказался около этого дома. Совсем случайно набрел на него, когда гулял по берегу. В последнее время я стараюсь почаще бывать в этих местах. Скоро, говорят, очень скоро, старый город со всеми окрестностями станет дном водохранилища, чуть ли не целого моря. А ведь это земля моих предков, отсюда наш род пошел. И хочется наглядеться, налюбоваться, сохранить в памяти, чтобы хоть там, в памяти моей, оставался этот уголок чистым и нетронутым.

Сначала я даже не понял, что вышел именно к этому дому. Но потом, подойдя поближе, узнал, все вспомнил, обрадовался, как старому другу. И что-то больно толкнулось в груди, Неужели, неужели так быстро все прошло? Как быстро летит время. А как бы я хотел теперь хоть на денек вернуться в свое детство и хоть несколько часов отдохнуть от грусти и тоски, никогда уже не оставляющих меня одного. Мне захотелось зайти в дом, посмотреть, хотя и понимал, что ничего интересного там не увижу. Может, мне не хотелось расставаться хоть с одной своей детской иллюзией, а может, наоборот, хотелось поскорее рас прощаться с ней. Но в этот момент и, кстати, вовремя, вспомнил, что мне надо спешить на автобус. Времени оставалось в обрез, и я поспешил в город. Так и не зашел я тогда в этот дом. Но когда я отошел от дома шагов на сорок, кто-то по имени окликнул меня сзади. Я обернулся - никого. "Послыпалось" - решил я и зашагал дальше. И вдруг за спиной кто-то еле слышно... запла-кал. Холод вонзился мне в спину! Что за чушь? Потом, уже сидя в автобусе, я все детально проанализировал и понял, что это память сыграла со мной такую шутку. Я был в лирическом настроении, вдобавок вспомнил об этих случаях, пошел именно по той дорожке, по которой когда-то бежал, не помня себя, - и вот результат, много ли надо для моей впечатлительной натуры. Но тогда я дал себе слово, что в следующий приезд обязательно побывав в этом месте и зайду в дом. Хотя я посмеиваясь над собой, что ты, мол, на старости лет в мистику ударился /всю жизнь не верил всей этой галиматье/, а тут на тебе, ха-ха-ха, но ничего с собой сделать уже не могу. В следую-щую субботу обязательно съезжу...

...И вот я здесь. Стою перед входом и весь дрожу. Никто в мире сейчас, в этот миг, не переубедит меня, что там, внутри, будто бы никого нет. Я же слышу, отчетливо слышу прекрасный девичий голос. О, как она поет! Она зовет меня. Я переступаю порог и неожи-данно для себя сгибаюсь в глубоком поклоне. Но здесь никого нет. Голые стены, вековая пыль и паутина. Странно, но несмотря на то, что высоко, на уровне головы, зияют пустые проемы окон, в доме сумеречно. А что за тень метнулась туда, в ту комнату? Оттуда слышится та же песня. Скорей туда. Но и здесь никого. Только сумерки, пыль и паутина... И чей-то шепот. "Эй, кто там шепчется? Покажись!" - кричу я вне себя. "Жись... жись... жись..." - уныло отвечает эхо. В той комнате, кажется, смеются дети... Но и здесь пусто. Передо мной кто-то сухо кашляет, затем: "Хе-хе-хе-хе".

Словно надо мной смеется. "Эй, кто ты? Я не боюсь тебя!" "Тебя... тебя... тебя..." Запах дыма... Каким-то незнакомым табаком пахнет. Куда, я попал? Что это за дом? Опять какая-то тень, Да, это дом, где живут тени, тени прошлого. Надо выбраться отсюда. Но где же выход? Кажется, сюда. Нет. Может сюда? Нет. Странно, я уже не слышу звука своих шагов. Но все равно уйду. Уйду в тот мир, где все так привычно: плотно, жестко, зrimo. Не то, что здесь...

Сколько же времени прошло с тех пор, когда я перешагнул порог этого дома? Дни, месяцы, годы? Он так и не отпустил меня, Сколько же мне еще суждено бродить по этим комнатам? ..

Кажется, время здесь не движется. Застыло в одной мертвой точке и ничто не в силах сдвинуть его с места. Значит, мне придется остаться здесь навечно? "Нет, нет! Помогите мне, помогите! Дайте выйти отсюда! Откройте Мне!" "Мне... мне... мне..." "Откройте мне дверь!" "Верь... верь... верь..."

... Кто бы мог подумать, что я так скоро привыкну к этому. С тех пор, как я стал пленником этого дома, этого мира теней, и сам стал одной из теней... А почему, собственно, я должен считать себя пленником? Просто я вернулся в свой дом, свой мир. Это его искал я долгие годы, мучаясь в безысходной тоске и нигде не находя покоя. И, наконец, я нашел его. И никуда не хочу уходить отсюда. И не хочу никому отдавать его. И пусть все остается вот так...

Вода прибывает и прибывает. Неужели и здесь время сдвинулось и потекло? Неужели совсем не избежать конца? А вода все прибывает и прибывает...

ПРИГЛАШЕНИЕ В ЛАБИРИНТ

Эссе

"Конец романа", "конец рассказа", "угасание стиля", "угасание лирики", "упадок и конец литературы", "сумерки культуры", "смерть искусства" и т.д. и т.п. Уже в который раз мир слышит эти пророчества, и эта несколько преувеличенная новость успела изрядно устареть для мира. Но, ни в коей мере не соглашаясь с этими пророчествами, мы не можем не признать, что в самом деле литература, опять же в который раз, переживает тяжелые времена, что налицо некий кризис. Речь, конечно, не о локальном кризисе, связанном с экономическим и прочими кризисами в нашей стране. Речь о том конце искусства, о котором говорил еще Гегель. Или, если смотреть изнутри, то об ощущении полной отработанности всех приемов, жанров, методов, всех тем и всех их возможных вариантов, ощущении исчерпанности колодца, казавшегося бездонным. Ощущении, что все соки истории, культуры, мифа, быта, человеческой психологии и всего прочего давно уже высосаны этим вампиrom,

называемым литературой, и превращены в горы книг. О том, о чем все чаще и чаще мы повторяем: "Это хорошо, но это вчерашний день". И хотя, по Мандельштаму, "его еще не было по-настоящему", все же он был, этот вчерашний день. И как бы нам этого ни хотелось, все же мы не свободны от "груза воспоминаний". И мы беспомощно баражаемся под этим грузом и даже то, что появляется сегодня со всеми·авангардами, всевозможными модернами и проч. - все это вчерашний день. Ведь "страна, которую хотим исследовать и покорить, давно открыта... множество раз людьми, которых превзойти невозможно". /Элиот/. И мы, пленники Вавилонской библиотеки, давно уже утвердились в "уверенности, что все уже написано, уверенности, уничтожающей нас или обращающей в призраки" /Борхес/. Но кроме этого ощущения, этой уверенности, на такого рода размышления нас наталкивает еще и наше эсхатологическое сознание, сознание людей конца ХХ века. Но, приняв наличие кризиса как данность, я в дальнейшем не собираюсь пускаться в глубокомысленные рассуждения о закономерностях развития, о природе кризиса, о дальнейших судьбах литературы и т.д. То, что я собираюсь изложить, это всего лишь пара свободных ассоциаций, вызванных к жизни словами "конец", "смерть" и "литература", и все это только курьез и не больше того. Неумелая попытка сыграть в мини-бисер на данную тему.

Так как слово "смерть" сказано, а объект нашего внимания, т.е. литература, мертвым себя пока не ощущает, то мы начинаем конструктировать какую-то компромиссную ситуацию и приходим к мысли, что состояние человека, галлюцинирующего в момент смерти, нам идеально подходит. Сразу же вспоминаем известное почти у всех народов поверье, что в момент смерти перед мысленным взором человека проносится вся его жизнь от самого рождения, следовательно, по логике поверья, в сознании умирающего создается полная иллюзия жизни. Так как у нас ни к чему не обязывающая, свободная игра метафор, то мы, не мудрствуя лукаво, строим прямую аналогию между этим поверьем и интересующим нас вопросом и получаем всю постмодернистскую литературу с ее культом цитат. А "постмодернизм - это мудрая старость... далее смерть тела культуры..." - читаем у В.Курицына. Цитаты в этом случае, соответственно, выполняют роль той самой галлюцинации, в которой литература или культура в целом, как некий целостный организм, вспоминает весь путь, пройденный ею от момента рождения. Исходя из этого, в качестве иллюстрации мы можем представить, так называемый, соц-арт как момент умирания литературы и искусства соцреализма. Или же, немного отвлекаясь от постмодернизма, мы можем вспомнить Пруста. Тоже неплохая иллюстрация. Миг воспоминаний, растянутый на годы, стремление восстановить и сжать все утраченное время в один миг, как втиснуть целый мир в одну комнату с пробковыми стенами. Или в некую точку Алеф, как у Борхеса. Точка Алеф может быть точкой не только в пространстве, но и во времени, т.е. мгнове-

нием, мгновением, скорее всего, перед самой смертью. Кстати, именно у Борхеса мы находим рассказы, в которых используется схожая ситуация. В одном из них, в рассказе "Юг", герою во время хирургической операции чудится, что он попал на юг и погибает в поединке с неким гаучо, и на этот поединок Дальмана толкает Юг, Юг его фантазии, миф, образ эпического прошлого. И тут же возникает ассоциация с "Улиссом" Джойса. Вся "Одиссея", вся культура, втиснутая в один день, та же соотнесенность с мифом, заранее обреченная на поражение, схватка с эпическим. Схватка, в которой выясняется, что мы - всего лишь "полые люди", доживающие одряхлевший век на "бесплодной земле". Вот и у создателя "Полых людей" и "Бесплодной земли" каждое слово - миф, колодец ассоциаций, почти каждое стихотворение - мировая культура в до предела сжатом виде, как весь "ужас в пригоршне праха". Или, возвращаясь к нашей аналогии, эта литература, как человек, в критический момент вопрошающий отца, деда, предков, мысленно сопоставляющий себя с ними и безнадежно проигрывающий от этого сопоставления, но в то же время, человек, носящий в себе и отца, и деда, и всех предков. И когда он заговаривает, то вместе с ним начинают говорить все те, кто в нем сидит, и все разом.

Тему обращения к прошлому, только немного в ином ракурсе, можно продолжить, выбрав в качестве метафоры ситуацию героя новеллы Амброза Бирса "Случай на мосту через Совинный ручей". В нашем распоряжении опять же галлюцинация умирающего /его вешают в пролете моста/, в которой он чудесным образом спасается и возвращается домой. Мост, на котором убивают Пейтона Факуэра, мы можем превратить в образ переходного состояния, неопределенного, неустойчивого, чреватого всякими неожиданностями /например, взрывом или смертью, как в данном случае/. Чудесное спасение, сопровождающееся падением в реку и долгим пребыванием в воде - в символ рождения, - ведь избежать верной смерти все равно что родиться заново. Герой, пережив все "прелести" пограничного состояния, возвращается в свой дом, где все такое родное, устойчивое, привычное, к своим корням, истокам, т.к. для него это - символ жизни. Ведь в своей галлюцинации он мог бы вступить в схватку с солдатами, убивавшими его, или же вернуться на мост после чудесного спасения, чтобы, допустим, взорвать его /в таком случае, последнюю вспышку в мозгу умирающего можно было бы изобразить как взрыв на мосту/, но вместо всего этого он, как уже было сказано, возвращается домой, чтобы жить дальше, и дает нам прекрасную возможность построить по аналогии образ литературы, тяготеющей к традиции, пользующейся проверенными, привычными, устоявшимися приемами, формами, эстетическими установками и т.д.

Но наиболее интересным кажется образ литературы, делающей выбор, похожий на тот, который делает герой рассказа Борхеса "Тайное чудо" Яромир Хладик. Литературы, не только вспоминающей свое прошлое, но пересматривающей, переосмысливающей его и в то

же время стремящейся сказать свое, пусть последнее, но свое, еще неведомое слово, подобно герою этого рассказа /для него Бог по его просьбе совершает тайное чудо - дарует ему целый год, который протекает в его сознании за один миг перед расстрелом/, использующего целый год жизни /который опять же, всего лишь предсмертная галлюцинация/ для того, чтобы несколько раз исправить и дописать свою незаконченную драму. А ведь конец всякого произведения стягивает все его нити, все линии напряжения достигают здесь кульминации, здесь развязываются узлы или совершается неожиданный поворот, даются ответы или принципиальная невозможность всяких ответов и т.д. и т.п. И вот, продолжая нашу аналогию, мы можем предположить, что в наше время, может быть, совершается или подготавливается тайное чудо, назревает некий взрыв, который прольет на всю культуру "ослепительный и неожиданный свет" /Мандельштам/.

И наконец, следуя логике нашей игры, мы не могли не включить в цепочку ассоциаций известнейший роман Владимира Набокова "Приглашение на казнь", вернее, его заключительную часть, сцену казни Цинцинната, которую можно интерпретировать или как фарс, напоминающий концовку "Алисы в Стране Чудес", или как смерть и последующее воскресение и вывод, который сам собой напрашивается в результате уже привычного составления аналогии с состоянием литературы, оказывается наиболее оптимистическим и наиболее приемлемым для нас.

Паралель с казнью Цинцинната дает нам возможность рассматривать декларированную многими смерть литературы и как всего лишь ритуальную смерть, являющуюся частью обряда инициации и связанного с ним перехода в иное, более высокое качество, и как реальную смерть, за которой обязательно последует воскресение или же, в крайнем случае, жизнь не умирающего духа, что все равно означает переход в иное качество, в высшее состояние. Результат один и тот же.

Ну, какой же будет литература после этого перехода, как она будет выглядеть, какие у нее будут формы? Наступит ли век "энергетической литературы" /В.Курцицы/ или литературы, состоящей "из горячего лепета одних отступлений" /Мандельштам/, или синтетических бессюжетных мистерий, подобно "Зангези" Хлебникова, или бесконечной "игры со всеми смыслами и ценностями культуры, игры в бисер" /Г.Гессе/, или такое же бесконечное "пересказывание в том или ином виде всего лишь четырех историй, четырех циклов" /Борхес/, или "абстрактной прозы" /А.Левкин/ и "поэзии как вышшей алгебры метафор" /Орtega-и-Гассет/ или "нового классицизма как типа мышления, универсальности, целостности, зрелости" /Элиот/, или поэзии, предпочитающей "почти бесплотность тому, что слишком плоть и тело" /Верлен/, вот и у Мандельштама встречаем похожее: "Не требуйте от поэзии сугубой вещественности, конкретности, материальности. К чему обязательно осязать перстами?" Или

это будет век великого синтеза не только прозы и поэзии, но всех видов искусств и философии или чего-то совсем уж неведомого, еще не бывшего доселе, каких-то новых жанров, форм и видов.

Но какие бы метаморфозы ни претерпело искусство, для него всегда будут верны слова Мандельштама об искусстве как "бесконечно разнообразном в своих проявлениях "подражании Христу", вечном возвращении к единственному творческому акту, положившему начало нашей исторической эре". Таким образом, мы снова вернулись к нашей теме, теме смерти и воскресения. Но когда искусство есть "свободное и радостное подражание Христу", то оно" не может быть жертвой, ибо она уже совершилась, не может быть искуплением, ибо мир вместе с художником уже искуплен".

ПОЭТЫ РОССИИ

Русь, Россия, Родина - это его судьба. Да и знак Зодиака у него с Россией один - Водолей. Вот он стоит возвышаясь, как Гулливер среди поэтов в конце двадцатого столетия. Вокруг необозримый простор. Он - один. И звать его...

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ.

"Рожденный в феврале, под Водолеем..."

Мое появление на свет предсказала астраханская гадалка летом 1917 года, когда моей матери было пять лет. Вот как это случилось. Мой дед, призванный в армию, не подавал о себе вестей, и бабка очень беспокоилась, что с ним. Добрые люди посоветовали обратиться к гадалке. Много чего нагадала гадалка: и что дед вернется живым и здоровым, и что будет у них своя земля / которую отобрали потом в пору коллективизации/, и сколько у нее сейчас детей, и какого пола и возраста, и сколько она народит еще, и кто из сыновей будет кормильцем, - и все сбылось.

Однако я мог и не появиться. Отец, кадровый офицер - пограничник, внезапно был отозван с заставы, лишен звания и брошен на произвол судьбы. Еще хорошо, что не пошел по этапу в лагерь. Долго он искал пресловутую "тройку", чтобы дознаться правды. Наконец добился своего: ему показали донос, в котором все было чудовищной ложью. Отцу удалось оправдаться, и ему вернули звание и права. Но каково было моей матери! От страха за неизвестное будущее она решилась на отчаянный шаг: пресечь беременность. Но, слава богу, было уже поздно. И я родился, вопреки всему, 11 февраля 1941 года на Кубани.

В первые же дни войны отец ушел на фронт, а мы переехали на, его родину, в село Александровское на Ставрополье. Осенью 1942 года мы очутились по одну сторону фронта, а отец по другую - в районе Моздока. По рассказам матери я живо представляю такую картину. При наступлении наших войск в серые январские дни над Александровским висел орудийный гул. И вдруг он смолк.

К нашим воротам, сбитым из глухих досок, подъехал "виллис" полковой разведки. Звякнуло кольцо калитки, и мать обомлела: перед ней стоял мой отец.

Он недолго побывал в селе. На прощание сказал моей матери:

- Я как в воду глядел. Среди секретных документов, которые мы захватили, в списке предназначенных фашистами к расстрелу я увидел нашу фамилию... Что ж, я успел...

Это последнее, что успел отец. Он погиб в 1944 году в Крыму. В моем детстве образовалась брешь. Это была сосущая загадочная пустота отцовского отсутствия, которую я смог заполнить только словом. Много написал стихов о безотцовщине, и постепенно перешел от частного к общему. Въяве ощущил ужас войны и трагедию народа. Ведь кругом почти все были сироты и вдовы. Мой отец погиб не случайно. Это жестокая правда, моей поэтической судьбы. Если бы отец вернулся с войны живым, трагедия народа была бы для меня умозрительной, я был бы ненужным поэтом, пошел бы по боковой линии народной жизни, как обеспеченный генеральский сынок, неминуимо бы впал в духовное одичание метафоризма. Я недолго увлекался метафорой и круто повернулся к многозначному символу. С помощью символов стал строить свою поэтическую Вселенную.

Свой первый символ я увидел воочию, и ему обязан первым воспоминанием. Мне было с небольшим два года. Помню, как долго открывал тяжелую калитку с высоким кольцом, ту самую, перед которой недавно стоял отец. Выйдя на улицу, увидел сырой, мглистый, с серебристой поволокой воздух. Ни улицы, ни забора, ни людей, а только этот воздушный сгусток, лишенный очертаний. Конечно, такое воспоминание не случайно. Это было то самое туманное дремлющее семя, из которого выросло ощущение единого пространства души и природы. Возможно, оттуда идет загадка "космической туманности" многих моих строк о мире и человеческой душе.

Затем мы переехали в Тихорецк к деду и бабке, у которых была саманная хата, с участком. В истории он ничем не примечателен, этот городок, если, правда, не считать двух фактов. Когда-то через него проезжал Марк Твен, и, как свидетельствует его записная книжка, на станции у заморского классика украли чемодан с бельем. Да еще по окрестным полям проскакал за поездом жеребенок, которого из окна вагона заметил Есенин.

Мой дед любил выходить по вечерам во двор и смотреть на небо. Он долго глядел на звезды, качал головой и задумчиво произносил:

-Мудрено !

В этом словце звучала такая полнота, созерцания, что его запомнили не только дети, но и внуки. А мне он дал понять, что слово значит больше, чем есть, если им можно обять беспредельное.

Свои первые стихи написал в девять лет. И долго писал просто так, не задумываясь, что это такое, и не заметил, что стихи стали для меня всем: и матерью и отцом, и родиной, и войной, и другом, и подругой, и светом, и тьмой.

"Будьте как дети", - это сказано давно и навек. Я помню, что в раннем детстве смотрел на взрослых со странным удивлением. Для меня они были людьми иного мира. Часто на мои вопросы взрослые отвечали загадочно: "Много будешь знать, скоро состаришься". Я не мог понять, как это произойдет: неужели внезапное превращение?

Будучи взрослым, я спросил свою мать, каким я был ребенком.
-Как все дети, -сказала она, -только слишком задумчивый.

Увы, такой ответ похож на вопрос. Хотя мне никогда не узнать, что думал тот задумчивый мальчик, но, конечно же, в нем таялось все, что я осознал потом.

Во мне рано обнаружилась одна особенность: в ребенке, в его младенческих чертах я угадывал, каким он станет в старости, а в старике - наоборот. Наблюдая людей, я развил эту способность и мог видеть человека сразу в полном объеме от рождения до смерти. Потому-то в моих стихах много детей и стариков, много связующих начал и концов.

Историческое мышление человека, разорвано и не улавливает связи начала и конца. Формально человек установил эту связь, когда спутники Магеллана обогнули землю и окончили свой путь в начальной точке. Кругосветное путешествие - формальный образ вечного вращения. Земля кругла - это похоже на ловушку. Как тут не вспомнить Мировое Яйцо и даже старые бесполезные споры, что было раньше: яйцо или курица? По мне курица покамест белок с желтком и сидит в яйце, но как бы яйцо не протухло. Ведь его содержимое давно живет в мертвой схеме технической цивилизации.

Кстати "начало" и "конец" - слова одного корня, раньше было одно слово, а значит, цельное представление. Оно осталось невидимой точкой, вокруг которой врачаются представления начала и конца. Когда-то из этой точки вышли космогонические мифы о Мировом Яйце и Мировом Древе, которое тоже круглообразно /абрис корневой системы и кроны/.

Мифы - мертвые, они пережиток, - считают однодневки - исследователи, имеющие дело с мертвым словом. Поэт так не думает. Разве не миф толстовский дуб из "Войны и мира"?

Ничто не исчезает. Забытое появляется вновь. Все связано во Вселенной: малое и большое, близкое и далекое, старое и новое.

- Встанет ли солнце? - вопрошал древний человек, глядя на заходящее солнце. Такой вопрос и сейчас задают дети. И в вопросе пульсирует и мерцает ответ.

Моя поэзия - вопрос грешника. И за нее я отвечу не на земле.

ОТЦУ

Что на могиле мне твоей сказать?
Что не имел ты права умирать?

Оставил нас одних на целом свете.
Взгляни на мать - она сплошной рубец.
Такая рана, - видит даже ветер!
На эту боль нет старости, отец.

На вдовьем ложе памятью скорбя,
Она детей просила у тебя.

Подобно вспышкам на далеких тучах,
Дарила миру призраков летучих -
Сестер и братьев, выросших в мозгу...
Кому об этом рассказать смогу?

Мне у могилы не просить участья,
Чего мне ждать?..

Летит за годом год.
Отец! - кричу. - Ты не принес нам счастья!.. -
Мать в ужасе мне закрывает рот.

1969

СТАЛИНГРАДСКАЯ ХРОНИКА. ОБОРОНА. ОТХОД

Час не ровен, минута крива.
Враг уже засучил рукава.
Грянул гром - не с ковра самолета,
Загвоздил с мессершмитта - винта!..
Не пыли поперек живота,
Не тревожь мои кости, пехота!

Говорят, что Иван - весельчак
Ноги в рот - и бегом натощак...
Мать - заступница, плонь этим слухам!
Наше поле - шаром покати,
Оробеем, успеем уйти
Оторвиголовой или духом.

Но обрушенный с неба фугас
Существо в человеке потряс.
Он бежит, обернувшись глаголом.
Он железом раскрыт догона.
Ты таким его, мать, родила!
Сохрани под широким подолом.

Мать - заступница в поле стоит
И, подол порывая, стыдит: -
Не позорь материнские чресла!
Ты куда отступаешь, боец?
Не вернуться в обратный конец,
Нет дороги на старое место!..

Мы в ухабине "быть иль не быть" -
Мало места, куда отходит,

Но такое бывает не часто.
Дай лопату, сапер - панибрат.
Коли нету дороги назад,
Окопаемся подле, и баста!

КОСТРЫ ИЮЛЯ

Жди, июль, августовских вестей.
Два ружья и четверка друзей.
В бронебойщики вышли крестьяне.
Петр Болото, ты лучший из нас,
Оторвиголова, вырвиглаз,
Глянь: идут тридцать танков с крестами!

- Что ты видишь своим голубым?
- Вижу танк и долину за ним,
И долина все резче и ближе.
- Дело худо, ты смотришь не так.
- Вижу только приземистый танк,
Вижу танк, а долины не вижу.

- Дело худо, ты смотришь не так.
- Вижу танк и его бензобак,
То и это все резче и ближе.
- Дело худо, ты смотришь не так.
- Вижу только один бензобак,
Ни долины, ни танка не вижу.

- Вот теперь ты спокоен.
Огонь! -
Черный пламень и синяя вонь
Закостили в пыльные дали.
Тридцать танков - пятнадцать костров,
Остальные ушли без крестов...
Худо - бедно, но мы отступали!

ХВАСТАНЦЕВ

Вместо солнца подсолнух взошел,
Адский от свет бросая на дол
И большую излучину
Дона.
Синь - порошина пыщет в степи,
Звон по звону идет по цепи -

Это каска скатилась со склона.
Оборона гуляет в полях.
Волжский выступ висит на соплях,
На молочных костях новобранцев.
За курганом курган одолонь
Краем глаза, увидел огонь,
Краем уха услышал:
Хвастанцев!

От Хвастанцева пышет огонь,
Пять с крестами чадят одолонь,
Не осталось свободного места.
И с последней гранатой в руке
Под шестой он махнул налегке...
Выходи за другого, невеста!

Вражьи танки дымятся в полях.
Оборона, висит на соплях,
На молочных костях новобранцев.
От великих и малых имен
Испокон золотой перезвон.
Так запомни, отчизна:
Хвастанцев!

ОХОТА НА ЛЬВОВ. 23 АВГУСТА

Расскажу про охоту.
Она,
Может быть, как взрывная волна,
Началась в сталинградские будни,
Бомбовозы трясут небеса.
Сверим время: четыре часа,
Восемнадцать минут пополудни.

В этот адский воздушный налет
Даже в камне живое ревет
От огня и военного грома.
Затряслись от небесной лихвы,
Зарычали гранитные львы
У ворот театрального дома.

На гранитном боку одного
Нацарапано слово. Его
На заборах встречаем и ныне.
Дикий ужас их с места сорвал
И взрывною волною погнал

По горючей Ливийской пустыни.
Там, под небом песчаных низин,
Снился Роммелью синий бензин,
А Монтгомери - звездная слава.
Перестрелка вспылит и замрет,
Довоенный мираж проплынет,
Как ленивая райская пава.

По согласью обеих сторон
Пополудни купанье и сон.
От тоски пропадешь поневоле!
Обе стороны - люди, как все.
Собрались на ничьей полосе
И разбили футбольное поле.

А война - это тоже игра.
Бранный гром оживится с утра,
А потом заскучает надолго.
Ганс, который без промаха бьет,
Мажет мимо открытых ворот.
Англичане ревут от восторга.

Роммель бровью приказ отдает:
"Подтянуть мои танки вперед,
Мы ударим в ворота Востока.
Мы пробьем этот сонный покой,
Мы пошарим железной рукой
В нефтяных подземельях Пророка!"

За приказом он слышит ответ:
"Наши танкам горючего нет,
А союзному танкеру - ходу".
Пылкий Роммель мгновенно погас: -
Хорошо. Отменяю приказ.
Ганс, ружье! И давай на охоту!

Говорят, кто-то видел следы
На песке возле бывшей воды.
Со времен болтуна, Тартарена
Львы тут вывелись...
Впрочем, скорей!
Посмотри, что за пара камней!
Африканские львы, несомненно...

Львы дремали, молчанье храни. -
Ганс, в обход и гони на меня,
Ни гранаты, ни крепкого слова

Не жалеть!.. -

Не жалел ничего
Верный Ганс и подбил одного,
Генерал укокошил другого.

Подошли...

- Что за пара камней?
Где же львы?.. Ну-ка, Ганс, разумей.
Тут написано.-

Ганс разумеет
Это слово по русски. А что
Означает... Гм! Видимо, то,
Что в раю и святой не имеет.

Черт возьми!
Неужели бензин?
Объясни по-немецки, кретин! -
Это слово для вас.

- Все понятно.
Ладно, Ганс! Ты отважный солдат,
Вон отсюда пешком в Сталинград!
И верни эти штуки обратно...

Верный Ганс сделал руки по швам.
Генерал благороден, а львам,
Разумеется, лучше вернуться.
Вот и все. Ганс на Волге пропал.
Застрелился потом генерал.
Львы от страха уже не трясутся.

КОЛОС

Воля фюрера верных солдат
Направляет: Кавказ - Сталинград!
Это воля на обе дороги.
Кости брошены, плачь и молись!
Бес раздвинул военную мысль,
Как валькирия бледные ноги.

Карта фронта красна и синя,
Фронт заплыл синяками огня,
Нефть южнеет у левого глаза.
В синем августе пал Краснодар.
Вдоль морей раздвоился удар,
Загудела громада Кавказа.
Тroe бледных безумцев эсэс

Доползли по камням до небес,
До эльбрусской священной вершины.
На мистическом голом шише
Флаг со свастикой реет уже,
И мерещится бог из машины...

Синь - порошина огненный сноп.
Черным взрывом тряхнуло окоп -
Обнажились мышиные норы.
Блеск и скрежет, и грохот в ушах.
Я уже по колено в мышах.
Тишина. Заурчали моторы.

Вытряхая мышей из сапог,
В стороне от разбитых дорог
Я настроил осыпанный колос.
Непростая соломинка, брат !
Дунул - гнезда пустые звенят
И играют из голоса в голос.

Это август донес до меня
Зло и звон двадцать третьего дня,
Это вздрогнула, матушка - Волга.
Враг загнал в нее танковый клин,
Он коснулся народных глубин.
Эту боль мы запомним надолго.

Через улицу гнется труба,
Вылетают в зенит погреба,
Заливая руины рассолом.
Нефтебаки горят, как чума.
Не своди меня, колос, с ума!
Лучше вспомни о детстве веселом..

КОМСОМОЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ. КОНЕЦ СЕНТЯБРЯ

Гвозди - вести - не слухи войны
Командирам на фронте важны,
Уж потом они кости кидают.
Вот солдата призвал генерал: -
Ганс, ты щи у Ивана, хлебал.
Что у русских?..
- Они заседают.
- Быть не может!..
Однинадцать раз

Гром атаки развалины тряс.
Гасит Волга чужие снаряды.
Поднимаю спустя много лет
Протокол заседанья на свет:
"Осень. Рота. Завод "Баррикады".

- Первый долг комсомольца в бою?
- Грудью встать за святыню свою.
- Есть причины, когда он уходит?
- Есть одна, но неполная: смерть..."
Молодой современник, заметь:
Высота этих строк превосходит

Письмена продувных мудрецов,
Не связавших начал и концов
В управлении миром и Богом...
Ганс, гранату! В двенадцатый раз
Гром атаки руины потряс,
Но в тринадцатый вышел нам боком.
Рус, сдавайся! Накинулся зверь...
Комсомол не считает потерю,
Ясный сокол ворон не считает!
По неполной причине ушел
Даже тот, кто писал протокол...
Тишина на тела оседает.

Но в земле шевельнулись отцы,
Из могил поднялись мертвеецы
По неполной причине ухода.
Тень за тенью, за сыном отец,
За отцом обнажился конец,
Уходящий к началу народа.

Вырвигвоздь, оторвиголова,
Слева Астрахань, справа Москва,
Имена сквозь тела проступают.
- Что за пропасть! Да сколько их тут!
Неизвестно откуда растут.
Ганс, назад! Пусть они заседают!.

ПРОСТОТА МИЛОСЕРДИЯ

Это было у нас на войне,
Это Богу приснилось во сне,
Это он среди свиста и воя
На высокой скрижали прочел:
Не разведчик, а врач перешел
Через фронт после вечного боя.

Он пошел по снегам наугад,
И хранил его - белый халат,
Словно свет милосердного царства.
Он явился в чужой лазарет
И сказал: - Я оттуда, где нет
Ни креста, ни бинта, ни лекарства.

Помогите!..

Вскочили враги,
Кроме света, не видя ни зги,
Словно призрак на землю вернулся.
- Это русский! Хватайте его!
- Все мы кровные мира сего, -
Он промолвил и вдруг улыбнулся.

- Все мы братья, - сказали враги, -
Но расходятся наши круги,
Между нами великая бездна. -
Но сложили, что нужно, в суму.
Он кивнул и вернулся во тьму.
Кто он? Имя его не известно.

Отправляясь к заклятым врагам,
Он прошел по небесным кругам
И не знал, что достоин бессмертья.
В этом мире, где битва идей
В ураган превращает людей,
Вот она, простота милосердья!

1984

РУССКАЯ БАБКА

Утром фрицу на фронт уезжать,
И носки ему бабка вязала,
Ну совсем как немецкая мать,
И хорошее что-то сказала.

Неужели старуха права
И его принимает за, сына?
Он - то знал, что старуха - вдова...
И сыны полегли до единого.

- На, возьми, - ее голос пропел, -
Скоро будут большие морозы!-
Взял носки, ей в глаза поглядел
И сдержал непонятные слезы.

Его ужас три года трепал.
Позабыл он большие морозы.
Только бабку порой вспоминал
И свои непонятные слезы.

1988

ТЕГЕРАНСКИЕ СНЫ

Вдали от северных фзвалин
Синь тегеранская горит.
- Какая встречка, маршал Сталин! -
Лукавый Черчиль говорит.

Я верю в добрые приметы -
Сегодня сон приснился мне.
Руководителем планеты
Меня назначили во сне!

Конечно, это возвышенье
Прошу не принимать всерьез...
- Какое, право, совпаденье! -
С улыбкой Рузвельт произнес.
В знак нашей встречи незабвенной
Сегодня сон приснился мне.
Руководителем Вселенной
Меня назначили во сне!

Раздумьем Сталин не смущился,
Несспешно трубку раскурил:
- Мне тоже сон сегодня снился -
Я никого не утвердил!

1978

МАРКИТАНТЫ

Было так, если верить молве,
Или не было вовсе.
Лейтенанты всегда в голове,
Маркитанты в обозе.
Шла пехота. Равненье на "ять"!
Прекратить разговоры!
А навстречу враждебная рать -
Через реки и горы.

Вот сошлись против неба они
И разбили два стана.
Тут и там загорелись огни,
Поднялись два тумана.

Лейтенанты не стали пытать
Ни ума ни таланта.
Думать нечего. Надо послать
Толмача - маркитанта!

- Эй, сумеешь на совесть и страх
Поработать крапивник?
Поразнюхать о слабых местах
И чем дышит противник?

И противник не стал размышлять
От ума и таланта.
Делать нечего. Надо послать
Своего маркитанта!

Маркитанты обеих сторон -
Люди близкого круга.
Почитай, с легендарных времен
Понимали друг друга.

Через поле в ничейных кустах
К носу нос повстречались.
Столковались на совесть и страх,
Обнялись и расстались.

Воротился довольный впутьмах
Тот и этот крапивник.
И поведал о темных местах
И чем дышит противник.

А наутро, как только с куста

Засвистела пичуга,
Зарубили и в мать, и в креста
Оба войска друг друга.

А живые воздали телам,
Что погибли геройски.
Поделили добро пополам
И расстались по-свойски.

Ведь живые обеих сторон -
Люди близкого круга.
Почитай, с легендарных времен
Понимают друг друга.

1984

ЗНАМЯ С КУЛИКОВА

Сажусь на коня вороного -
Проносится тысяча лет.
Копыт не догонят подковы,
Луна не настигнет рассвет.

Сокрыты святые обеты
Земным и небесным холмом.
Но рваное знамя победы
Я вынес на теле моем.

Я вынес пути и печали,
Чтоб поздние дети могли
Латать им великие дали
И дыры российской земли.

1977

ЗАКЛЯТИЕ В ГОРАХ

Когда до бога не дойдет мой голос
И рухнет вниз с уступа на уступ,
Тогда пускай в зерно вернется колос
И в желудь снова превратится дуб.

Иному человечеству приснится,
Как вдаль бредет мой распростертый труп:
А на одной руке растет пшеница,
А на другой - шумит могучий дуб.

Храм свиней

Он всеногий беглец и бродяга,
Он бежал на восход и закат.
Но земная обратная тяга
Беглеца развернула назад.

Он разбил сапоги-скороходы
И присел на забытый порог.
И запавшее семя свободы
Вытряс вместе с землей из сапог.

Провалилось колючее семя,
На свой срок затаилось во мгле.
Человека покинуло время,
Но росток шевельнулся в земле.

А когда он напьется и, цыаный,
В одну точку гляделки упрет,
То ли дуб, то ли храм деревянный
Перед ним на том месте растет.

Слышит он песнопенья святые,
Думный гул от корней до ветвей.
Собираются рыла свиные,
Потому что хотят желудей.

И кричит он на стадо свиное,
Озираясь на месте пустом:
- Ройтесь, свиньи! Тут место святое!
Слава Богу на месте святом!

Проза

Николай Доронин

Свидетели прошлого (главы из повести)

Исход

Мой прадед Степан, сын Доронин, родом с великой реки Волги, пришел на Урал, в Уфимскую губернию, Бирский уезд, деревню Непряхину. В то время шла Крымская война.

Было у него три сына: Иван, Фрол, Галактион. Шло время. Окреп Иван, неплохо жил Фрол, только у младшего что-то не клеилось: жил бедно, дети умирали с рождения. Уже за 30, а детей все нет. Да научили добрые люди: как родится ребенок, так ты иди чуть свет вдоль деревни, кто первый повстречается - зови в крестные к новорожденному. Родился ребенок, бросился Галаня вдоль деревни и повстречал не мужика, а барина, уговорил, умолил. Нарекли сына Ильей - он в Ильин день родился. Через три года родилась Мария, через семь - Спиридон.

Время шло, а Галаня так и жил бедно. И мастеровой, и знахарь-лекарь, но бедность так и не покидала его. А еще была у Галани какая-то тяга к перемене жительства.

Тянулись люди того времени в малонаселенные сибирские края. И страшно было, и заманчиво. Ходили с обозами в Сибирь на долгое время. Кто возвращался на собственной тройке с упряжью, кто с одним бичом, а некоторые и совсем терялись в сибирских просторах. Галане терять было нечего, а найти - хотелось! Запряг он кобылу, сложил на телегу все пожитки и двинул в Сибирь. Илюшке было 14 лет, Марье - 11, Спирьке - 7. Железной дороги еще не было, ехали годами: летом на телеге, зимой - на санях. Через три года добрались до Барабинских степей, остановились на ночлег в одной деревеньке, в пустой избе. Мать стала мыть полы, наколола палец, заболела и через три дня умерла: холера ходила в этих местах, половину людей выкосила...

Прослыпал Галаня, что на Алтае живут люди вольно и в достатке, вот и направил свои оглобли в тот неведомый богатый край. Не пустовал Сибирский тракт - шли обозы, переселенцы с домашним скарбом, катили почтовые тройки, пылили этапы каторжан, трудно

было на переправах в летнее время. Проезжая деревни, кормились подаянием. Брали по сумке с лямками через плечо, "бегали улочку": подайте, Христа ради, бедным сиротам... И люди подавали. Больше всех приносила Марья. Галаня точил чашки и ложки, лечил людей и скот.

Наконец, вот он, долгожданный Алтай. Деревня Абай в Горном Алтае. Богатый край, только Галаня беден, ведь одни руки, да трое сирот. Кто пойдет на троих? Так и остался он вдовым, дожив до 90 лет.

Решил отец устроить Илью на канатный завод в Барнауле. Там готовили и смолили канаты для паромов, барок и пароходов. Проработал там Илья почти год, да случилась забастовка. Городская молодежь, тоже жившая в бараках, устроила лежачую забастовку на нарах. И деревенских заставили лежать. На следующий день вызывают в контору по одному. Чей? "Доронин." Откуда? "Из деревни". "Вот иди в свою деревню, завтра расчет получишь".

Так и кончилась для Ильи городская жизнь и "революционная деятельность". Пошел Илья в работники к богатому старообрядцу, который имел пасеку и более двадцати дойных коров. Кормили сытно, соблюдали праздники, посты. Забот хватало и работникам, и хозяевам. Качали мед, топили масло. Прожил там Илья три года, понравился хозяину - не пьет, не курит. Хотел хозяин Илью на своей дочке женить, да Галаня воспротивился, не разрешил сыну в старообрядческую веру переходить. За три года получил расчет в 200 рублей, на эти деньги можно было и хозяйством обзавестись.

А Галанию снова потянуло на новое место. Прослыпал, что где-то в Урянхайском крае еще вольготнее можно жить. И вот несколько семей православных, соединившись со старообрядцами из Уймона, выочно на лошадях, Чуйским трактом, через Монголию, двинулись в Урянхай. Остановились на Севи - охота, рыбалка, выпаса, сенокося, но хлеба не вызревают. Весной, перезимовав, приехали в Турган.

Турган - конечная остановка после долгого странствия по Сибири. Нужно начинать. Ох, как трудно! Две лошаденки да две коровенки у старшего Ильи. Прошло шесть, восемь лет, трудно идет жизнь, но на поправу: обрастает хозяйство скотом, дворами, крышами, и хлеба на прокорм хватает от урожая до урожая. Да беда пришла: умирает у Ильи хозяйка-жена. И снова, как и его отец Галаня, он вдовец с двумя детьми, восьми- и пятилетнего возраста. Галаня, уже старый, но еще не дряхлый, как может, заменяет умершую мать детям-сиротам.

Прослыпал Илья от Якова Бологова, что там, "у миру", как называли тогда местные русские жители Засаянский край, есть свояченица Якову, молодая вдова с девчонкой на руках. "Вот ее и надо сватать", - советует Яков. Сватать-то сватать, но только это в сказках быстро да ладно, а на деле? В зимнее время, Енисеем, в один только конец нужно на санях добираться целый месяц.

Пришла зима. Выпал снег. Стал Енисей. И вот Илья с Яковом двинулись "у мир". Запрягли по две упряжки саней, загрузили их сеном и овсом. Были в обозе и другие ямщики - ехали в Минусинск закупать необходимые товары. Енисей-дорога во много сотен верст, трудная, опасная, ледяная: торосы, пустоты, полыньи, прелые места.

Едут Яков и Илья.

Вот и деревня Черемушки. Все Якову знакомо здесь, где живут его теща и овдовевшая свояченица. Но что такое? Незнакомые люди. На столе самогон. Сватают Федору. Похолодело в груди у Ильи: "Неужели опоздал - все пропало?!" Но сумел справиться. "Плачу за все, что на столе, - выпалил Илья, - и имею право сватать за себя". И вот уже два жениха сватают Федору. "Ну, Яков, выручай, только ты можешь спасти меня", - шепчет соседу.

Теперь у Ильи молодая жена, можно поднять хозяйство! Она моложе его почти на десяток лет.

Оправился от недавнего горя Илья. Но пока ездил "у мир", заболел скарлатиной и помер пятилетний сынишка Ларик.

... Прошло пять лет. Родился Мишка, потом Федька. Охота Федоре и мать съездить попроведать, и в город Минусинск на базар заглянуть. Есть денежки у Ильи, и немалые. Много земли перевернул сохой. Много быков вырастил. Умел наживать своим горбом и прикладывать копеечку к копеечке этот невзрачный на вид мужичонок.

Начало 1914 года, последнего мирного года. Побывали у матери в Черёмушках, съездили на базар. Все было на базаре-от простой крестьянской утвари вплоть до барской прихоти: санки, дрожки, тройки. Хотел купить даже "теребиху" шерсть чесать, да габариты велики, к счастью, оказались. "Затеребила" бы она его, это уж точно. Два месяца ушло на дорогу в Минусинск. Приехали домой ночью. Дети малые, Мишка с Федькой, уже спали. Затопила мать русскую печь, блины печет, накормить ребятишек. Соскочил двухлетний Федька, не узнал мать, а блинов - охота. "Тетка, - просит он, - испеки мне блин!"

- А мать-то где у тебя?
- У мир уехала.
- А скоро приедет?
- Не знаю.

Вот так ездили в те времена.

ШАДАК

Белые, красные, казаки... Все смешалось - одни уходят, другие приходят.

На постое расквартированы красноармейцы. Ограда большая. Кругом соломенные высокие крыши на два ската. Дворы, стайки, пригоны, амбары, завозни, кладовые. Все подворье забито этой

крестьянской рухлядью, все деревянное: сохи и бороны, сани и телеги. Один плуг железный, что когда-то еще в молодости был подарен Илье богатым хозяином за хорошую работу. И вот бывший работник стал сам хозяином этого соломенного подворья. Все в крышах и в соломе. "Как можно одному нагромоздить столько?" За это и был прозван "щадаком": зверек есть такой маленький, а готовит столько сена на зиму, что корове не съесть!

... Двое красноармейцев, молодые, друзья неразлучные, еще до германской учились вместе живописи, но помешала война. Кроме карандашей и бумаги, у них нет ничего. Они подрабатывают, рисуя карандашом маленькие портретики, удивляя скожестью нарисованного. И фамилии у них веселые - один Гофф, а другой Пирогов. И скорились они чуть ли не каждый день, потом снова мирились.

- Ты, дед, - обращались они к хозяину, - за красных или за белых?

А у деда и внуков-то еще не было. Были всклокоченная борода, не видавшая гребешка и бритвы, мохнатые брови, и сразу трудно было определить, сколько ему лет. На нем шабур - лопотина мужицкая: летом не жарко, если сидеть на возу, а зимой не холодно, если бежать за возом.

- Я за пашню, - отвечал на вопрос красноармейцев хозяин.

Это их веселило:

- Эх, дед, дед, ничего ты понять не можешь!.. Горбатился ты весь век на своей пашне, а толку? Нет у тебя ни сапог хромовых, ни штанов плисовых!

... Забрали хозяина в подводы. И спрашивать не стали - обеспечить своих лошадей фуражом, а себя - харчами!

Белоцарск. Неделю уже в обозе находится Илья. Кончилось сено, кончился овес, сухарей пригоршня осталось. И никому дела до него нет. У них дела поважнее! Но вот выезжает из штаба командарм Кравченко. Бросился Илья ему навстречу. Шаракнулся конь командрма:

- Что тебе, старик?

Кое-как поняв, что от него нужно этому грязному и измученному бессоницей и голодом старику, распорядился:

- Дать пропуск. Пусть едет домой. Да смотри, не попадись белякам, плохо будет!

Погнал Илья голодных лошаденок, гремя пустыми телегами, и к утру был уже дома.

Кончилась война. Одолели красные белых. Ушла Красная армия. Гражданская война, сулившая бедным людям счастье, ничего не дала. Богатых-то перебили, а бедные стали еще беднее. Молодые мужики, оторванные от сохи на долгие годы, неохотно возвращались к земле. Отвыкли они от работы, у них была задача поважнее: рубить головы врагам коммунизма. Некоторые из них горели желаниям помочь мировой революции: возглавить угнетенные народы Англии и Америки. Только не знали, в какой стороне эти страны. Расправились с царем - первым виновником всех бед и несчастий.

Вместе с царем пропали и царские деньги с двуглавым орлом, копившиеся годами. В одночасье превратились в ненужный хлам.

Завыл волком, не мог сдержать своей обиды за все случившееся Илья. У него тоже пропали царские деньги, которые прикладывал одну к другой не один десяток лет. Много земли пришлось перевернуть, много зерна посеять, смолотить. Много быков вырастить на продажу купцам. Пять лет нужно кормить быка, три года барана, чтобы продать для перегона в город Иркутск. И весь этот многолетний труд превращался в деньги. А они вдруг стали ненужной бумагой. Зато золотые монеты с портретом "самодержца Всея Руси" Николая II были признаны народным достоянием.

Никто не знал, как жить по-новому.

Шло время. Успокоились кровавые страсти. И Ленин объявил НЭП. Это короткое непонятное слово обозначало новую экономическую политику. Можно было начинать работать, можно производить все, что ты умеешь.

Непонятно, почему все это названо "новым", когда это все старое и всем понятное.

Что мог Илья? Пашней заниматься. Царские деньги пропали, потеряли силу. Много можно было бы на них купить, выправить хозяйство. А советские серебряные рубли нужно еще заработать.

Да не потерял еще силу Илья, хотя уже надломился. И желания не было жить в бедности. Еще остались на подворье кони, коровы, овцы. Осталась и пашня, которая требовала ох как много, чтобы вырастить на ней хлеб. В растерянности от этого нэпа оказались бывшие красные партизаны: "За что воевали? Снова батрачить, землю ковырять?" Это им не нравилось.

А у Ильи за шесть лет удвоилась живность на подворье: запрягалось 6 рабочих лошадей, 10 коров одновременно доилось, около сотни овец зимовало. И ко всему впридачу "вместные" дети - Мишка, Федька, Пронька, Шурка, Нюрка, Дуська и последний Колька - находились в этом доме. Первые почти взрослые, а последние - малолетки.

Перехватил Илья. Теперь уже хозяйство начало давить хозяина. Лошади, коровы и овцы требовали кормов и кормов. Овец пасли свои ребята летом и зимой - вначале Федька, а потом Пронька-пять лет подряд. Зимой овцы, не наевшись на пастище, противно блеяли, выпучив желтые глаза на хозяина. "Где вы лето были, какого черта не жрали?" И разгневанный хозяин готов был их прибить. Когда на южных склонах гор, в середине марта, появились проталины, седлали лошадей и торили дорогу, чтобы потом по ней прогнать скот, исхудавший за зиму, на выпаса. Со всего Турана собирались ребятишки приглядывать каждый за своими овцами да буренками. Хорошо было ребятам на весеннем солнышке - были при деле и играли, и набивали животы сладкими хлебенками.

И так всю весну.

Чем больше живности прибавлялось в хозяйстве, тем труднее становилось жить. Какая-то физическая робость стала вселяться в душу и тело. Уже научила революция один раз: вся работа пошла прахом. Уже болят руки, болит спина, душа начинает поднывать, что-то нехорошее предвещает. Потрошит советская власть зажиточных мужиков, окрестив их "кулаками".

Лежит Илья на печи - день, второй. Кто он - кулак, середняк? Кулаки - это зажиточные мужики, имеют наемных работников. Илья не имел. Он замордовал себя, жену, своих ребятишек, которые, повзрослев, не выдюжат, бросят это "соломенное" хозяйство. В этом был уверен. Пришел сосед Иван:

- Ну, что надумал, сосед?

- Я два дня думал - пошел и записался в колхоз, - отвечал ему Илья.

- Ну и дурак, - злобно выдавил сосед.

Больше Иван не заходил, осердился навсегда.

Много передумал Илья, лежа на печи, - видимо, легче на ней думалось.

Нет уже крестного, что в далекой Рассе жил и просил малолетка Илюшку в дети. Лишили его богатства и всего остального. Увезли брата Спиридона на стылые болота Беломорья. Раскулачили его, отобрали мельницу. А он и в кулаках-то еще не успел пожить.

1926 год. Глухое, таежное место, в 35 верстах от Турана. Река, зажатая в скалистые берега, без пользы отдавала свою силу.

"Вот бы ее обуздить, - думал Спиридон. - Много пользы было бы для народа". Зимний помол производили за 70 верст, в селе Усинском - далековато, к тому же очереди. Здесь сподручнее. И обуздал реку Спиридон. Два года, летом и зимой на пару с мастеровым мужиком Иваном Бондаревым, корпели над мельницей. Зимой ночью делали пожоги на монолитной скале. К утру прожженный камень легче поддавался - его разбивали на куски и по льду свозили на плотину. Мастеровые люди были Спиридон и Иван: все нужно рассчитать до мелочей, без переделок, иначе не заработает мельница, все пойдет прахом. Все расчеты нужно держать в голове. Писать они не умели, но читали по слогам газету. Расчеты они делали по долям: окружность колес, водяного и сухого, окружность жерновов, обороты тех и других, все это взаимосвязано.

Но вот связаны огромных размеров колеса, сухое и водяное. Вытесаны каменные жернова, срублен двухэтажный дом.

Крепко держит воду каменная плотина, вешняками регулируют напор ее. Страшные минуты настают, но уверены мужики, что правильно все они сработали. Пустили воду, ударила она в подливные лопасти - закружились колеса, завертелись жернова, пошла, заработала мельница. "Ай да Спиридон, ай да Иван! Где вы раньше были!?" - катилось эхо похвалы по синим хребтам и кедровым падям.

Не было у Ивана детей, а у Спиридона много.

- Заплати мне, - говорит Иван, - мой пай и забирай мельницу, будешь хозяином.

Распродал Спиридон из своего хозяйства, что можно было. Выкупил мельницу и стал хозяином Спиридон. Угрюмое дикое место стало людным. Пошли обозы с зерном, не стало у Спиридана праздников, но на душе было радостно - он приносит людям пользу, люди ему. Тряслась мельница в рабочей натуре днем и ночью. Отыхала, когда нужно было ковать жернова. Хозяин же и этой возможности не имел. Лишь короткий сон был для него отдыхом. Тут же, на мельнице, в углу на мешочек, около железной печки, он дремал и сквозь сон слушал, как работает мельница.

Выправляет свое хозяйство Спиридон. Появились наметки загородить маральник и обзавестись маралами. Все было продумано: ребята подросли могут рубить маральник, хлеба на прокорм мельница заработает. Через пару лет будет и маральник.

А через пару лет все перевернулось. Попал сам хозяин в загон-маральник. Признали, что он кулак-мироед, классовый враг, собственник, эксплуататор. И повезли Спиридана, уже осужденного, не в Сибирь, а в Рацию. Там большие дела затевались.

... Вспомнив про брата, Илья решил: "Спиридон, может, и не пропадет. Он видел мир: служил в Риге-городе, проехал всю Рацию, от Риги до Владивостока, знает грамоту, он мастеровой человек. И он моложе Ильи на целых семь лет. А оторви Илью от своего подворья - пропадет он!" Это уж точно знал Илья. Выход был один - в колхоз!

КОЛХОЗ

Коммуна, колхоз - слова новые, непонятные. Артель как-то более понятна для мужика. Теперь все - артельное: кони, коровы, овцы, телеги, сани, плуги, бороны. Все это ново, незнакомо - будем работать артелью.

Взрослые холостые парни-колхозники живут в общежитии, кулацком двухэтажном доме. У них койки, чистые постели, кормят их хорошо.

Много быков привел в артель Василий Горев, да и Илья Доронин не меньше. Сытные обеды готовят для молодых парней. Им нравится новая жизнь. Но коммуна не прижилась. Быков становилось меньше, а едоков - больше. Закрыли общежитие.

... Оправился Илья. Хорошо ему стало. Нет больше заботы о пашне. На заработанные трудодни хватает зерна. На подворье еще остались коровы, телята, свиньи, куры. Он возит почту от Кызыла до Усинска. У него пара добрых рыжих коней, запряженных в ходок. Не работа, а забава, по сравнению с прошлой жизнью. Кони хлебные любой тянигус для них ни почем, легко берут крутые горки. Сиди и вспоминай: как жил раньше трудно, и как беззаботно теперь - будто

опять в работниках. В колхозе стало легче. Уже пять лет ему, "Красному пахарю".

Юбилей. Его проводят в купеческом горчаковском доме, перестроенном под клуб. Столы накрыты белыми скатертями, на столах много печенья, конфет, сладостей и только красное вино с красивыми этикетками. Это называется незнакомым словом - "банкет". Водки на столах нет - "от нее можно быстро одуреть". Все как на поминках - едят мало, пьют еще меньше: "на банкете нельзя напиваться". После банкета смотрят спектакль, где красные колотят белых. Аристы - свои же колхозники. Все довольны зрелищем.

В колхозе уже имеется трактор-колесник СТЗ на шинах, молотилка - "сложка", четыре сеялки, железные бороны "загзаг" и плуги, тоже "красный пахарь". На посевную выезжали как на праздник: впереди трактор, за рулем сидел механик колхоза Григорий Катцын, за ним конные сеялки, далее выстраивались упряжки пахарей, за ними ребятишки-бороноволоки верхом на лошадях. Становились в колонну около contadorы колхоза, и всем хотелось попасть в объектив фотоаппарата. Колонна двигалась за трактором, на котором гордо реял красный флаг. Все было ново, торжественно, красиво!

МТФ - новое название старой кулацкой займки, да и все остальное - клуб, контора, общежитие, конный двор, на котором дрожки, кошевки, красавцы - жеребцы - все это бывшее кулацкое, а теперь колхозное. Да. Старый царский проклятый режим маловато вырастил кулаков-мироедов, было бы их побольше, еще веселее было бы строить новую счастливую жизнь. Но и то: за десять первых лет был построен всего лишь один новый коровник.

А еще была открыта колхозная столовая, тоже в бывшем федоровском доме. Выпилили простенки, оборудовали кухню, зал, буфет. Молодой, веселый, в белом халате и высоком колпаке, повар Семен Безызвестных легко и просто управлялся у плиты. Официантки, тоже во всем белом, разносили на столы свежеприготовленные блюда. Супы и поджарки из бааранины вкусно нагоняли аппетит. Сытно и празднично было в зале. Столовались учителя и служащие постоянно. Остальные тоже, кто желал, могли поесть на свой вкус и аппетит. Самым веселым местом был буфет, где, кроме сладостей, продавалась брага домашней выработки. Закрыли колхозную столовую - учителя ушли столоваться по частным квартирам. Много еще лет прошло, прежде чем открыли столовую от государства.

...Есть что вспомнить Спиридону в арестанском телятнике. Еще в далеком детстве вез его родитель Галаня по бескрайним сибирским просторам, через 15 лет он сам ехал, по железной уже дороге, в свою родную деревню Непряхину, отбывать воинскую повинность. Отслужил три года. И вот теперь, через 30 лет, его везут в арестанском эшелоне на стылые, гнилые болота Беломорья, где должен осуществиться проект великой стройки века - "Беломорканал". Пять морей, по замыслу, должен соединить канал. Пять лет и дали Спиридо-

ну, на каждое море - по году. А ему уже 50, выдержит ли Спиридон этот срок?

Много бараков нужно было строить по всему будущему каналу. Много мха требовалось летом и зимой для перекладки бревен. Летом хорошо, а зимой стылый мох нужно оттаивать, тратя много лишнего времени. Боятся ученые мужи над этой проблемой, но ничего придумать не могут. И здесь пришлось применять свою сообразительность почти неграмотному Спиридону. Нехорошо стало ученым людям, что простой мужик нашел простой выход, не требующий ни времени, ни затрат. И стал Спиридон мастером, - "башковитый мужик" - с ним советуются, ну и кормить стали, чтобы не замер.

Канал построен... Много было радости у оставшихся в живых. И правители были довольны. И праздник был с вином. А Спиридона наградили орденом Трудового Красного знамени и выпустили на волю. Был с ним и старший сын его, Георгий, здоровый, сильный парень, и его уберег родитель, не дал замереть. Были парни и не хуже Георгия, но остались там навсегда.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СПИРИДОНА

Вернулся Спиридон в родимые края к своей жене Полинарии, где, кроме Георгия, еще было восемь детей, ожидающих его пять лет. Лопотина на нем была добротная - сапоги яловые, гимнастерка суконная, прехваченная ремнем широким. И орден Труда на груди. В таком виде и явился на показ местной власти.

Нехорошо стало власти. Никто не возвращался из тех мест, да еще и с орденом: "Да у нас у самих еще нет орденов, а мы ведь кровь проливали за счастье народное..."

Пришел домой Спиридон, снял гимнастерку суконную и орден снял, убрал его куда подальше, чтоб глаз никому не мозолил. Оделся в простую мужицкую рубаху, и на душе полегчало. Школа новая строилась в те годы, много мебели нужно было школе-семилетке. Вот и позвали Спиридона оборудовать классы. Все сделано было руками Спиридона, директор школы Уланов ценил и уважал спиридоново мастерство.

"Да, пусть учатся наши дети и внуки, нам некогда и негде было учиться", - ответил на благодарность директора Спиридон. Дети выросли и учились немного, одна дочь даже учительницей стала, а парни работать пошли - не всем же быть грамотными шибко-то. А потом война началась, и сыновей увезли на нее.

А Спиридона попросили колхозники вернуться на свое старое место - быть колхозным мельником. С радостью согласился Спиридон - этот труд для него был блаженством мужицким. На свое родное поприще вернулся он, где было все до боли дорого - река, горы

синие, тайга кедровая, выпаса вольные, и рыбы вдоволь, и ягоды уйма.

А зимой мужики привозили зерно на помол и новости. И Спиридон, как и в старь, трудился без подмены, круглосуточно. А Полина-рия, старуха его, доила корову, и не одну, печь русскую топила, выпекала булки пышные, пироги рыбные и щи наваристые к обеду ставила. Более десятка лет и она была отлучена от своей избушки, от печи, где все было сделано своими руками, а теперь они со Спирией вернулись на свое родное, и на душе легко и радостно. И еды хватает, и гостям рады. Спирион приходил к обеду, наливал браги ковш и опрокидывал его залпом. А Полинария ставила на стол щей наваристых и все остальное. Любил работать Спирион, но за столом не обижался на аппетит. И телом был не обижен за это. И вид у него совсем кулацкий был, только на одежине бусы мучного много.

Была война. Но и она кончилась - и радость пришла к уставшему от войны люду трудовому. А Спирион так и работал без подмены на мельнице, несмотря на свой возраст. И понятия в то не было уходить на заслуженный отдых. Все работали до полного износа, до немощности.

Да, не бывает на земле грешной добра без худа. Отлучился он однажды - подремать и скотину свою присмотреть. А помольщику наказал, чтобы он не очень-то топил железную печь. А тот с дороги морозной печь подшевелил, да задремал. И запылала мельница ясным пламенем, и сгорела - дотла, но помольщик жив остался.

Одно черное пепелище от мельницы осталось, и жернова каменные полопались. Началось следствие: "А может, ты, старик, мельницу-то поджог, мы ведь знаем, чья она была? Тебе что, Беломора не хватило?" От таких слов, услышанных на допросе, плохо стало Спириону. Он слег и чуть не помер.

Да как мог язык повернуться такое сказать ему, Спириону?

Отлежался он, собрал своих сыновей - четверо еще их оставалось от войны, а двоих убили... И отстроили мельницу заново, да еще пилораму пустили, чтобы и в летнее время не простоявала она.

Не зная покоя, трудом только и жил до старости Спирион-мастер Спирион. Да не поберегся однажды - поднял через силу, что-то завернулось или лопнуло в "натуре" - нехорошо стало. "Ну вот и все, конечно, наверное", - подумал Спирион.

Вез его на подводе сын Дмитрий, уже безнадежно больного. Операция срочная нужна была. Опоздали.

Это тот самый Дмитрий, трудами которого Туранская МТФ на многие годы будет лучшей в республике, а Дмитрий будет награжден орденом Ленина. Но это уже другая история.

МУЖИК (МОЙ ТЯТЬ)

Уже июнь на исходе, но еще не выпало капли дождя. "Засуха" - это коротким странным словом называлось.

А за ней и голод должен прийти. И пошел батюшка-поп со ста-рушками и стариками, с иконами и церковными знаменами-хоругвиями, с песнопением и молитвами, обходить посевы, прося всевыш-него кис - послать живительной влаги - дождя. Проходят поле за полем - не радует душу и глаз унылая картина.

Но вот стоит у края пашни уставший мужик неопределенного возраста. А пшеница на пашне - выше пояса.

Кто он? "Шадаком" и безбожником кое-кто называет его. Да, не любит этот мужик на иконы креститься. "Пустое это занятие. Удел старушонок, которым пора на тот свет собираться, да попа-это его кусок хлеба". Пусть молятся - он им не мешает. Хотя и сам знает много молитв и песнопений, и жития святых и мучеников, из Нового и Ветхого Заветов. Для него Бог-Свет. Бог-Дух - природа. Этот мужик любит руки прикладывать к земле. Он любит Солнце, он любит Небо. Он любит Землю. Он любит Дождь, когда идет он мелкий да теплый, да еще - вовремя. Он радуется, как ребенок, приговаривая: - Какая благодать, какое богатство! Он не безбожник. Он просто язычник. У него все - Бог. Все живое и одушевленное.

... Наша старая баня ютилась на самых задах подворьях. Баня была по-черному. Потолок засыпан толстым слоем земли, на бане срубили из бревен рассадник, туда сажали капусту. Из железа и камней в углу бани - каменка. На ней чаша для воды. Низкая дверь, маленькое окно. Полок, на котором мылись, вдоль стен лавки и шесть у потолка. Все было черно от копоти и дыма. Трубы не было, лишь две отдушины сверху да сбоку. Баню топили в субботу с обеда. Вечеру, залив угли и закрыв отдушины, шли мылись: кто на первый жар, а кто напослед. Всем хватало жару, хватало и угару. Погибла невестка Вера. "Что-то долго моется Вера?" Проверили - угорела, но не до смерти, принесли домой, откачали, отпоили. Жива осталась. Не одна она была, и с другими случалось. Я моюсь уже один - с девчонками не хочу. Но иногда меня мама перемывает. Тятя ходит на первый жар. Зима, холод, снег. Тятя пришел из бани - он без рубахи, в одних синих подштанниках и босиком. Валенки в руках. Постучав о порог пятками, он сбивает с босых ног прилипший снег и ложится на кровать - отдохнуть.

- Опять, старый бес, не промыл лысину, - ругает его мама. Тятя помалкивает, шевелит пальцами ног, сбрасывая остатки снега. Снег тает, скатывается капельками на пятки. А пятки у него!.. "Змея не прокусит, зубы поломает", - говорит он. Вот такие пятки у тяти. Я хочу, чтобы у меня тоже такие были пятки. Но я еще маленький и пятки - мяконые. Хотя все лето до самого снега бегаю босиком.

Когда майскими днями приходила его очередь на полив посевов, отец поливал день и ночь, и, обессилев к утру, замертво падал тут же,

на полосе. И вода, уже намочив пашню, мочила хозяина, его шабур и бороду. А он спал мокрый, пригретый утренним солнцем. И снилась ему пшеница - выше пояса! Бог в помощь тебе, божий труженик, воистину русский мужик!

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ "ИЛЬИЧА"

И пошел Коля в школу .Девять лет отроду .

Но не сам пошел, не самостоятельно, а привезли его родители, уже пожилые, и был он у них последним ребенком - последняя радость и надежда: может, он, их поскребыш, будет грамотным и выучится на учителя или в крайнем случае на избача.

Была такая должность при клубе или, по-тогдашнему, избе-чительне: сам заведует, сам книжки для чтения выдает.

Привезли родители сына с дальней кулацкой заимки Шипилиной.

Кулака выгнали с его подворья. Заимка перешла в собственность колхоза "Красный пахарь" .. И стала она не заимкой, а МТФ.

На ней жил Колькин старший брат Михаил. Он пас дойных коров, а жена его Вера их доила. А Колька присматривал за ихней девчонкой Надькой, пока доила. И не собирался он быть грамотным, тем более, учителем или избачом. Ему было и неграмотному хорошо! Мир для него был неиспорчен.

Но его привезли родители и наказали:

- Иди учись!

Вот тогда-то и пошел Колька "первый раз в первый класс". Это было первое сентября 1937 года. Солнечный, погожий, страдный день.

Займочный, несмелый был Колька человек.

Когда пришел в свой класс, все уже были в сборе. Все тридцать с лишним учеников. И "учительша" уже читала им сказку, как мама - мышка в нянки звала своему глупому мышонку и лошадь, и кошку.

Не понравилась сказка Кольке.

А учительшу звали Мария Васильевна Селина.

Прошел уже месяц учебы.

Родители, пославшие на учебу своих детей, ждали от них, что они выучатся и будут сидеть за столами с книжками. И не будет у них тяжелой работы, какая была у самих родителей.

Давая "вводную", Мария Васильевна сказала:

- Кто будет очень хорошо учиться, будет отличником, кто хорошо - ударником.

Все ребята захотели быть отличниками! У мальчиков не получилось, а вот девочки Поля и Оля, Надя и Дея сразу метили в отличницы. Они уже знали все буквы и складывали "Ленин и Сталин-наши вожди".

Уже десять страниц осилил первый класс. По складам, но читают премудрость букваря ученики.

Спросила и Колю Мария Васильевна.

Встал он, покраснел - только ему одному было известно, что он ничего не знал из букваря. Теперь все об этом узнали.

Пришла Мария Васильевна на дом к его маме и поведала об "успешной" учебе ее сына. Мама выслушала внимательно, ничего не сказала учительше. Подошла Красулю, взяла вицу - это значит прут - и хорошо, с настроением отстегала своего младшенького. Аж кровь запеклась в кое-каких местах. Посадила на крылечко и приказала Дуське, его сестре старшей, обучить мальца чтению.

...За полчаса освоил все 10 страниц букваря смысленный поскребыш.

На первой странице была нарисована девочка Маша в лесу и кричала: "Ау". На второй странице мама мыла раму. И до десятой все было ясно и понятно.

И стал Колька за первую четверть ударником.

Везли в то время родители на учебу со всех заимок своих необученных детей всех возрастов: от восьми лет, девяти и старше. И еще хлеще было. Был у красного партизана Султрекова один-единственный сын Алеша. Уж очень хотелось отцу дать ему образование. Настырный был родитель: не даром кровь проливал, а чтобы дети бедных родителей получили к образованию доступ.

Настырный был и его сын Алеша. Весь в отца - девять попыток предпринял, чтобы одолеть программу первого класса. И все-неудачно. Пришел и на десятую, да не к первому сентябрю, а по первому снегу...

Посидел он три дня на последней парте, да посоветовали ему и его родителю, чтобы Алеша "перешел на вечернее обучение", так как ему пошел уже... девятнадцатый год.

А Кольку к четвертому классу приняли в пионеры. И отдавал он салют красному флагу. И читал книжку про "мистера-Твистерамиллионера", как тот приплыл на пароходе посмотреть, как живут в Советской стране без капиталистов, а ему ни в одной гостинице места не нашлось - все были заняты рабочими и крестьянскими делегатами... И от души радовался вместе с другими ребятами: так ему, буржую, и надо!..

Это уже был 1940-41 учебный год. И они учили пророчество соотечественника, Виссариона Григорьевича Белинского: "Завидую внукам и правнукам нашим, которые будут жить в 1940 году..." Куда уж завиднее!..

Колькин одноклассник Валентин Дуля, 1926 года рождения, был убит на войне. Как и старшие Колькины братья. А в 1945 году умерла отличница Оля Кашкарова, в 1947-м Вася Астафьев, не отличник, тоже умер. И еще пятерых в живых уже нет теперь.

А десять классов из тех, 1937 года, первоклассников окончили всего 8. Из тридцати шести. И один - техникум окончил, среднее

техническое образование получил. Это Михаил Михайлов. Виктор Беленков и Семен Борисов стали офицерами. Виктор Скобеев - геологом, а Чуликов Сергей, поповский сын - доктором.

К счастливой жизни все готовились в школе. Песню пели - "Широка страна моя родная", после войны и негр Поль Робсон, прилетев из Америки, ее запел.

Из тридцати шести двадцать девять, если не обчелся, не забыл школьную арифметику, и посейчас живы. Но счастливы ли?..

СОСЕДИ

Санды-чалан и Михаил - соседи и живут от ближнего селения в десяти верстах. Пригорки да увалы, озера да болота и ковыльная степь. Болота на юг уходят, а горы с севера стоят.

Друг от друга они живут в полутора верстах. Санды-чалан-тувинец. У него около десятка дойных коров, два десятка овец и косяк лошадей. Коровы и овцы под присмотром хозяина, а табун лошадей - в тайге, там за него сам жеребец табунный в ответе.

Михаил - русский. Он чабан. И в подотчете у него целая тысяча овец. А своих нет. Все они колхозные, и он колхозник. У него две дойные коровы, есть свинья и куры. Кобыла Лысуха рыжая есть еще, но она тоже колхозная, и нет во всем Пий-Хеме жирней ее. И не может Михаил налюбоваться кобылой, и едет он на ней до ближайшего селения - десять верст - два часа.

Нет во всем Пий-Хеме быстрей буланого иноходца Санги -чала на: За двадцать минут он пробегает до селения.

И нет у них зависти и насмешек друг над другом. Каждый гордится своим. Ни один не трогает самолюбия другого.

Михаил живет "на кошаре", в деревянной избе: там русская печь и зимой не холодно.

Санды-чалан - в юрте, где летом хорошо, а зимой - не очень.

Пять сыновей-погодков у Санды-чалана, от семи до двенадцати лет. Пять скакунов он готовит уже две недели: скоро праздник будет и скачки.

Две девчонки у Михаила и никого он не готовит к празднику. А посмотреть охота на лихих скакунов и силачей-борцов.

В гости позвал Санды-чалан соседа Михаила. И вот они с Прохором, тоже пастухом, идут на закате солнца к соседу. Пешком идут. Попты версты.

Одним махом разделал Санды-чалан барабашка на глазах гостей. Закипела вода в чаше, вкусно стало пахнуть в юрте свежениной. Легко и умело управлялись хозяин с хозяйкой, и через полчаса все было готово. Михаила и Прохора усадили на почетное место, подали по большой тарелке угощений, все самое вкусное - хан и другие деликатесы. Хозяин поднес по хорошей пиале еще теплой араки, и гости, сразу чуть охмелев, принялись за еду.

Хорошо их угощал Санды-чалан. Но не привыкли русские сразу так много закусывать. У тувинцев наоборот: много пить, много есть - в обычай. Отяжелели уже Михаил и Прохор: полны желудки у них баранины, трудно уже дышать, а хозяйка подкладывает да подкладывает в тарелки, а хозяин подливает да подливает в пиалы араки. Уже наелись, уже напились. Михаил и Прохор. "Да будет ли этому конец!" - думают оба.

Вот так угощал своих соседей Санды-чалан.

Теперь очередь за Михаилом угостить соседа.

Нет у Михаила своих барабашков - все они колхозные. Но есть у него "запор", запороженный на реке, и ставит он "морды", и рыбу ловит. И селезней кряковых уйма на протоках, и ожирели они, и летать плохо стали. Сколько хочешь, столь и подстрелить можно.

Только по юрте да по двору ходит пешком Санды-чалан. За одну минуту примчал своего хозяина буланый иноходец к соседу Михаилу.

Угощает Михаил соседа рыбой и птицей. Не очень нравится еда Санды-чалану, но есть нужно. Не очень крепка арака у Михаила, но пить можно.

Оба соседа довольны.

И вот - праздник! Скачки будут.

От старого Шивилига и до Турана - 18 верст. Первый старт для скакунов. За ними пойдут рысаки.

Понесли лихие скакуны Санды-чалана маленьких санды-чаланят. Легко идут наметом, быстрее ветра, кони из одного косяка. Крепко сидят, в одних рубашонках и штанишках, босые наездники из одной юрты. Оставили они всех позади и первыми пришли к финишу.

Не видел Санды-чалан этого, но знал, что будет так.

Теперь его черед на Буланом. Рысаки пошли.

Как ветер, идет буланый иноходец. Уверенно сидит на нем хозяин, управляем, чтобы не сбился его Буланый с ритма рыси.

Шелковый халат на нем перехвачен кумачевой опояской. Фетровая шляпа на ленте, чтобы ветром не снесло.

Первым из рысаков приходит Буланый Санды-чалана. Доволен хозяин, радуется и Михаил.

Вот так жили в те далекие времена соседи - тувинец Санды-чалан и русский Михаил.

Но пришла война.

Далеко, там, на Западе, билась Красная Армия с фашистскими полчищами.

Санды-чалан от чистого сердца подарил своих скакунов Красной Армии.

Михаилу дарить нечего. Самого его забрали в Красную Армию и увезли на войну, а там и убили. Плохой он был воитель: не для войны был рожден. Да так и со многими случилось на той войне.

Время шло...

И когда-то недавнее стало прошлым, далеким. И все уже стало не так.

Нет избушки, где жил Михаил. Нет и юрты, где жил Санды-чалан. Нет уже таких жирных кобыл, как у Михаила была. Нет уже таких быстрых коней, как у Санды-чалана.

Степь распахали.

Осталась только горы да озера нетронутые.

И приезжают туда осенью на свой "звериный" праздник, для утоления охотничьей страсти, сытые и пьяные "братья старшие". И прожигают они свинцом и огнем чистое небо, по которому в страхе и ужасе мечутся их "братья меньшие" и падают замертво к ногам "старших братьев". И не увидеть им, "меньшим", более с высоты птичьего полета холодных вершин красоты земной и теплых китайских морей.

ЗИМОВЬЕ ПОД ЛИСТВЯНКОЙ

Давным-давно, когда я еще был маленьким, в красивой степной разложине, с южной стороны горами, а с севера ковыльными увалами окруженной, стоял большой дом. И место то называлось Подлистянка, из-за огромной лиственницы - в три обхвата и высотой в двадцать сажен. Стояла она уже сотни лет...

В большом пятистенном доме этом на две комнаты, где стены не белены, а нары от стены до стены, жил старик-сторож, а с ним парнишка-малолеток. Старик - это мой тятя. А парнишка - это я. Колька. Мы охраняем колхозное добро.

В сенокосное время, а затем в страдное, а к Покрову и на молотьбу сюда приезжает много людей всех возрастов - колхозники "Красного пахаря".

Днем они работают, а ночью спят, не раздеваясь, на нарах от стены до стены...

- Уже Покров, - говорит тятя.

Выпал первый снег.

И тувинцы-охотники целый день, небольшими артелями, едут на охоту в "нашу тайгу". У них ружья-капсюльки на сошках... Все они едут верхом на лошадях, а харчи - еду и остальную утварь охотницкую груят на отдельных выручных лошадей. Собак у них одна-две на артель, не более...

- Тувинцы без собак зверя и пушнины добывают, - говорит тятя.

- А собаки у них охраняют стан и лошадей. Наша тайга самая богатая, вот и едут со всех хошунов к нам.

Тятя приехал сюда в конце августа. Да не сам приехал, а послали его охранять хлеба. Хлеба вызрели, и не сотни, а тысячи местных и перелетных птиц прилетели полакомиться зерном. Вот и отпугивал их по силе возможности, оберегая колхозное добро, сторож Илья. Я тоже с ним.

Полиствянка!..

Внизу на земле - вырезвие желтые полосы хлебов, ковыльные
степи и увалы, гряды гор.

А в небесах, чистых, голубых, почти безоблачных - стаи журавлей... Они выстраиваются в треугольники и часами кружат в поднебесье, готовясь к перелету в теплые страны, где нет зимы. И нет красивей песни, песни журавлиной, посланной с небес на землю нашу.

Журавли улетели.

Убраны хлеба. Снопы уложены в клади...

По степи и живью ходят табуны лошадей. С нами еще есть кобыла Игренюха, на которой мы привозим бочку воды и дрова. Стережем клади от лошадей табунных. Уже выпал снег, холодно, а у нас в доме тепло. Потихоньку топится печь - железка. Мы с тятей лежим на нарах. Уже темно, но от печки свет играет по черным стенам нашего жилья.

Тятя молчит, но я знаю, он что-то думает. Я тоже думаю, но ничего не могу придумать. Мне нравится, что здесь можно не раздеваться, не умываться... Так мы и делаем оба.

Я думал-думал и спросил:

- Тятя, а сколько тебе лет?
- Шестьдесят четыре.
- А много это?
- Да не шибко много, да и не так уж мало.
- А мне?
- Тебе шесть уже минуло...

Я еще долго думаю...

- Тятя, а ты был маленьkim?..

Оказывается, мой тятя тоже был маленьким. Но это было давно и далеко, "у Россеи".

Вот тут-то я и узнаю, как просил дед Галаня в крестные отцы новорожденному сыну, тяте моему, первого встречного, а на пути повстречался барин, он не хотел идти в крестные. Но Галаня шибко плакал и молил, иначе, мол, не выживет сынок, и барин согласился. И крестным у тятя стал настоящий барин.

Мне почему-то захотелось, чтобы у меня тоже крестным был настоящий барин. А потом стало жалко барина: тягиного крестного убили вместе с барыней, потому что они были богатые. Детей у них не было, хотели взять тятю в дети, да отец Галаня не отдал. А то бы тятю тоже убили за богатство?

- Тятя, - спрашиваю я, - а когда я родился, ты тоже побежал искать крестного?

- Да нет, бежать некуда было. Церковь закрыли, попа - выгнали... Некрещенный ты остался.

Я еще долго не могу уснуть и все думаю: что же из меня получится? Я же - "нехрист"...

Покров прошел. Лег на землю снег и установилась санная дорога. Мужики из маленьких селений - Азюта, Малиновки, Вавилиники, Тарлыга и еще многих заимок, которые назывались по фамилиям тех, кто там проживал, проезжали мимо нашего дома-стана. Кое-кто и заезжал передохнуть и поделиться новостями мужицкими.

Проезжие мужики вынимали кисеты с самосадом, дымили и вели разговор.

Тятя не курил самосад - он курил папиросы, и то только когда к нему заезжали мужики. Одной пачки папирорс ему хватало на целый месяц, а то и более.

Я тоже беру папирорсу и пускаю дым. Мне не нравится вкус табака, но нравится, что мужики смотрят на меня в недоумении.

Разговор у мужиков о колхозах, о коммунах, о пашне и о коммунизме...

Я тоже слушаю и кое-что понимаю. Там где-то, в вершине реки Уюк, на старой кулацкой усадьбе, где и дом двухэтажный есть, коммуна была. Поначалу было хорошо: всего полно в амбараах. А потом все съели и коммуна развалилась... И заведение Вавилинское пришло в негодность.

- Коммунизму эту, конечно, можно построить, - говорит мой тятя, - если работать по совести... Но так не бывает и не может быть: одни будут прятаться за спины других, а "умники" - хозяйствовать, не ведая толку в руководстве...

Мужики уехали.

Я полощу рот водой и сплевываю табачную горечь.

Папирорсы назывались "Беломор-канал". Название для меня загадочное и непонятное.

"Черномор и Беломор - это сказочные богатыри", - думаю. А узнаю другое: уже четыре года строит Беломор-канал мой дядя Спиридон. Остался еще один год и он построит его...

И опять наступает ночь: в поле холодно и снежно, а в доме тепло: греет печь-железка, и свет от горячих поленьев играет по закопченным, небеленым стенам. Мы лежим на нарах, тятя опять о чем-то думает. И я думаю:

- Тятя, а что такое коммунизм?

Отец почему-то не хочет отвечать на мой вопрос. Я не отступаюсь. И его, чувствуя, обозлило это.

- Коммунизма - это когда взрослые мужики будут мало работать, а жить хорошо. А ребятишки пряников и конфет будут есть бесплатно...

Но мне почему-то не захотелось пряников и конфет бесплатных.

...Прошло много, много лет, и мне, Кольке, стало тоже 64 года. И есть над чем задуматься.

Чья же формула вернее - "что такое коммунизм?" Гения Ильича или простого мужика Ильи?

ЗЕЛЕНАЯ ЮБКА

У нашей мамы была зеленая праздничная юбка.

В зелени яркой в ней отражались все цвета, перламутром играя на солнце. Крупный рисунок - вязь цветов, как бы вышитых гладью, еще более придавал ей нарядность и красоту.

Юбка у мамы была подвенечная. И мама наша, молодая и красивая, выходила замуж и стояла под венцом в зеленой юбке. Да погасла свеча у жениха во время венчания. А потом он простудился, заболел и помер. И стала мама вдовой с годовалой девочкой Веркой на руках.

У тяти нашего тоже жена умерла. Овдовел он, и двое малолетних детей остались сиротами.

Но потом привез из далекой Черемушки молодую вдову Федору Александровну наш тятя в Урянхайский край.

А потом?..

Но расскажу сначала о том, что было раньше, в таком далеком мамином детстве.

Девушка Анна, почти уже невеста, с младшей сестренкой Федоркой, которой уже тоже лет шесть-семь, идут в гости к старшей сестре Насте в соседнюю деревню.

Настя рада, что сестры пришли в гости. Они уже с мужем Яковом начинают жить хорошо. У них даже есть самовар. Недавно купили на базаре. Чай из него пить - одна благодать! Да если еще к чаю есть сахар! Но сахару-то в доме не оказалось. Не велика беда: сбегала к зажиточным соседям Настя, заняла три кусочка себе, Анне и Федорке.

Пьют чай с сахаром - все довольны! Да приличия знали, свой деревенский этикет: выпили по две чашке чаю, откусили по два раза сахару, причмокали от удовольствия. Чашечки перевернули кверху дном, сахарок на чашечки положили - "сыты по горло"!

- Спасибо, спасибо!

- На здоровье! - отвечает хозяйка. Стала убирать со стола: "А Хедоркин-то ийде сахар?" - в недоумении спрашивает. Стыдно Анне за малолетку-сестренку...

А Федорка все сделала так же, как и сестры, только соблазнилась: взяла сахар, зажала в кулечек, выскочила на крылечко, сахарок за щеку и посасывает. Без чая еще слаше кусочек оказался.

Федорка вырастет потом, будет моей мамой и расскажет мне про сахарок.

Давно это было, сто лет прошло.

"Не скоро ели предки наши", - написал Пушкин. А я скажу: не сладко ели. Всё все времена бедно жил русский народ.

Но была все-таки у мамы подвенечная зеленая юбка. И потом...

Первенец их с тятей, Мишка, впервые осмыслив, что такое красивое и некрасивое, определил:

- Юбка мамина зеленая -самая красивая, и нет красивее ее ничего на свете.

А когда он вырастет, - мечтал, - и станет Михаилом, то купит маме все-все зеленое...

Потом и последний сын, Колька, просил маму, чтобы она нарядилась...

Но мама все реже и реже надевала зеленую юбку, а потом и совсем перестала. Видимо, стеснялась...

Юбка по-прежнему оставалась красивой и неизношенной.

А мама старела и изнашивалась...

ОСЕННИЕ СНЫ

... Осень. Ненастье. И хлещет осенний дождь по стеклам большого дома. Ставень, сорвавшийся с крючка, хлопает по раме... На улице темно, ненастно и зябко. А в избе русская теплая печь. На ней лежит старик-хозяин, греет старые кости. На кровати - старуха-хозяйка... и более-никого...

Когда-то давно этот дом был полон человеческой живности. Людно было в нем: в зыбках лежали грудные младенцы, на печи грелись старики, на кровати, в кухне, хозяин с хозяйкой; в горнице парни и девки на выданье, тоже на кроватях, а на полатях - подростки. Все и вся уживались в этом доме.

Мать встала поутру, еще до света, затопляла печь русскую, выпекала калачи и булки, варила щи и кашу и кормила, целый день, всю эту ораву...

Умерли старики, родители хозяев этого дома. Дети выросли и отделились. Хозяева остались одни. А потом и сами состарились...

Не плакали уже в зыбках грудные младенцы. Не ворочались на полатях подростки. И в горнице на кроватях было пусто... Не стало живности в этом доме человеческой, как в прошлые времена.

Старуха-мать по-прежнему топила печь, выпекала калачи и булки, варила щи и кашу, а кормить-то некого было... Пекла и варила всего помаленьку. Старику да себе.

Сыновей у них на войне перебили...

Ночь, ненастье, осень и темень непроглядная.

Старик лежит на печи, греет кости старые. Мать на кровати в забытьи...

В одном окне - Михаил, а в другом - Александр, стоят и смотрят в родительский дом... Дождь осенний мочит их, а по лицам текут слезы...

Это их души прилетели в свой родительский дом, к своей родной матери, - пожаловаться: что нет у них могил и нет у них крестов. "Без вести пропавшие" они. Моют их кости полые вешние воды. А осенью ненастные дожди смывают летнюю пыль...

Сны повторяются, весной и осенью, уже много, много лет подряд...

Мать бросается к окнам, чтобы позвать своих сыновей в теплый дом и обогреть...

Но их видения исчезают, а дождь еще хлеще полощет стекла.

Мать плачет и молится, молится за своих сыновей, без вести пропавших, и плачет...

Умерли старики, и души их сыновей, пропавших без вести, уже не прилетают. Другое поколение людей живет в этом доме.

... Умерла мама внезапно: грыжа у нее была от тяжелой работы, ущемилась.

Лежала мама не на лавке, как подобает покойным, а на сундуке, в котором всю ее жизнь пролежали зеленая юбка и все остальное приданое.

Мама сразу стала маленькой, исхудавшей, изработанной, виновато поджав губы, она как бы стеснялась, что квашня, заведенная вечером, так и осталась невыпеченным тестом...

Мама была в зеленой подвенечной юбке в кашемировой шали, тоже неизношеной.

Не хватило нашей маме праздничных дней, чтобы износить юбку и шаль...

Вот так жили предки наши: не празднично... И не сладко.

РАССТРЕЛ

Его раздели, разули и вывели на расстрел.

Он стоял в сорокоградусный мороз в исподнем белье, по колено в снегу.

И ждал...

Уже наступили сумерки над таежной заимкой. Молодой месяц светился узкой полоской на стылом, ясном небе, низко над горизонтом.

Холодные стволы были нацелены на человека. Еще миг - и...

Но выстрела не последовало.

Холод сковал затворы, и ружья дали осечку...

И он, как дикий зверь, спугнутый охотником, бросился в ближайший ельник, поднимая босыми ногами кустарник, кочки и засохшую, как проволоку, осоку болотную, сметая все на своем пути.

Выстрелы прорезали тишину таежную, а смертельные пули со свистом пронеслись над головой.

А он бежал скачками по болотной мари, усеянной колючим кустарником, не чувствуя, что ноги, руки и лицо уже в глубоких порезах, из которых сочится кровь и превращалась в красные льдинки.

Бежал долго, три версты с лишним без останову, гонимый страхом смерти, уже под покровом ночи. Силы покидали его, но впереди забрезжил огонек: там должны быть люди и тепло.

Ввалился в избу, где все так и было. Испуганные хозяева помогли ему влезть на русскую печь.

Ступни и запястья были мерзлые и стучали, пальцы рук слабо раздвигались, и весь он был обморожен.

Всю эту длинную зимнюю ночь он просидел, зная, что утром они явятся и прикончат его. Сидел и смотрел на свои руки, ноги, которые оттаяли и почернели, кожа и мясо стали жидкими.

Слезы обиды, горя и бессилия текли по обмороженному лицу.

"О Боже!"

Какая сила могла смутить, разбить на две стаи волчьи нас, мужиков, тружеников...

Рубить и убивать в своем Отечестве сосед - соседа, брат - брата...

О Боже, останови злобу!..."

Поутру явились они.

В теплых полуушубках, валенках. На верховых лошадях. Ворвались в избу, и тень испуга пробежала по лицам карателей. Они не могли узнать его, но знали, что это - он - их добыча, убежавшая вечером...

Помогли слезть с печи. Держа под руки вывели за ограду, прибили и бросили, ускакав восвояси галопом.

А он остался лежать на белом снегу, облитом красной кровью, почерневший и неузнаваемый. На своей земле, в своем Отечестве... Чей-то сын, чей-то брат, чей-то муж, чей-то отец...

Эту историю я слышал от родителей еще малолетком.

Я не знаю, кто он был: красный или белый. А они знали.

Бежал он от заемки Михайлова Ивана (Ивана Долгого, Узун Ивана), сейчас это село Белелиг, до заемки бедного мужика Коровина Митрофана (сейчас на том месте водоем).

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

1929 год, весна. В Тувинскую Народную Республику прибыла археологическая экспедиция. Ее возглавляет Теплоухов, учений с мировым именем. Много он объездил стран, много повидал на своем веку. Был и в Африке, был и в Азии. А теперь вот в Туве. Занимается изучением древних могильников-курганов.

До революции был он барин, дворянин с многовековой родословной. И учений. Теперь он просто учений, без барства и дворянства. Ему просто разрешили заниматься его любимым делом - археологией. Может быть, потому что он в молодости участвовал в марксистских кружках и был за это наказан. Любовь к профессии пересилила, он оставил политику...

Тува - древний край, много могильников-курганов разбросано по ее степям.

Внимательно осматривал их ученый, стараясь угадать: где же тот, который ему нужно вскрыть? И выбрал в трех верстах от селения с восточной стороны.

Место веселое, красивое: пригорки да увалы, да нетронутая степь.

Разбил лагерь, и начались работы.

По субботам ученый приезжал к хозяину Илье. Мылся в черной бане. В воскресенье, одевшись в легкий парусиновый костюм, соломенную шляпу, брал барскую трость и прогуливался по пыльной улице.

Воскресенье было для него выходным днем.

Много скота было на грязном подворье хозяина Ильи. И какую бедность и убогость видел ученый, бывший барин, на хозяйствском "поместье"! На вешалках висели шуба и шабуры, на кроватях - овчинные одеяла, из шерсти и конского волоса скатанные матрацы. На стены прибиты "ковры" из ситцевых лоскутиков. А в щелях уютно проживали клопы и тараканы. Мухи тоже находили приют до самых зимних морозов. Все с этим свыклись. Тяжело и больно было смотреть ученому на достаток хозяина...

И, забегая вперед, всего лишь через год пропишут Илье кулачество. Да спасет его колхоз. Любит работать Илья, а там такие нужны будут...

... Идут раскопки древнего захоронения.

В короткие "перекуры" и во время обеденного перерыва ученый - атеист повествует о древних, живших много веков назад в этих местах. Внимательно слушают его мужики-рабочие, неграмотные и набожные люди.

- Мир сотворялся миллионы лет и нет у него начала, не будет и конца - он безграниччен! Религия - это обман и вымысел жрецов и всех ее служителей... В древнем Египте цари-фараоны, получив по наследству престол, еще при жизни объявляли себя богами и начинали строить огромные каменные пирамиды, куда должны были лечь после короткого пребывания на земле. Сотни тысяч рабов последовательно гоняли в пустынныне места на сооружение будущих могильников-пирамид. В Индии мастера-каменотесы за пригоршню риска весь световой день долбят камень, придавая ему священный вид. Возводят величественные храмы. За это бог Будда примет их в поднебесных чертогах доброжелательно. У русских тысячу лет тому назад тоже были другие боги...

Древнее захоронение вскрыто.

Более двух с половиной тысяч лет прошло, как ушел из жизни и лежит в нем на покое его хозяин.

Небогатое захоронение, но уникальное по своей исторической ценности.

По традиции, когда вскрывали древнее захоронение в любой стране, и если оно вызывало исторический интерес, приглашали

главу государства. Был приглашен и на этот раз глава правительства республики.

Обстоятельно и подробно повествует ученый про то, что здесь происходило много веков назад:

- Ушел из жизни правитель-царь этих мест. Остановилось сердце его уже от старости. Много хлопот он принес своему народу: его нужно было отправить в загробный мир.

Много жен и наложниц было у владыки. Но он забрал с собой одну - самую юную, самую красивую. Ударом в висок она была лишена жизни и положена рядом со старцем - в пышном наряде, в золотой короне...

... Косточки старого царя и юной царицы со всеми воинскими доспехами и женскими принадлежностями надлежало ученому упаковать и отправить в Ленинград.

Царскую каменную "подушку" забрал Илья на свое подворье: может, и пригодится в хозяйстве...

Плохо понял рассказ старого ученого глава республики, но вежливо откланялся и отбыл восвояси.

- Боже мой! - взмолился атеист-археолог, хватаясь за голову. - Да как может стоять во главе государства человек, не знающий ни истории, ни географии, ни прошлого, ни настоящего?!"

... Прошло менее десяти лет, и недавнее стало прошлым.

Уже нет ученого с мировым именем Теплоухова: расстреляли его. Видимо, тоже не сдержался, высказал вслух свое отношение к более высоким чинам того времени. Новая эпоха настала, и историю писать начали заново уже другие, красные профессора, прежде всех академий прошедшие ликбез.

Расстреляли и главу маленькой республики, который так и не понял - за что?

Расстрелянного неученого главу правительства сменил новый. Он уже ученый. Его Москва выучила. За четыре года дала высшее партийное образование. Крепко он освоил азы нового мышления: базис, надстройка и светлое будущее. Хорошо работал. Много наград имел. Умный был. Даже книжку написал о горьком детстве и счастливой молодости. Но не дожил до светлого будущего.

Не хотел умирать, аж в Москву повезли его, беспамятного, но и Москва не спасла.

Да!

Не видала древняя земля этого края такого грандиозного захоронения.

Прибыли сотни делегаций из районов, областей и республик. Сотни слезных телеграмм пришло. Тысячи людей провожали его в последний путь. И место отвели - на сотню хватило бы простым смертным.

А что же Илья?

Был он крепко напуган в ту давнюю пору, но жив остался. Он вошел в артель с красивым крестьянским названием "Красный па-

харь". У него две кобылы, две телеги и четыре бочки. Возит он воду. Много воды нужно лошадям и людям. Страна идет - жаркое радостное время года для тружеников земли.

Царской каменной "подушке" хозяйка Федора Александровна тоже нашла применение. Посолив капусту, придавливает ею. Хороша капуста получается. Остальное время года пылится "подушка" в кладовой. Ведь на ней покоялась голова правителя этих мест - много веков...

Около тридцати лет пришлось пробыть в артели Илье. Он уже старый, шибко старый. Но оптимист и реалист, и любит жизнь. Но есть и предел бытия на этом свете.

Неизвестны захоронения расстрелянных, нет у них могил, а у него будет, - думал Илья.

Все было на примете у Ильи: был и каменный столб, что стоял, покосившись, в пустынной степи много сотен лет.

Привез Илья его на свое подворье. И наказал: поставить на могилу, когда уйдет он в потусторонний мир. Не для мертвых, а живым, в назидание, должен он напомнить, что жили люди-труженики, Илья и Федора, а теперь они на покое. Не нужно их раскапывать...

Да! Много видела эта древняя земля. И что еще увидит?

Валерий Тодышев

А в "Голубом Дунае" зимой подавали подогретое пиво

Мой город... Зимой - промерзший насквозь, летом - выжженный безжалостным солнцем, вялый от изнуряющей жары. Но остановится взгляд на старом тополе, на скользком енисейском камне, заросшем тиной, и дрогнет сердце, замрет душа. Тот, кто родился и вырос здесь, очень тяжело переносит разлуку со своим городом. Енисей, небо, горы, жесткая колючая трава - все свое, родное и неповторимое, такого нет нигде. Как нет и не будет вкусного морса (из чего, интересно, он готовится?), который продавали в "Старой бане". Да, была баня "Старая" и баня "Новая". Был магазин "Большой" и магазин "Каменный", и магазин "Сесерлиг" (ныне функционирующий магазин N2). Были кинотеатры "Зимний" и "Летний", и еще недавно был "Зеленый театр". "Золотой рог", "Голубой Дунай" знаменитые пивные. Прилагательное "голубой" тогда имело совершенно иное значение. И между прочим, в "Голубом Дунае" зимой продавали подогретое пиво. Эх, красиво жили раньше...

Пыльные кызылские улицы... Если улица Песочная (Гагарина), следовательно, действительно песку по колено, если улица Заозерная, значит - заозерная. По заозерке ходили автобусы, в автобусах - просторно, пассажиры добродушные. А шофер дядя Вася, Василий Данилович Сапогов, еще в те исторические времена считался старейшим водителем Тувы. Всю жизнь в пассажирском АТП и ни одной аварии, а образования никакого.

Улица Кочетова, дом 49-сейчас на этом месте воздвигнута девятиэтажка, а тогда жил дядя Вася с женой Файной Николаевной и с тремя дочерьми. Здесь по выходным пеклись шаньги и из черной тарелки репродуктора громко пела Кара-Кыс. Я, босоногий пацаненок, накупавшись до посинения в Енисее, прибегал в гости, меня угождали шаньгами. А дядя Вася, шевеля губами, по слогам читал газету. "Шын" и "Тувинская правда" изучались до последней строчки. Если кому интересно, то могу сказать - Василий Данилович Сапогов по национальности тувинец. Позже, едва научившись складывать буквы в слова, я пытался постичь тайну газеты, но до сих пор не понял, что было увлекательного в газетах, которые с таким самозабвением изучал дядя Вася.

Иногда нам хотелось свежей рыбки. На базаре мы ее не покупали. В мешок укладывались сеть-рыжовка, хлеб, соль. Дядя Вася брал меня за руку, и вперед! Кондуктор дергает за шнурок и от остановки "Почта" мы едем далеко-далеко, аж до самой нефтебазы. И там рыбачим всю ночь. Правда, одно омрачает мои воспоминания-комары. Дядя Вася говорил: "Злые, как мессершмитты". А утром Файна Николаевна жарила ельцов, целых две сковороды. Жарится рыба, Кара-кыс поет красивую песню "Ляна", дядя Вася читает газету. Хорошо!

Безжалостно летит время, вырос Кызыл, а дядя Вася и Файна Николаевна, прожив долгую-долгую жизнь, навсегда рядом, лежат под скромным обелиском. Скромные честные труженики, без которых не было бы Кызыла, каким мы его представляем. Остались от дяди Васи трудовые медали и почетные грамоты Верховного Совета. А фетровую шляпу я донашивала на рыбалку.

Маадыр-оол Ховалыг

ЯШКА

Был конец ноября. Хотя Кара-Даш покрылся снегом, морозы стояли несильные, непривычные для этих мест.

В этот день мы всей бригадой вышли на ремонт карьерного экскаватора. Позванивали ключи, бухала кувалда, искрились огни

электросварки. И вдруг кто-то из парней с наружной площадки крикнул:

- Яшка! Яшка прилетел, мужики!

Не ради любопытства, а скорее всего из-за подвернувшегося повода передохнуть мы высипали на площадку.

- Где? Что за Яшка?

- Вот он, видите, сидит, - Иван Матвеевич, наш бригадир, показал ручкой молотка на верхний уступ.

Там сидел ворон и, важно поворачивал голову, посматривал на нас сверху.

В карьере, где работал наш экскаватор, птиц хватало. Были и вороны: каркая, они часто пролетали мимо, занятые своими насущными делами.

- Тьфу! - плонул в сердцах машинист Салчак. - Что мы, ворон-сорок не видали?! - И скрылся в чреве экскаватора.

Мы было последовали его примеру, как ворон с уступа спланировал на кучу негабаритных камней, приземлился на одном из них и стал клювом разрывать какие-то клочки бумаги. Мы вопросительно взглянули в сторону бригадира.

- Недавно мы с помощником работали в дневную смену, - принял ся объяснять Матвеевич. - Обратили внимание на ворона, который подолгу сидел невдалеке от машины. То клюв раскроет в недовольном крике, то поточит его о камень. Полагая, что ворон просит пищу, мой помощник отнес остатки обеда на выступ. Птица улетела, однако вскоре снова вернулась, подхватила угощение и улетела. С того дня хлебные крошки и другие остатки от обеда мы уже не выбрасывали, а клали на камень метрах в полустанте от машины. Яшка, такое имя дал ворону мой помощник, привык к угощению. Вороны-птицы смекалистые. Вот увидите, приучу Яшку, чтобы он кормился с руки, - пообещал Иван Матвеевич, посмеиваясь в рыжие усы.

- Да ну? - засомневались многие.

- Учить ворона? А для чего? - в проеме кабины показалась голова Салчака в мохнатой шапке. - Знаете, как вороны мешают на охоте? "Мелкашку" бы мою! - пригрозил он птице, стреляя колючим взглядом за наши головы.

Члены бригады не осудили Салчака и не поддерживали Ивана Матвеевича, молча разошлись по своим местам. Но странное дело: безо всякого слова мы стали приучать ворона. Один только Салчак бросал колючие взгляды в сторону птицы. Он был неплохим охотником. Вполне возможно, когда-то у него вороны заклевали соболя, попавшего в капкан, или устроили пиршество над убитым маралом, не разделанным с наступлением сумерек. Об этом он сам, правда, ни слова не говорил, но по отношению к птице можно было догадываться о причине его неприязни к ворону.

Обучение между тем шло своим чередом. Мы клали на камни объедки и постепенно сокращали расстояние между нами и Яшкой. Сначала было полста шагов, затем сорок пять, тридцать, двадцать... В

первые дни Яшка делал разведывательные облеты места, где для него оставлялись объедки. Затем он приземлялся неподалеку и внимательно осматривался вокруг. Убедившись, что опасность ему не грозит, подпрыгивая, не спеша приближался к камню, где его ждала трапеза. Крепко схватив клювом кусок хлеба или полпирожка, ворон сразу же улетал за западную сопку.

Через месяц он стал трапезничать прямо на месте. Однако то, что не мог осилить в один присест, уносил за сопку. Яшка пищу брал, но по-прежнему доверия к нам не питал. Схватит кусочек и удаляется прочь.

Со временем у Яшки появились враги. Стоило ему с пищей в клюве взлететь в воздух, как налетали разбойники-вороны и отнимали у Яшки еду. Он мужественно отстаивал свою собственность, но силы были неравными, а мы помочь ему ничем не могли. Это заставляло Яшку подольше задерживаться в опасной близости к людям и съедать свой обед буквально в десяти шагах от экскаватора. Здесь серые воровки были ему не страшны.

Зима ушла на север за синие горы, а у нас запели ручейки талой воды. В ту смену мы работали с утра. Пришел бульдозер зачищал рабочую площадку, и вся техника на время замерла. Шоферы сгрудились у БелАЗов, попыхивая сигаретами. Все ждали.

В нескольких шагах от меня взад-вперед прохаживался Яшка, высматривая привычное угощение. Я бросил ему кусочек рыбы, он тут же его проглотил. Вертил головой, требует еще. Следующий кусочек я бросил на расстояние одного шага. Яшка, чуть помедлив, степенно подошел, склонул его. Последнюю порцию я уронил прямо на сапог, и замер, боясь пошевелиться. Осмелится ли дикая птица подойти вплотную к человеку? Притихли все, кто наблюдал эту волнующую сцену. Даже Салчак подался вперед к раскрытой фурточке кабины.

Ворон, не моргая, осмотрелся вокруг. А затем медленно, с раскрытым клювом осторожно шагнул ко мне. Первый раз в жизни я рассматривал с такого близкого расстояния живого ворона. Цвет оперения птицы был не смолисто-черным, как казалось издали, а имел буроватый оттенок. На груди резким треугольником выделялись белые перья. Концы крыльев имели зазубрины, виднелись обломанные перья-следы схваток с "разбойницами". В его круглых глазах отражалось полнеба, и я скорее всего не увидел, а почувствовал в них дружелюбие. Яшка метким ударом клюва схватил пищу и моментально отскочил назад. Затем с гордо поднятой головой неспешно зашагал прочь. И только тогда я почувствовал, как были натянуты мои нервы - словно тугая тетива у лука.

Мы ликовали! Наконец-то осторожная птица поверила нам.

- Скоро Яшка будет безбоязненно ходить среди нас, кормиться из рук, - уверенно заключили мы.

Огни любопытства, вспыхнувшие в узких глазах Салчака, говорили об изменении его отношения к "воронам-сорокам".

Через несколько дней Яшка вдруг исчез. Напрасно мы ждали его и в обеденный перерыв, и в конце рабочего дня. Спрашивали ребят из других смен, клали на скальный выступ самые лакомые куски. Ворон не появлялся. Бригада переживала, будто потеряла близкого друга.

Прошла неделя со дня исчезновения Яшки. Автобус за нами задержался, и мы с машинистом пешком пошли к рудничной конторе. Шли напрямик, спускаясь с уступа на уступ.

- Что это? - насторожился Салчак, показывая рукой на черный предмет между камнями.

Признаться, нас обоих пронзила одна и та же догадка: "Яшка!"

Это был, действительно, он. На груди треугольник белые перья, концы крыльев обломаны. Чья же безжалостная рука лишила жизни это безобидное существо, которое приносило нам столько радости?!

Осмотрев внимательно тельце друга, мы поняли, как погиб Яшка. Не мог он знать, пролетая над карьером, что через секунду взрыв поднимет сотни тысяч тонн горной массы и прервет его полет.

- Способным был учеником... Яшка, - сказал Салчак с какой-то грустью и осторожно положил мертвую птицу на обломок скалы, выброшенной взрывом.

Михаил Дуюнгар

ПРОКЛЯТИЕ СВЯЩЕННОЙ БАЙ-ТАЙГИ

На небольшой могильный холмик по-зимнему невзрачное небо все роняло и роняло белые клопья снега...

Пьяные мужики сначала не могли точно определить то место, где они позавчера вырыли яму и похоронили там своего бесприютного друга.

Мать умершего, светловолосая женщина лет сорока пяти, сидя на корточках, рыдала:

- Пetenька, родной мой! Что ты наделал, сыночек! Оо-ох, мой единственный. Зачем ты ушел, ну зачем!? Оо, какое горе постигло нас!? Сыночек, ну, скажи мне...

Она приехала через два дня после похорон. О сыне ей рассказали в сельском совете.

Полторы недели назад, утром, когда Дурген-оол пришел в кочегарку на свое очередное дежурство, его напарник Петя лежал на полу и из рта у него текла белая пена. Он был мертв. Рядом валялась бутылка с остатком сильнодействующего яда...

Приближался рассвет. Петя в последний раз растопил печь, зажинув несколько лопат угля. Он перестал думать о своей прошлой жизни и понял, что пришел тот час, которого он ждал в течение всей долгой зимней ночи. Петя, осторожно взяв бутылку, откупорил ее и, поднося к губам, закрыл глаза...

Тело умершего увезли в райцентр, и оно пролежало там в морге ровно десять дней. За это время никто из родственников не приехал к покойному, хотя Дурген-оол нашел в вещах Пети какое-то письмо с обратным адресом, и по этому адресу была отправлена телеграмма. В школе, где покойный работал кочегаром, все решали и никак не могли решить, кто и на какие средства должен похоронить Петю. И вот, наконец, сельсовет выделил пять талонов на приобретение водки, управление совхозом - трактор с тележкой, а школа - немного денег. Тогда быстро нашлись и похоронщики...

С каждым днем, с каждым часом мир становился для Пети таким тесным, таким маленьким, что он не знал: куда идти, куда бежать?! Может, вернуться к единственной и надежной опоре - к родной матери? Но он ее обрадует?! Пустыми карманами или ветром в голове. Как быть с отчимом? Петя с тех пор, как ушел из дома, не жил нормальной человеческой жизнью. Оставаться здесь, на чужбине, тоже не имел смысла. Ирита! Что делать с ребенком Ириты, который рождается мертвым?! Нет, нет! Петя этого не выдержит... От этого никуда не убежишь. Есть только одна дорога... Больше нет выхода...

Прошло два месяца, как Ирита ушла от него. С этого дня он постоянно жил с какой-то неясной тревогой в душе, с предчувствием чего-то ужасного...

Петя встал, достал из-за печки бутылку вина и, отпив два глотка, поставил ее обратно. "А может немножко покурить?" - подумал он, но тут же передумал. От выпитого портвейна в желудке у него стало приятно горячо, мысли становились ясными.

После всего случившегося Ирита уехала в осенник, к бабушке, и там провела самые горестные дни в своей жизни. Повивальная бабка сделала свое дело, и Ирита стала быстро поправляться. Бабушка вечерами перед лампадой шептала молитвы и посыпала проклятия, очищая душу заболевшей внучки. Иногда она заставляла Ириту повторять за собой слова проклятий:

Пусть мою кару услышат владыки неба - Курбустулар!

Пусть мне помогут небеса мои - Кудай-Дээрлерим!

Пусть будешь ты проклят ими, неблагодарный нечестивец!

Пусть они на твою голову обрушат молнию!

Ты, ты, безродный голодранец, бездомный пес, ты вечно будешь проклят моей священной Бай-Тайгой!

О, хозяева моих рек, владыки моих гор, услышьте меня и придите к нему, осудите его, чтоб ему места не было на моей земле!

О, духи моих предков, о, красноволосые девицы - дьяволы, о хозяева горных вершин и перевалов, услышьте меня и придите! Да пусть он будет подвержен вашим преследованиям!..

Петя был вынужден рассказать Ирите то, чего она раньше не знала, то, что он тщательно скрывал от нее...

Узнав все подробности беспутной жизни Пети, Ирита сразу переменилась. Она поняла теперь, почему месяц назад плоть в ее утробе перестала шевелиться и уменьшилась в размерах. А она больше всего на свете хотела иметь ребенка...

Петя снова растопил печи. Времени было три часа ночи. Воспоминания не давали ему покоя, и он как бы одним взглядом видел всю свою прожитую жизнь. Он рос без отца. С девятого класса начал курить. Когда друзья предложили ему косячок, откуда ему было знать, что травка станет его самым близким другом. А потом служба в армии, где узы дьявольской дружбы стали еще сильнее. Увольнение. Знакомство с местной компанией единомышленников. Первый укол. Валя. Мертвый ребенок!!! Возвращение из армии, конфликт с отчимом и уход из дома. Бесконечные мучительные скитания.

Петя посмотрел на часы: девять вечера. До рассвета еще далеко. "Не надо торопиться", - подумал он. Надо же последнее дежурство провести так, чтобы завтра людям было тепло и уютно. Сюда никто не зайдет, никто не помешает ему заново пережить прошлое, разве что эти странные звуки, доносящиеся из открытой форточки...

Петя лег на топчан, на котором лежал потрепанный матрац, пробовал на ощупь, на месте ли бутылка, которую он спрятал еще утром под матрац.

Вдруг ему послышались какие-то странные звуки, голоса людей... По спине Пети прошли мурашки... Ему почудилось, что кто-то зовет его, где-то неистово плачет ребенок... Во дворе был страшный ураганный ветер, спустившийся с белоснежных вершин священной Бай-Тайги...

Игорь Иргит

ИСПОВЕДЬ ДРУГА ИЛИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ПОЛОУМНОГО ХУНАНБАЯ

Прошло два месяца, как умер мой близкий друг. В последнее время в связи с болезнью он нигде не работал. Смерть наступила при весьма странных обстоятельствах, и причины ее были совсем не ясными. Я участвовал в его похоронах и был также на первых поминках, которые, согласно обычая предков, проводят на седьмой день. Шаман, приглашенный по такому случаю, ночью развел небольшой костер, и, вызвав к нему душу умершего, разговаривал с ней. Прежде всего он стал допытываться об обстоятельствах и причинах смерти, затем стал узнавать о его желаниях и напутствиях близким. На утро шаман, тщательно изучив остатки костра, в кото-

рый бросали покойному жертвоприношение: пищу, табак, араку, сказал так: " Вижу след козы. О, бог мой, душа действительно покинуло тело... А вот что-то блеснуло железное:то ли ножницы,то ли нож? Это ужасно: в своей смерти покойный обвиняет жену. Если вовремя и как следует не совершим молебен, то душа вашего мужа будет часто посещать свой дом..."

На прощальные поминки сорок девятого дня я не приехал. Причиной тому была жена моего покойного друга. До меня дошли не приятные слухи: всего через несколько дней после похорон ее видели с молодым черноусым мужчиной. Впрочем, я и сам потом во всем убедился. Сразу стало ясно, что ложе моего бедного друга перешло к нему.

Обычно по утрам, когда жена и дети завтракают, я встаю, чтобы забрать свежую почту, и потом обратно ложусь в постель. Так было и в этот день. Когда я развернул одну из газет, из нее выпал конверт. Письмо как письмо, только вот слева на конверте вместо обычного рисунка - пухлый, кудрявый мальчуган, с двумя белыми крыльшками на спине. Эта картина напомнила мне сутры покойной бабушки, где я видел изображения найданчиков -божьих детей. Почерк на конверте показался мне знакомым, а внизу подпись:" От друга с того света ". "Вот это да-а, кто-то решил разыграть меня", - подумал я и распечатал конверт.

" Друг мой, здравствуй! Когда получишь это письмо,не пугайся и никому его не показывай. Это я, твой покойный друг, пишу тебе с того света. Я удивился, когда не увидел тебя на моих прощальных поминках. И даже очень огорчился: "Неужели он уже забыл меня". Не осуждай мою жену, какая была, такой и осталась... К тебе приходил дважды, во сне, помнишь?"

Тут-то со мной случилось что-то невероятное, внутри у меня все заколотило. В страхе я отбросил письмо. И действительно, мой покойный друг два раза снился мне. Помню, когда рассказал своей жене об этом, она только усмехнулась."Скучно ему, наверно, там, вот он и приходит к тебе".

Все мои домашние, позавтракав, разошлись по делам,кто куда. Я остался один. Есть не хотелось, почему-то дрожали руки. Я вспомнил: "Вот он и приходит к тебе..." За мной?

Я снова взял письмо:"У меня к тебе зла нет:ни тебе,ни твоим родным я плохого не сделаю. Друг мой, ты же знал, как я жил все эти годы,как я старался любыми путами пробиться наверх.Помнишь, как я ухаживал за своей будущей женой, дочерью первого секретаря, бегал за ней, уговаривал, перед ней вставал на колени,давал пустые обещания. И добился своего. А потом она стала бегать за другими - у нее это в крови.Она была моей женой и матерью моего сына, потому я терпел.А что оставалось делать мне,сыну бедняка, старого "алкаша"?Хоть я и ходил в белой рубашке и с ромбиком на лацкане пиджака, все равно я не был настоящим интеллигентом, я только играл эту роль. Зато,когда я сидел в своем кабинете,знал бы ты, как

я кичился, чванился перед беспомощными людьми, я был форменным деспотом. Да, внешне я был красиво одет, а в душе у меня уже пахло гнилью. Затем я быстро научился пить, бабником стал, изменил жене, брал взятки, хитрил, врал, из трудных положений выходил, откупаясь, и, наконец, потерял себя в этой жестокой жизни. Все это приблизило мой час. То, что я подгребал только под себя, было моей роковой ошибкой. Все мое нажитое добро досталось черноусому хахалю. Выходит, я на него работал. А жаль, что я не перевел все деньги в помощь детям-сиротам или престарелым. А сейчас я каждую ночь прихожу домой, долго стою возле них, заявляюсь к ним во сне, проклинаю, угрожаю, но они от этого еще крепче обнимаются...

Эх, друг мой, только здесь, - только после смерти я понял, кто ты для меня, ты - мой единственный преданный друг, и мне жаль тебя, тебя, только тебя я ценю, поэтому я тебе все расскажу. В данный момент я нахожусь в Чистилище. Умер я оттого, что выпил много водки и спорел. Об этом сказано даже в медицинском заключении экспертов. Все это, конечно, козни этой дуры - моей жены. В тот день ее черноусый приятель все утро звонил по телефону. Когда я поднимал трубку, то он молчал, как рыба, - заранее все обговорено было у них. А жена, когда брала трубку, делала вид, что разговаривает с подругой. В это время тот успевал сообщить место встречи. Да, я же все понимал, чего тут не ясного?.. Когда мы были молодыми, ей нужен был повод, чтобы убежать от меня. Она специально устраивала сцены и убегала, будто я ее сильно обидел. А потом, когда вдоволь "погуляет", через несколько дней приходила с повинной или отправляла ко мне друзей, родственников на мирные переговоры. Ну, а я вообще все это ни во что не ставил. Потому что я сам имел на стороне очень красивую молодую девушку. Вот она действительно любила и ждала меня...

На этот раз у них, у моей жены и у ее любовника, все шло отлично, потому что я стал алкоголиком. Ну, и вот вечером к нам заходит подруга моей жены и достает бутылку. Я-то прекрасно знал, что бутылку специально купила моя жена и через подругу свою хотела напоить меня. "Жизнь моя так закрутилась, и ничего не изменишь, никого не исправишь - ни жену, ни себя", - подумал я, и залпом осушил рюмку водки. Они хотели, чтобы я потерял память и долго спал, и потому, когда я сильно опьянел, заставили разом выпить бутылку водки. Ночью я еле пришел в себя и увидел, что жена и этот черноусый мужик сидят на кухне полураздетые и оживленно беседуют. Увидев меня, они снова налили мне полбутылки водки, и вот тогда-то мое сердце не выдержало такой нагрузки... Умирая, я страшно мучился, душа не хотела покидать тело, и я задыхался, а потом как-то стало так легко. Через мгновение среди белых облаков меня встретили отец, мать, родственники. Все они были в белых одеждах, молодые, красивые, здоровые. Слезы текли у меня из глаз, когда я обнял родных, а другие успокаивали меня: мол, сейчас мучиться не будешь, отдохнешь, мы все время наблюдали за

тобой и жалели тебя. А потом за мной пришли посланники Бурхана, чтобы зарегистрировать меня, как вновь прибывшего, в своем списке. Когда меня привели в Чистилище, там сидел высокий бородатый найдан-божество Смиренный Доржу. Он сверил по сутрам всю мою прожитую жизнь и поставил на чашу весов все мои грехи и добрые деяния. И слава тебе, господи, при соотношении все-таки чаша добра чуть перевалила чашу моих грехов. А все это произошло благодаря тому маленькому поступку, который я однажды совершил. Ко мне зашел в кабинет безработный бедняга алкоголик и заплакал от бессилия, попросил устроить его жизнь. Вот ему-то я и помог по-настоящему. Позвонил знакомым, нашел бродяге работу, выбил ему квартиру. Вот это маленькое добро, совершенное мною и спасло меня от мук Ада. А сейчас я расскажу тебе об этом мире. Пока я стою на очереди в Рай. Все хотят туда попасть, поэтому народу несчестье. Рядом с нами бродят те, которые по сверкам Чистилища не прошли в Рай. Все они воры, мошенники, убийцы, взяточники. Недалеко от нас находятся ворота в Ад, охраняемые двумя свирепыми дьяволами. Они всеми силами ловят этих грешников, после судилища над ними и по приказу найдана Доржу бросают их в черную пропасть Ада. Вот только что, несмотря на истерический крик и моления, увли одно моего знакомого. Он, оказывается, когда жил на Земле, выпивши часто бил свою жену, гонял своих маленьких детей, воровал у соседей. Здесь таких сразу отправляют в Ад. И еще я познакомился со старым чертом. По его словам, раньше, когда люди на Земле были верующими, порядочными, тогда и грешников было совсем мало. А сейчас сам черт ногу сломит, да и сам Бурхан старым стал, все, что происходит, его не волнует, ему все равно. Из-за этого здесь среди найданов уже давно процветает взяточничество и корыстолюбие. Бывает так, когда Бурхан и Доржу чуть отвлеклись, и рядовые найданы берут взятку, и в Рай проникло очень много грешных, проклятых, нечестных людей. Раньше, говорят, в Рай ворота всегда стояли открытыми. После испытаний все достойные свободно проходили туда, а сейчас времена изменились. Вот, послушай, тот самый тип, который у нас был председателем профкома, что два года назад потерпел аварию на своей собственной машине. Вот он ходит тут с каким-то найданом, с кавказскими чертами лица, между собой о чем-то шепчутся, хихикают. В бытность на Земле он на стройке проворачивал разные махинации и попался, но имел большие связи и откупился от тюрьмы. А здесь, по-моему, он тоже что-то затевает. Бурхан этого не замечает, или делает вид, что не видит. Странно да? А помнишь тетю-то, она содержала что-то вроде публичного дома на окраине города. Так вот она тоже здесь, в очереди, следущей в Рай. Сначала, увидев ее, я не выдержал и страшно выпалил: "Тетенька, а вы-то как сюда попали? Ваша очередь вон там у дверей в Ад!" Она тут же неистово закричала во весь голос: "Что? Что ты врешь ко-бель! Ах ты пес поганый! На Земле не смог жить по-человечески, да и здесь начинаешь беситься. Заткнись и молча жди своей очереди, а

то шепну кое-кому и ты сам попадешь в Ад, понял?" Во мне что-то оборвалось, я весь дрожал от страха: "Извините меня, тетенька, круглого дурака, уж слишком всерьез воспринимаю сплетни. Простите меня, пошутил я, глупый, несчастный..."

После этого я кое-что начал понимать и сделал вывод: "Не-ет! Нету нигде правды. Здесь не Рай, а черт его знает, что это такое. Ээ, зря я умер!! Чтобы здесь был Рай, надо сбросить старого Бога и все обновить. А этого тут не сделаешь, потому что у нас люди все бессмертные, не телесные - в огне не горят и в воде не тонут - духи мы, духи." Мне так хотелось тебе сообщить все это, мой друг, чтобы ты говорил всем, кто сейчас живет на Земле. За это меня могут отправить в Ад, но я этого не боюсь. За правду надо везде бороться. Да, Рай надо было создавать не здесь, в царстве небесном, а на Земле.

Вот и все, мой друг! Эту бумагу я кое-как выпросил у одной женщины-проститутки. Она ласкает двух молодых найданов, а они ее очень страстно полюбили. Вот именно через этих найданов-то я и нашел два конверта. Они стащили их у самого Бурхана. А опустить письмо в ваш почтовый ящик для меня - пустяк. Ведь я каждую ночь навещаю вас, наблюдаю за вами. Вы меня не видите, а я вас, живых, отлично вижу, слышу и понимаю.

До свидания, друг! У меня остался еще один конверт, через несколько дней напишу еще одно письмо. Вот такие дела у нас в Раю. Тышибко не печалься, главное, живи честно, с чистой совестью!

Твой друг детства Хунанбай!"

Прочитав письмо, я совсем растерялся. Потом, оставив письмо на столе, я встал еле живой. Захожу в туалет, выхожу, стою и думаю. Странное письмо... Может, все это сон. Я тихонько щипаю руку, да нет, не сон! Вдруг мне стало не по себе, и я от ужаса закричал. На столе показалась чудовищная волосатая рука: схватив письмо, она исчезла. За всем этим последовал хриплый голос моего друга: "Прощай, дружище, они схватили меня! Какая-то сволочь продала и меня! Постарайся, друг, исполни все мои желания. Сделайте Рай на Земле!" И тут ему зажали рот, он что-то буркнул и вовсе умолк. Меня охватила нервная судорога, и я едва стоял на ногах, а потом совсем потерял сознание...

Когда я пришел в себя, то находился в спецотделении городской психбольницы. Сейчас я чувствую себя вполне нормальным человеком, но, когда снова приходит мне на ум содержание того письма, мне становится дурно... и каждый раз все заканчивается психушкой... Я знаю, что там они с нетерпением ждут меня, чтобы расправиться со мной... Я НЕ ХОЧУ УМИРАТЬ!

Чочагар Монгуш

СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ТИМУРА

Тимур проснулся от ужасного крика, доносившегося с улицы. Было около полуночи. Он торопливо вскочил, накинул на плечи пальто, надел шапку, не включая света, бесшумно открыл окно и выглянул наружу. Он успел заметить, как несколько молодых парней пробежали мимо и скрылись за пятиэтажным домом, а перед самым общежитием, возле тополей, на тротуаре остался лежать человек и корчился, схватившись обеими руками за живот. Тимуру были отчетливо слышны затихающие стоны лежащего. В тусклом свете уличного освещения он увидел, как на растоптанном снегу рядом с пострадавшим образовались черные пятна. Через несколько минут неизвестный перестал дергаться и замер, раскинув руки в стороны. С виду это был юноша лет шестнадцати. Так он пролежал неподвижно, пока не приехала милиция: и, наконец, труп увезли на машине скорой помощи.

Все смутные ощущения необычности своего существования Тимур впервые так отчетливо почувствовал, когда он, окончив восьмилетку, приехал в город и поступил в ПТУ. Первое время он жил у двоюродной сестры Ай-Суу. До этого он никогда не бывал в этом доме. Иногда он приезжал в город с отцом или матерью и, если не находили номера в гостинице, они уезжали в пригородный поселок к родственникам. Тимур не понимал, почему родители избегали дом двоюродной сестры. Она жила в трехкомнатной квартире с мужем и с шестилетней дочерью.

Все шло отлично: Тимур сдал все экзамены, поступил в училище и задержался у сестры на несколько дней. Зять с ним почти не разговаривал. Тимур постоянно общался с сестрой и помогал ей по хозяйству. Накануне вечером перед самым отъездом Тимура зять вернулся слегка выпивши. Он был в хорошем настроении. За ужином много разговаривал.

- Тимур, дружище, ты понимаешь, о чем я толкую? - спросил он, неожиданно переходя на родной язык, как бы невзначай задевая больное место Тимура, а он не ожидал такого вопроса, был ошарашен, но моментально вымолвил:

- Да, в основном понимаю...
- Молодец, а говорить ты можешь?
- Нет.

- Да, тебе надо как можно быстрее научиться говорить, начинай прямо с сегодняшнего вечера. Да, плохо Тимур, плохо, очень плохо..., - на этом разговор был прерван, и зять ушел в свою спальню.

"Какой он противный!" - подумал Тимур и не придал значения словам зятя.

На следующий день Тимур уехал домой в деревню, где в основном жили русские. Так получилось, что он с детства воспитывался и вырос среди русских ребятишек, играл с ними, ходил в лес за грибами, с ними и окончил восьмилетку. Его родители были вынуждены все время общаться с ним на русском языке. Так он стал тувинцем, говорящем на чужом ему языке.

Мать обрадовалась, узнав, что сын поступил в ПТУ. Он увлеченно делился с матерью своими впечатлениями, пережитыми в городе, тем, как жил у сестры, и когда стал рассказывать о странном разговоре с зятем, мать как-то растерялась, даже притихла и сразу перевела разговор на другую тему, но Тимур был непоколебим:

- Мама, почему вы избегаете дом сестры? Из-за него, да? Он такой угрюмый и неприветливый?

- Нет, сынок, в самом деле он хороший, но иногда бывает резок со всеми... у него там сложности на работе, понимаешь, здорово ему нервы потрепали...

- Из-за этого вы не ходите к ним?

- Да нет, сынок, давай я тебе все расскажу сейчас. Ай-Суу - это твоя родная сестра. В молодости после родов я безнадежно заболела, а твой отец служил в армии. Некому было за ребенком ухаживать, и ее вырастили моя старшая сестра и ее муж. Бог не дал им детей, и они были счастливы ухаживать за Ай-Суу, так она стала их дочерью. Я не имею права считать ее своей дочерью, я только родила ее, а человеком ее сделали они, и по обычаям предков они и есть родители. Поэтому я не хочу огорчать сестру своим присутствием у Ай-Суу, и без этого им нелегко живется. Понимаешь, Тимур, а отец твой этого не понимает, не понимал и никогда не поймет. Через три года он вернулся после армии и хотел отобрать у них Ай-Суу, но они отказали в этом, и были правы. С тех пор у нас сложные отношения с ними. И зять, и Ай-Суу все это почувствовали, и им тоже не сладко.

- Вот как! Мама, мне так хорошо было, когда я жил у них, значит, все-таки она моя родная сестра. Она очень добрая, мне она сразу понравилась, а вот зять какой-то странный...

- Он сердится на нас, сынок, за то, что мы тебя так воспитали, не научили родному языку. Понимаешь, он в чем-то прав, и это ты поймешь, сынок. Ты не говори отцу о нашем разговоре, ладно.

- Хорошо, мама, как я рад, что ты рассказала мне всю правду. Теперь я многое начал понимать, мама, - Тимур ласково обнял маму, у которой на глазах навернулись слезы.

Незаметно прошла неделя, и Тимур должен был уехать в город, но он так и не поговорил с Татьяной: не было для этого подходящего момента. Был субботний вечер, как обычно, в клубе шла дискотека. А потом поздно ночью стали расходиться по домам, и они остались вдвоем. Это было начало осени и потому все еще стояли ясные и теплые дни, а ночью становилось прохладнее. Тимур был не равнодушен к этой белобрыской девчонке с параллельного класса. Живя на одной улице, они часто встречались, проводили вечера вдвоем.

Иногда Тимур приходил к ней в гости. Он первым нарушил наступившее долгое молчание.

- Я завтра уезжаю. Нам придется расстаться на несколько месяцев, но я буду писать тебе, - неловко начал он.

- Тимур, не надо.

- Как не надо?

- Я боюсь, Тимур, мама меня ругает за то, что я с тобой дружу.

Мне страшно.

- Почему? - Тимуру впервые в душу подкралась черная тень сомнения.

- Я не знаю, Тимур, как тебе объяснить.

- Таня, что с тобой, что случилось? - совсем растерялся он.

- Ты пойми, Тимур, как мы будем дружить с тобой, мы такие разные, что люди могут подумать о нас, ты совсем не замечаешь, что творится вокруг тебя.

- Раньше ты так не говорила, значит, ты все врала?

- Нет, Тимур, раньше мы были детьми, а сейчас мы уже взрослые.

- Я не поеду в город, я хочу остаться с тобой, - Тимур хотел обнять ее, но в этот миг она оттолкнула его и побежала прочь.

Тимур шел домой, глубоко потрясенный случившимся, и долго не мог ни о чем другом думать.

Столько сильных ощущений за то короткое время, что он прожил в городе, совершенно обессилили Тимура. Перед ним возникли такие вопросы, о существовании которых он раньше и не подозревал:

С КЕМ ДРУЖИТЬ? К КАКОЙ КОМПАНИИ ПРИМКНУТЬ?

КАК ОТНОСИТЬСЯ К ДРУЗЬЯМ ТУВИНЦАМ, РУССКИМ?

КАК ОТНОСИТЬСЯ К ДЕВУШКАМ ТУВИНСКИМ, РУССКИМ?

КОМУ ПОДРАЖАТЬ?! КАК ЖИТЬ ДАЛЬШЕ? КУДА ИДТИ?
С КЕМ? КОНЕЧНАЯ ЦЕЛЬ ЖИЗНИ?!

КТО ВИНОВАТ В ТОМ, ЧТО ОН, ТУВИНЕЦ, НА ЗЕМЛЕ СВОИХ ПРЕДКОВ СТАЛ ЧУЖИМ, НЕНУЖНЫМ?!

Тимур познакомился еще с одной девушкой. Аяна росла в городе и потому отлично владела двумя языками, прекрасно вела себя в любой компании. "Да, она хороша собой, независимо, с такой не пропадешь!" - часто думал он и был очень счастлив в такие минуты. Однажды он пригласил ее на день рождения друга. В этот день в общежитии были танцы. Во время танцев возникла групповая драка, и вечер был испорчен, все стали расходиться. Тимур со своей компанией, где были русскоязычные его земляки и несколько русских парней, поднялись на свой этаж и увидели возле своей комнаты, как трое зажали в угол одного парня и били бедняжку кулаками и ногами. Тот уверенно защищался и, неожиданно увернувшись, нанес резкий удар стоящему слева, тот пошатнулся и у него из носа хлынула кровь.

Тимур и его друзья растерялись и стояли как вкопанные. Первой кинулась Аяна. Она схватила за шиворот первого попавшего, вце-

пилась в него, потянула на себя и оттолкнула в сторону. Когда эти трое опомнились, она уже стояла перед ними, заслонив того парня, и кричала на весь коридор:

- Что вы делаете? Как вам не стыдно? А ну, дергайте отсюда!

Парни быстро исчезли в темном лестничном проеме. А тот ушел в умывальник.

Тимур увидел горькое разочарование в глазах Аяны, и этого было достаточно, чтобы понять, какую непоправимую ошибку он совершил.

Тимур, проводив Аяну до дома, возвращался по ночному городу. На улице не было ни одной души. Вдруг впереди показались людские силуэты, навстречу ему шла небольшая группа. Это были молодые парни. Их было пятеро. Тимур инстинктивно свернул в сторону и спрятался в темном углублении забора. Он был до того взволнован и напуган, что едва держался на ногах. Он вспомнил недавнее ночное происшествие, свидетелем которого был и он сам. Прямо перед его окном убили парня за то, что он не знал своего родного языка. Толпа парней, мирно переговариваясь, прошла мимо него и скрылась в темноте. Когда шаги удалились, Тимур выбрался из своего прикрытия и побежал в сторону общежития, не разбирая дороги, через парк и темные аллеи. Ему казалось, что кто-то за ним бежит... Пробежав между домами один квартал, он увидел знакомый ему подъезд и очутился на пятом этаже...

Его встретил зять. Он провел его в кухню, а сестра, подогрев, налила ему кофе. И у Тимура чувство жуткого страха сразу исчезло, и его охватила невыразимая радость, и все стало так легко. Он знал, что Ай-Суу - его родная сестра и зять добрый, потому и рассказал им все, что случилось с ним, все, что накопилось у него в душе за последнее время.

- Ты должен изучать язык, - снова начал зять.

- Чтобы меня приняли за своего, да? Чтобы меня не убили, вы этого хотите? - обиделся Тимур. Он думал, что зять наговорит ему всяких неприятностей.

- Да нет, ты опять за свое. Я не об этом. Ты уже должен понять, в каком ты положении. Я не сержусь на тебя. Мне просто жалко тебя. Тимур, ты даже не представляешь, что ты потерял, это не объяснишь словами, это надо почувствовать. Я же говорил однажды, жаль, что ты это не принял всерьез. Твоя жизнь впереди, ты должен стоять на земле уверенно, а для этого надо иметь крепкие корни, понимаешь, о чем я tolkую. Я тебе помогу: все, что у меня есть, все, что смогу, я дам тебе, понял. Так что подумай хорошенько и приходи завтра, и мы начнем все сначала, с нуля. А сейчас не бойся, иди в общежитие, в конце концов, ты же мужчина, ты должен бороться, отстаивать свое кровное на этой грешной земле, бороться, бороться и бороться...

Тимур шел уверенно, но сердце его разрывалось, и пока он не переступил порог общежития, он то и дело оборачивался на ходу...

СТИХИ

Евгений Антуфьев

НОЧЬ БЕСПРЕДЕЛА

1

Такие долго не живут.
Их солнце светится багрово.
И разрывает все оковы
Их неожиданный маршрут.

2

Какая странная судьба.
Какая темная округа.
Тень от фонарного столба,
Как от потерянного друга.

Глухая ночь. Белеет снег.
И за окном собака, слуру,
Столба обляяла фигуру,
Решив, что это человек.

3

Душе хотелось света и тепла.
И целый век она себе лгала:
Что нет тепла. И света нет во мгле.
И что любовь не вечна на земле.

Но вот сошла всерьез на землю тьма.
Пришлось душе всерьез сойти с ума.

От любви твоей, словно от фальши,
Ухожу я все дальше и дальше.
И теперь хоть зови не зови,
Есть второе дыханье в крови.

Мы в расчете с тобою, милая,
Мы в законном с тобой расчете.
Стала ты для меня постылая,
Как и я стал постылым вроде.

И нелепо само сомнение,
Если все решено там - выше.
Все законно. Лишь дождь осенний
Монотонно стучит по крыше.

Тихо в комнату вечер струится.
За рекой догорает закат.
Но я знаю, что все повторится,
И ты снова вернешься назад.

Снова будет июль на излете.
И еще далеко до весны.
Ты вернешься, я верю, в расчете,
Что сбываются все-таки сны.

Я ошибся в датах и в тебе.
И готов признать свою вину.
И тот срок, отпущенный судьбе,
Я, наверно, в зоне протяну.

В этой зоне дни летят назад.
И вперед летит за годом год.
В этой зоне срок мне не скостят.
В этой зоне все наоборот.

В этой зоне ты бежишь ко мне,
Раздвигая заросли ветвей.

В этой зоне лодка в тишине
Отойдет, качнувшись, от камней.

В этой зоне острый край бортов.
В синий цвет покрашена дюраль.
В этой зоне в сети рыбаков
Заплывет залетная печаль.

Дай вам бог и зону и вину.
И ошибку в данных и в судьбе.
В этой зоне я свой срок тяну,
Чтобы вечно помнить о тебе.

8

А я забыл тебя, как сон.
Ты улетела за три моря.
Как птица счастья или горя
В пучину канула времен.

Но каждый раз, когда я спал,
В окно ночное ты влетала.
И на рассвете исчезала.
И я опять все забывал.

И пил с усмешкою вино,
Хотя душа тревожно ныла.
И солнце яркое светило
В мое раскрытое окно.

"НОН - ОБЛОМ"

Публикуем подборку текстов песен популярной в Кызыле рок-группы "Нон-Облом". Их авторы: Михаил Скрипальщик /бас-гитара, вокал/ и Александр Медведев /соло-гитара/ молоды и симпатичны в своей неутомимой жажде творческого поиска.

Александр Медведев

НЕПРОЩЕННЫЙ

Там, где небо спиной лежит на горах,
Да деревья сплетают кроны ветвей,
Боги силу забыли в наших руках.
И шаман там камлает под тяжестью дней.

А было вначале черное слово,
Ночью распяли, а утром отпели.
Все знают, в жизни это не ново:
К мертвому телу душа прикипела.

И зрачки растеклись по бескрайним глазницам.
И в доме открыли двери несмело.
И медью засыпали щедро ресницы,
А в полдень на улицу вынесли тело.

Ослепнул от солнца кусок черной крыши.
Земля застонала под тяжестью гроба.
Еще один камень забросили выше,
С красивою надписью: "Первая проба".

Он непрощенный...
Подлые взгляды завистников слева.
Гордые лица и слабость шамана.
Отец перед камнем встал на колени,
Сомкнулись над матерью зубы капканы.

Под черною шалью рожден седой волос.
Под маскою горя - образы боли.
В оглохших ушах прозвучал мертвый голос: -
Я молодой отпустите на волю.

Он непрощенный ...

ВЫРОДОК

Я родился с грехами предков,
Как и все - вперед головой.
И первый мой крик стал предвестником смерти,
Черным знаком для тех, кто живой.

Еще одно имя, еще одно место,
Словно на коже новый лишай.
В бессильные звуки бесплодного жеста,
Вселилась душа, неровно дыша.

Да, на левой ладони нет линии жизни.
И в мутных глазах заиграли гроши.
Предчувствие снов, что грядут катаклизмы.
За пазухой, словно изнанка души.

Немой не расскажет.

Глухой не услышит,
Как сзади накроет черная тень.
И в пропасть шагнешь ты с собственной крыши,
Если настигнет завтрашний день.

Михаил Скрипальщиков

ТЫ НЕ КАК ВСЕ

Ты не как все. Ты стоишь на ногах.
Я на коленях на теплом песке.
Ты не как все. Твоя сила в мозгах.
Мое тело подобно слабой руке.

Ты не как все. Ты жарче огня.
Я не способен крепко любить.
Считаю шаги от себя до тебя,
И не знаю как поступить.

Ты не как все. Ты меня понимал.
Я же в твое смеялся лицо.
Ты никогда не уставал,
Я же считал себя лучшим творцом.

Ты не как все. Ты можешь искать.
Я, запинаясь, шагаю домой.
Ты не как все. Ты способен создать.
Последнее слово всегда за тобой.

Ты не как все. Ты мой свет за спиной.
Белый квадрат с черной каймой.

ЭПИГРАММЫ

Вячеслав Хопров

О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ

Во имя общего прогресса,
Под колпаком должна быть прессы.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

Кого угодно не спроси,
Доволен каждый этой акцией.
Теперь нет пьянки на Руси,
Она зовется презентацией.

ЭРУДИТ

Когда-то эрудицией блестая,
Запоем день и ночь читая.
Теперь ничем он не блестает,
Запоем пьет, а не читает.

ГДЕ СПРАВЕДЛИВОСТЬ?

Моральный облик?
Чепуха.
В колеса только ставит палки.
Ведь почему-то петуха
Не обвиняют в аморалке.

САМЫЙ ЧЕСТНЫЙ

Когда боитесь вы греха
Когда жена в измене обвиняет.
В пример ей ставьте петуха,
Тот никогда не изменяет.

ДИПЛОМАТ

Он был отличным дипломатом
И все решал единым ... матом.

ТОСКА

От чего я так тоскую ?
Повод веский для тревог.
Вдруг на лысину мужскую
Президент введет налог.

ГОРЕ БЕЗ УМА

Мы знаем: рождается истина в споре,
О том нам вещают большие тома.
В его лице пришло к нам горе,
Но далеко не от ума.

ЧЕГО НЕ ХВАТАЕТ?

Меняет редко, не спеша
Мужей и местожительство.
Ей не нужна ничья душа,
А нужен ... член правительства.

ИМИДЖ

В этом хаосе и мраке
Не теряйте имидж свой.
Оставайтесь в год собаки
Вы по-прежнему свиньей.

ОДНОЙ ДАМЕ

Не знает лесть ее границ,
Мила к одним, к другим ехидна,
У ней так много разных лиц,
Что своего лица не видно.

ЛЮБОВЬ

Люблю! И в этом нет сомненья,
Прощу, однако, извинить.
В любое чудное мгновенье
Тебе могу я изменить.

ЦЕНА ЛЮБВИ

Она была к нему строга,
От всех невзгод оберегала,
Ценила в нем одни рога,
Все остальное отвергала.

МУЖЕСТВО

Чтоб хама привести к порядку,
Раньше мужчины бросали перчатку.
Теперь же, и это не ставят в вину,
Бросают - Увы! - не перчатку, жену.

ЕЛЕНЕ ТУТАЧКОВОЙ

Для нее любовь не мука
И тоска ее не гложет:
Она из собственного лука
Пронзить любое сердце может.

М.Б.КЕНИН-ЛОПСАНУ

Художник слова по натуре,
У нас таких пока что нет.
Гроссмейстер он в литературе,
А в шахматах - поэт!

Н.П.ШИШИГИНУ

Сильнейший шахматист Тувы,
Судья высокой категории,
Сейчас он перешел - увы!
От практики к теории.

ОТ ТРЕХ ДО ШЕСТИ

Костя Костюков (в 3 года).

Сестра, которая намного старше его, прицепила ему значок "40 лет советской Туве" и сказала:

- Вот теперь будешь героем!
- Нет, я буду аратом!

В 4 года.

- Мама, алкоголики что ли голые?

В 5 лет.

- Я знаю, почему губы называются губами.

- Почему?

- А потому что они все губят!

Собираемся на улицу. Надеваю ему куртку, отстегнув меховую подстежку.

- А гдемякоть?

- Когда я был маленьким, я думал, что миллион это кругленькая фитюлечка с вытянутым носом.

Саяя Мерген (в 4 года).

Гуляет с дедом в парке и подходит к памятнику:

- Деде, кто это?

- Это Горький.

- А-а. А кто его кушал?

Миша Ортман (в 3 года).

- Мама, ты все умеешь?

- Наверное, да.

- Тогда скорее сними мне шкуру, мне жарко!

- Знаешь, я сегодня так гонял пацанов, уж так гонял, что они меня догнать не смогли!

Катя Мартынова (в 6 лет).

- Все, аккумулятор сел, - сказал папа.

- А когда он встанет, мы поедем?

- Марина, смотри, у тети брюки худее твоих.

Наташа Норбу (в 6 лет).

- Ты что икаешь? - спрашивает мама.

- Живот наелся.

Маша Антипина (в 2 года 7 месяцев).

По радио мужчина поет песню.

- Интересно, кто же это поет?

- Жириновский, - спокойно отвечает Маша, - Не знаете что ли?

Денис Старчиков (в 4 года).

После просмотра сериала "Цыган".

- Мама, когда я вырасту, я обязательно буду Будулаем.

Настя Раздобреева (в 3 года).

Бабушка:

- Дяди, тети, мальчики, девочки - это люди.

На вопрос:

- А брата возьмешь с собой играть? (брату 5 месяцев).

Отвечает:

- Нет. Не возьму. Он нелюдь.

Айдаш Иргит (в 2 года).

Увидел на голове у мамы меховую шапку, радостно улыбнулся и позвал:

- Кис-кис.

Катя Карамашева (в 4 года).

По телевизору показывают фигурное катание.

- Мама, мама, мамочка, иди скорее - здесь одинокие мужчины катаются.

Инна Байыр-оол (в 3 года).

Приходит из садика возбужденная. Рассказывает новость:

- А у нас Аркаша умеет делать колесо!
- А как же он такой маленький научился?
- Да у него же голова круглая, вот он и умеет.

Женя Антуфьев (в 6 лет).

- Во что вы в садике играете?

- В Хасбулатова.

- А как это?

- Бегаем и кричим: "Хасбулатов! Хасбулатов!" А он кого поймет, того щекочет.

- А кто же у вас Хасбулатов?

- Максим Тунев.

- А почему он?

- Он самый умный.

- Кто же придумал эту игру?

- Гая Пинясова.

- И часто вы в нее играете?

- Нет. Теперь почти не играем. Потому что многие страдают. Гая и пострадала. Убегала от Хасбулатова и упала. Рукой прямо на лед. Чуть заражение крови не было...

Алеша Зыков (в 3 года).

- Мальчики, пойдемте Наташку поцелуем, и она сразу забеременеет!

Увидел портрет Ленина:

- Мама, смотри, дедушка Олень.

Гуля Ормокеева (в 5 лет).

- А царев почему убили? Они так красиво жили! Надо, чтобы все так жили!

КУЛЬТУРА

Владимир Монгуш

СОКРОВИЩНИЦА ТУВИНСКОГО НАРОДА

В 1925 году группой любителей краеведения по инициативе консультатива СССР в Туве был организован кружок "Урянховедение". Кружковцами собирались различные материалы и коллекции будущего музея. В научном отчете первой советской антропологической и этнографической экспедиции отмечено, что в 1926 году в Правительстве ТНР шел разговор о создании Тувинского государственного музея. Правительство ТНР обратилось в самые различные организации и учреждения СССР с просьбой оказать помощь в укомплектовании его экспонатами. Первоначально музей имел всего лишь два отдела: природы и истории. Первыми экспонатами были фотографии и коллекции, собранные местными краеведами, а также утварь из хурээ и предметы конфискованные у бывших нойонов. В августе 1930 года музей был открыт для посетителей.

26 февраля 1942 года музей официально был назван Тувинским государственным музеем, а 26 марта того же года Президиум Малого Хурала Тувинской Народной Республики принял Указ "О присвоении Тувинскому Государственному музею имени Алдан-Маадыра".

В настоящее время в музее работают отделы: природы, древней истории /археологии и этнографии/, истории республики Тыва, религии /шаманизма и ламаизма/, а также функционируют научная библиотека, фотолаборатория и оформительская мастерская.

До 1945 года музей не имел своего постоянного помещения, размещался в различных неприспособленных деревянных зданиях го-

рода. И только в 1946 году под музей было выделено одноэтажное здание по улице Ленина, но, к сожалению, опять деревянное.

В экспозиционных залах музея в настоящее время экспонируются лишь 8% собранных экспонатов, а 92% уникальных и редких экспонатов до сих пор хранятся в чердачном и подвальном помещении, вопреки всем инструкциям хранения музейных предметов.

В фондах музея есть уникальные, редкие и бесценные, археологические и этнографические предметы, коллекции и материалы по истории и культуре тувинцев. Уникальные экспонаты музея побывали на международных выставках в Японии, Дюссельдорфе, Хельсинки, Швеции, Вашингтоне, Улан-Баторе и Улан-Гоме. А также в Москве, Ленинграде, Усть-Каменогорске, Красноярске, Чите, Шушенском, Абакане, Минусинске, Улан-Уде, Южно-Сахалинске и других городах России.

Научно-просветительский отдел, образованный в 1970 году, ежегодно обслуживает более 190 тысяч посетителей музея. Музей имеет одиннадцать филиалов: восемь в кожуунах и три в Кызыле. В 1993 году в Кызыле в Доме художника открыт филиал музея творчества Нади Рушевой - всемирно известной юной художницы.

К великому сожалению, бесценные реликвии материальной и духовной культуры тувинского народа экспонируются на страх и риск в очень старом деревянном здании нашего музея, износ которого составляет 90%.

В 1994 году Тувинский музей посетил Президент России Борис Николаевич Ельцин. Он дал очень высокую оценку камнерезному искусству и в целом национальной традиционной культуре тувинского народа. Борису Николаевичу было рассказано о бедственном положении Тувинского музея, его проблемах и трудностях. Этот рассказ сразу же нашел отклик - обещание выделить средства на строительство нового здания Тувинского музея. Нам выделено 2,5 миллиарда рублей. Покинув стены нашего музея, в книге почетных гостей Борис Николаевич оставил запись: "Прекрасный музей, отличное мастерство древней и современной культуры тувинцев. Молодцы! 16.06.94 г."

Наш коллектив очень благодарен первому Президенту Республики Тыва Шериг-олу Дизижиковичу Ооржаку за то, что он пригласил Б.Н.Ельцина в Туву и предложил посетить музей.

Музей - это ключ к пониманию истории республики, прошлого моего народа, ключ к пониманию национального сознания, ключ к сердцу и душе любого жителя многонационального народа Тулы.

Гости Тулы по приезду в Кызыл в первую очередь посещают музей. Ведь история тувинского народа, начиная с каменного века и заканчивая современностью, отражается именно здесь - в нашем Тувинском музее.

Народному писателю Тувы, замечательному ученому, историку, этнографу и президенту Общества шаманов Тувы Монгушу Борахоевичу Кенин-Лопсану 10 апреля этого года исполнилось 70 лет. Редакция журнала "Улуг-Хем" предлагает вниманию читателей статью о его творчестве и от всей души поздравляет Монгуша Борахоевича с юбилеем.

Александр Даржай

О ТВОРЧЕСТВЕ МОНГУША КЕНИН-ЛОПСАНА

Монгуш Борахоевич Кенин-Лопсан является представителем второго поколения тувинских писателей на долю которых выпало открыть новые пласты в литературе тувинского народа. Если первое поколение тувинских писателей определило традиции новой /письменной/ литературы, то писатели второго поколения, достойно следуя заветам наших аксакалов, довели дело литературы до возмужания.

Еще великий Достоевский говорил, что русские писатели вышли из "Шинели" Гоголя. Эти слова титана мировой литературы можно перефразировать применительно и к тувинским писателям, что они дети мировой, русской литературы и тувинского фольклора.

Тенденцию роста тувинских писателей, отчетливо, можно проследить на примере Монгуша Борахоевича Кенин-Лопсана. Старая тувинская пословица гласит, что добный молодец всегда рождается в седле, что вся его жизнь проходит в седле, поэтому и в отношении моего старшего товарища и учителя можно сказать, что он всегда в пути, его добный конь безустали несет его по просторам родной земли, расширяя ее горизонты.

С именем Монгуша Борахоевича неразрывно связаны основные вехи развития тувинской литературы и культуры. Неслучайно ему еще в те далекие времена было присвоено звание "Заслуженный работник культуры РСФСР и Тувинской АССР". Это, я думаю, говорит о многом, за этим стоит многогранная деятельность Монгуша Борахоевича Кенин-Лопсана.

Есть тувинская пословица: "На ветвистом дереве птицы гнездятся, в добной юрте народ собирается". Юрта арата-скотовода, охотника Монгуша Бора-хоо в народе славилась гостеприимством. Она стояла у подножия перевала Хондергей, через который в давние времена проходил караванный путь, по которому шли волны навьюченные солью, которую добывали араты в горе Дус-Даг, которая граничит с Монголией. И, может быть, юрта отца нашего Монгуша Борахоевича была перевалочным пунктом, где араты останавливались после тяжелого перехода.

Детство Монгуша Кенин-Лопсана прошло в стране сказок, легенд и пречудливых историй. В долгие зимние ночи здесь певали свои

гортанные песни сыгыт, каргыраа, народные певцы. В течение нескольких дней, недель подряд здесь сказывались удивительные богатырские сказки, целые устные повествования, сопровождаемые на национальном музыкальном инструменте-чадаган. Мелодии тувинских народных песен, частушек, прелестнейшая свежесть и мудрость эпоса с детских лет слилась с сознанием Монгуша Кенин-Лопсана. В этом его преимущество перед моим поколением тувинских писателей, потому что наши старейшие писатели дети того сказочного времени. У них, по сравнению с более молодыми писателями, крепче связь с родной землей, ее историей, прошлым. Они много чайников чая испили, много чего видели, они для нас перво-проходцы, они первыми нам указали каким надо путем идти. Поэтому в их произведениях много элементов народной эстетики, тувинского фольклора, народной мудрости.

Поэт, мозаик, историк, этнограф, мифолог - Монгуш Борахоевич Кенин-Лопсан глубоко тувинский, но ему чужда национальная ограниченность, идя от фольклорных мотивов, превращает он в великолепный сплав историческую и современную мудрость своего народа, умножает своим творчеством, исследованиями духовные богатства его.

Если тувинские певцы и сказители, которых в детстве слышал Монгуш Борахоевич, по своей неграмотности не имели возможности читать великие творения Данте, Шекспира, Пушкина, Толстого, то он пошел дальше своих предков, он стал дружить с великими писателями, великими сказочниками, стал их переводить на тувинский язык.

Монгуш Борахоевич первым из тувинских юношей окончил среднюю школу, первым из тувинцев окончил Ленинградский Государственный университет им. Жданова. Город Пушкина, Блоха, город русской славы, город братства стал вторым родным аалом для нашего Монгуша Борахоевича. Здесь он достиг всего. Ленинград стал для него окном света, пути в мир. В мир сегодняшний, в мир во все века прошедшие и грядущие. И поэтому Монгуш Кенин-Лопсан свои сердечные, полные благородности алгыши поэт этому городу, русскому языку, через его живительные соки впитал он в себя достижения человеческой культуры.

Монгуш Борахоевич создал много произведений, будь это стихи, поэмы, рассказы, сказы, повести и романы, они составляют богатство нашего маленького тувинского народа, являются гордостью национальной.

Как все тувинские писатели он свой творческий путь начинал со стихов. Первая его поэтическая книга называется "Большой путь", которая хотя была дебютом молодого поэта, не осталась незамеченной литературной общественности Тувы. Затем последовали книги стихов "Я - сын Октября!", "Маленький учитель", "Мои крылья", "Киноварь", "Голоса".

Стихи и поэмы Монгуша Кенин-Лопсана в современной тувинской поэзии, можно сказать, стоят особняком. В истории развития тувинской поэзии были годы, когда наши поэты писали стихи, хвалебного, риторического тона, говоря об этих безликих стихах, где нет душевности, где нет чувств, страстей, читатели придумали этим стихам нарицательное имя: стихи формы "Да здравствуй".

В стихах Монгуш Кенин-Лопсана нет той формы, они просты, как тувинская песня, могут иной раз показаться слишком простыми и наивными, но в них как раз та свежесть, та мудрость народной поэзии.

На небо на рассвете я взглянул,
Увидел одинокую Венеру,
Задумался и тяжело вздохнул:
Зря прощался с другом я, наверно.

За этим четверостишием не только картина утреннего, рассветного неба. Они вмещают целую жизнь человека. Таких емких стихов у Монгуша Кенин-Лопсана множество, в них человеческая судьба.

В тувинской поэзии, вообще среди тувинских поэтов, Монгуш Кенин-Лопсан выделяется как поэт философского склада, читая стихи в оригинале я учусь у него, для себя подчеркиваю его сильные стороны, где он использует традиции народной поэзии, как бы отталкивается, чтобы перейти на более глубокие поэтические мысли. Традиционный тувинский стих держится на законах синтаксического параллелизма, где состояние природы, явление ее, сравниваются с состоянием человеческой души.

Природа в стихах Монгуша Кенин-Лопсана не выступает вторым планом, а является средством выражения мыслей его лирического героя, который не мыслит себя вне природы. По складу характера и образу жизни тувинец - дитя природы, без изображения природы немыслим и образ человека. К таким стихам можно отнести следующие стихи и поэмы, как "Уроки отца", "Смерть соловья", "Чаш-Тал", "Следы", "Маралье сердце", "Черный журавль", "Чатчи" и другие.

Недаром говорит поэт, обращаясь к речке детства, такие слова:

Нежность и настойчивость
Все от Вас, родимые края!
Подарила песни мне, Чаш-Тал!
Всех страстей моих исток - Чаш-Тал!

или

Юрта, где первый мой смех прозвучал,
Юрта, в которой заплакал впервые
Юрта - исток мой, начало начал,
Юрта, в которой все вещи - живые.

В стихах моего старшего товарища нет ярких, разноцветных красок, они иногда выглядят угловатыми, здесь главенствующую роль играет мысль, а она у него обнаженная. В них элементы устного народного творчества. Он сын большого мастера слова, сын охотника-сказителя. Дерево имеет корни, птица-гнездо, человек-родину. Корни гнезда и родина стихов и поэм Монгуша Кенин-Лопсана - тувинский фольклор, который он знает как свои пять пальцев. Он идет от него, потому что родной фольклор - его легенды, песни, пословицы впитаны им с детства с материнским молоком. В своем предисловии известный ленинградский критик Дмитрий Молдавский к книге Монгуша Борахоевича Кенин-Лопсанова "Небесное зеркало" пишет так: "Необычные стихи тувинского поэта, объединенные в цикле "Эхо алгышей", мастерски перевел Илья Фоняков. Эти стихи, где современное поэтическое видение переплелось со стаинными заговорами и оберегами, со всем тем, изучению чего поэт посвятил годы. И когда мы читаем стихи, мы вспоминаем не только камлания и обряды шаманизма, но и высокую поэзию древних эпосов народов нашей страны, учащих любви и уважению к родине, к природе, к матери"...

Монгуш Кенин-Лопсан в себе несет древнюю культуру тувинцев, но он не заключил себя в рамках прошлого, в его в его стихах нет умиления прошлым, а прошлое через его творчество не выглядит идеалистическим, он показывает каким оно было на самом деле, а прошлое нашего народа не было сладким и безоблачным. Говоря об этом надо вспомнить и о том, что первые произведения письменной литературы Тувы появились в 1935-36 годах.

Монгуш Борахоевич Кенин-Лопсан не только хороший знаток тувинского фольклора и мифологии, он ее исследователь. Он - кандидат исторических наук, диссертацию защитил в стенах родного Ленинградского университета. О его диссертации "Сюжеты и поэтика тувинского шаманизма" писала тогда "Правда". Она названа "Исследование мирового класса".

В нашей литературной критике поэтическое творчество Монгуша Кенин-Лопсанова еще не достаточно оценено, думаю что этот пробел со временем восполнится. Когда-то мы с уважаемым Монгушем Борахоевичем участвовали на представительном собрании работников культуры и искусства, литературы нашей республики, где нас критиковали, что мы во весь голос поем о своих маленьких речках, горах, о своем маленьком народе. Мы не согласились тогда с такой критикой, малые реки, наполняют большие реки, без постижения малой Родины, без любви к малой родине нет любви к большой Отчизне и время показало, что мы оказались правы. Сегодня наши дети очень поверхностно знают историю родного края, села, города, уже не говоря о родном фольклоре, они зато хорошо знают мифы и легенды Древней Эллады и Рима. В этом отношении стихи и поэмы, сказы и легенды Монгуша Кенин-Лопсанова имеют не только исследовательский характер. У нас старики говорят, если человек верит в

прекрасное, обожествляет Прекрасное, он очень чистый человек, он никогда не будет обещать умершему потерянного коня, то есть не будет давать пустых обещаний. В этом отношении поэзия Монгуша Кенин-Лопсана своеобразное чистилище души.

Монгуш Кенин-Лопсан в тувинской литературе известен не только как поэт. Он является одним из ведущих прозаиков нашей республики. Он один из первых тувинских писателей смог освоить в нашей литературе романний жанр. Его первый роман "Стремнина Великой реки" / "Настигающая птицу" - таким названием это произведение вышло в издательстве "Современник" и назван в этом издании "Поэтическая хроника" / первым в тувинской литературе отобразил жизнь тувинских аратов в годы Великой Отечественной войны. В этом романе через образ арата Саадака и его скакуна Сарала прослеживается жизнь аратов-скотоводов. Стремление народа, порыв его чистой души сравнивается с стремниной Великой реки - Улуг-Хемом.

Очень интересен замысел написания романа "Судьба женщины" - роман, который нужно считать одним из поворотных явлений молодой тувинской прозы, по-моему это произведение не только новое в творчестве писателя, а начало качественно нового пути развития тувинского романа. Центр его художественного внимания - становление личности в процессе революционного изменения жизни. В этом пристальном внимании к внутреннему миру человека / жизнь бывшей батрачки, доярки совхоза Кулчы более всего показалось возросшее мастерство не только Монгуша Кенин-Лопсаны, но и всей тувинской литературы. А ведь тувинская проза шла от очерка к рассказу, от автобиографической хроники к повести - это постепенное накопление мастерства позволило тувинским писателям, второго поколения, в том числе Монгушу Кенин-Лопсану показать в своем романе национальный характер в развитии, в движении. Образ Кулча обогатил нашу литературу, Кулча стоит в одном ряду с Тас-Баштыг, Илдирмаа, Чечек, Алдын-Кыс. Она одна из сильно написанных женских образов тувинской литературы.

В семидесятые и первой половине восьмидесятых годов Монгушем Борахоевичем написан роман "Танец козерога" в центре которого образ нашего великого народного мастера-камнереза Монгуша Холасаловича Черзи, родоначальника современных тувинских мастеров малой скульптуры. Ему посвященная еще другая работа "Волшебник" - это чисто исследовательская работа писателя, где он выступает, как эстет, искусствовед.

Большой резонанс получил роман "Юрта табунщика". Где показана жизнь и быт жителей приграничного совхоза, где подняты проблемы коневодства, вопросы защиты и охраны природы. Целые страницы романа звучат как боль и укор старших молодым, что в нашей бурной жизни так легко теряются добрые народные традиции, легкий отход от традиции отцов. Это своеобразный гимн Коню. Если первый роман Кенин-Лопсаны тоже о скакуне, который подарен

бойцу Красной Армии, то этот роман о защите доброго друга-коня. А конь - в такой республике как наша, первый друг и помощник человеку. В этом я думаю есть и немалая заслуга "Юрты табунщика". За "Юртой" последовал роман "Колыбельная бабушки", где прослеживается судьбы героев предыдущего романа...

"На ветвистом дереве птицы гнездятся, в добром юрте народ собирается" - гласит тувинская мудрость. Я благодарю судьбу, которая свела меня с Монгушем Борахоевичем Кенин-Лопсаном, который вывел меня, как зеленого, тощего теленка, на весеннюю лужайку литературы. И в этот юбилейный для него год желаю новых творческих успехов. Спасибо тебе, Учитель!

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

В этом разделе нам бы хотелось познакомить читателей с выдающимся аргентинским писателем Хосе Луисом Борхесом (1899-1986).

Творчество Борхеса - это увлекательная игра в литературу и философию. В сущности Борхес совершил невозможное - создал мировую культуру в миниатюре. Предлагаем Вашему вниманию две его новеллы.

РОЗА ПАРАЦЕЛЬСА

В лаборатории, расположенной в двух подвальных комнатах, Парацельс молил своего Бога, Бога вообще, Бога все равно какого, чтобы тот послал ему ученика. Смеркалось. Тусклый огонь камина отбрасывал смутные тени. Сил, чтобы подняться и зажечь железный светильник не было. Парацельса сморила усталость и он забыл о своей мольбе. Ночь уже стерла очертания запыленных колб и сосуда для перегонки, когда в дверь постучали. Полусонный хозяин встал, поднялся по высокой винтовой лестнице и отворил одну из створок. В дом вошел незнакомец. Он тоже был очень уставший. Парацельс указал ему на скамью; вошедший сел и стал ждать. Некоторое время они молчали.

Первым заговорил учитель.

- Мне знаком и восточный, и западный тип лица, - не без гордости сказал он. - Но твой мне не известен. Кто ты и чего ждешь от меня ?

- Мое имя не имеет значения, - ответил вошедший. - Три дня и три ночи я был в пути, прежде чем достиг твоего дома. Я хочу быть твоим учеником. Я взял с собой все, что у меня есть.

Он снял торбу и вытряхнул её над столом. Монеты были золотые, и их было много. Он сделал это правой рукой. Парацельс отошел, чтобы зажечь светильник. Вернувшись, он увидел, что в левой руке вошедшего была роза. Роза его взволновала.

Он сел поудобнее, скрестил кончики пальцев и произнес:

- Ты надеешься, что я смогу создать камень, способный превращать в золото все природные элементы, и предлагаешь мне золото. Но я ищу не золото, ты никогда не будешь моим учеником.

- Золото меня не интересует, - ответил вошедший. - Эти монеты всего лишь доказательство моей готовности работать. Я хочу, чтобы ты обучил меня Науке. Я хочу рядом с тобой пройти путь, ведущий к Камню.

Парацельс медленно промолвил:

- Путь - это и есть Камень. Место, откуда идешь, - это и есть Камень. Если ты не понимаешь этих слов, то ты ничего пока не понимаешь. Каждый шаг является целью.

Вошедший смотрел на него с недоверием. Он отчетливо произнес:

- Значит, цель все-таки есть?

Парацельс засмеялся.

- Мои хулители, столь же многочисленны, сколь и недалекие, уверяют, что нет, и называют меня лжецом. У меня на этот счет иное мнение, однако допускаю, что я и в самом деле обольщаю себя иллюзиями. Мне известно лишь, что есть Дорога.

Наступила тишина, затем вошедший сказал:

- Я готов пройти ее вместе с тобой; если понадобится - положить на это годы. Позволь мне одолеть пустыню. Позволь мне хотя бы издали увидеть обетованную землю, если даже мне не сужено на нее ступить. Но прежде чем отправится в путь, дай мне одно доказательство своего мастерства.

- Когда? - с тревогой произнес Парацельс.

- Немедленно, - неожиданно произнес ученик.

Вначале они говорили по латыни, теперь по-немецки.

Юноша поднял перед собой розу.

- Говорят, что ты можешь, вооружившись своей наукой, сжечь розу и затем возродить ее из пепла. Позволь мне быть свидетелем этого чуда. Вот о чем я тебя прошу, и я отдам тебе мою жизнь без остатка.

- Ты слишком доверчив, - сказал учитель. - Я не нуждаюсь в доверчивости. Мне нужна вера.

Вошедший стоял на своем.

- Именно потому, что я недоверчив, я и хочу увидеть воочию исчезновение и возвращение розы к жизни.

Парацельс взял ее и, разговаривая, играл ею.

- Ты слишком доверчив, - повторил он. - Ты утверждаешь, что я могу ее уничтожить?

- Каждый может ее уничтожить, - сказал ученик.

- Ты заблуждаешься. Неужели ты думаешь, что возможен возврат к небытию? Неужели ты думаешь, что Адам в Раю мог уничтожить хотя бы один цветок, хотя бы одну былинку?

- Мы не в Раю, - настойчиво повторил юноша, - здесь, под луной, все смерто.

Парацельс встал.

- А где же мы тогда? Неужели ты думаешь, что Всевышний мог создать что-то, помимо Рая? Понимаешь ли ты, что Грехопадение - это неспособность осознать, что мы в Раю?

- Роза может умереть, - упорствовал ученик.

- Однако в камине останется огонь, - сказал Парацельс.

- Стоит тебе бросить розу в пламя, как ты убедишься, что она изчезнет, а пепел будет настоящим.

- Я повторяю, что роза бессмертна и что только облик ее меняется. Одного моего слова хватило бы чтобы ты ее вновь увидел.

- Одного слова? - с недоверием сказал ученик. - Сосуд для перегонки стоит без дела, а колбы покрыты слоем пыли. Как же ты вернул бы ее к жизни?

Парацельс взглянул на него с сожалением.

- Сосуд для перегонки стоит без дела, - повторил он, - и колбы покрыты слоем пыли. Чем я только не пользовался на моем долгом веку; сейчас я обхожусь без них.

- Чем ты пользуешься сейчас? - с напускным смирением спросил вошедший.

- Тем же, чем пользовался Всевышний, создавший небеса, и землю, и невидимый Рай, в котором мы обитаем и который скрыт от нас первородным грехом. Я имею в виду слово, познать которое помогает нам Каббала.

Ученик сказал с полным безразличием.

- Я прошу, чтобы ты продемонстрировал мне исчезновение и появление розы. К чему ты при этом прибегнешь - к сосуду для перегонки или к Слову, - для меня не имеет значения.

Парацельс задумался. Затем сказал:

- Если бы я это сделал, ты мог бы сказать, что все увиденное всего лишь обман зрения. Чудо не принесет тебе искомой веры. Поэтому положи розу.

Юноша смотрел на него с недоверием. Тогда учитель, повысив голос сказал:

- А кто дал тебе право входить в дом учителя и требовать чуда? Чем ты заслужил подобную милость?

Вошедший, охваченный волнением, произнес:

- Я сознаю свое нынешнее ничтожество. Я заклинаю тебя во имя долгих лет моего будущего послушничества у тебя позволить мне

лицезреть пепел, а затем розу. Я ни о чем больше не прошу тебя. Увиденное собственными глазами и будет для меня доказательством.

Резким движением он схватил алую розу, оставленную Парацельсом на пюпитре, и швырнул ее в огонь. Цвет истаял и осталась горсточка пепла. Некоторое время он ждал слов и чуда.

Парацельс был невозмутим. Он сказал с неожиданной прямотой:

- Все врачи и аптекари Базеля считают меня шарлатаном. Как видно, они правы. Вот пепел, который был розой и который ею больше не будет.

Юноше стало стыдно. Парацельс был лгуном или фантазером, а он, ворвавшись к нему, требовал, чтобы тот признал бессилие всей своей колдовской науки.

Он преклонил колени и сказал:

- Я совершил проступок. Мне не хватило веры, без которой для Господа нет благочестия. Так пусть же глаза мои видят пепел. Я вернусь, когда мой дух окрепнет, стану твоим учеником, и в конце пути увижу розу.

Он говорил это с неподдельным чувством, однако это чувство было вызвано состраданием к старому учителю, столь необыкновенному и поэтому столь ничтожному. Как смеет он, Иоган Гризбах, срывать своей нечестивой рукой маску, которая прикрывает пустоту?

Оставленные золотые монеты были бы милостыней. Уходя, он взял их. Парацельс проводил его до лестницы и сказал ему, что в этом доме он всегда будет желанным гостем. Оба прекрасно понимали, что встретиться им больше не придется.

Парацельс остался один. Прежде чем погасить светильник и удобно расположиться в кресле, он встряхнул щепотку пепла в горсти, тихо произнес Слово. И возникла роза.

ЗЛОДЕЙКА

Говорят /хотя слухам и трудно верить/, что история эта была рассказана самим Эдуардо, младшим Нильсеном, во время бдения у гроба Кристиана, старшего брата, умершего естественной смертью в тысяча восемьсот девяносто каком-то году, в округе Морон. Но точно известно, что кто-то слышал ее от кого-то той долго не уходившей ночью, которую коротали за горьким мате, и передал Сантьяго Дабове, а он мне ее и поведал. Многие годы спустя я снова слышал ее в Турдере, там, где она приключилась. Вторая версия, несколько более подробная, в целом соответствовала рассказу Сантьяго - с некоторыми вариациями и отступлениями, что является делом обычным. Я тоже пишу эту историю теперь потому, что в ней как в зеркале видится, если не ошибаюсь, трагическая и ясная суть характера прежних жителей столичных окрестностей. Постараюсь точно пере-

дать, хотя уже чувствую, что поддамся литературным соблазнам подчеркивать или расписывать ненужные частности.

В Турдере их называли Нильсены. Приходской священник сказал мне, что его предшественник был удивлен, увидев в доме этих людей, потрепанную Библию в черном переплете с готическим шрифтом; на последних страницах он заметил помеченные от руки даты и имена. Это была единственная книга в доме. Беспорядочная хроника Нильсенов, сгнившая, как сгниет все. Дом, уже не существующий, был глиnobитный, с двумя патио: главным, вымощенным красной плиткой, и вторым - с земляным полом. Впрочем, мало кто там бывал. Нильсены охраняли свое одиночество. Сидели в скромно обставленных комнатах на деревянных кроватях. Их отрадой были конь, сбруя, нож с коротким клинком, буйные гульбища по субботам и веселящее душу спиртное. Знаю, что они были высоки, с рыжими гравами. Дания или Ирландия, о которых они, пожалуй, не слышали, была в крови этих двух креолов. Округа боялась Рыжих, возможно, они убили кого-то. Однажды братья плечом к плечу дрались с полицией. Говорят, младший как-то столкнулся с Хуаном Йберрой и сумел постоять за себя, что, по мнению людей бывалых, многое значит. Были они и погонщиками, и шкуры дубили, и скот забивали, а порой и стада клеймили. Знали цену деньгам, только на крепкие напитки и в играх они не скучились. Об их сородичах никто не слыхивал, и никто не знал, откуда они явились. У них была упряжка быков и повозка.

Обликом своим они отличались от коренных обитателей пригорода, некогда давших этому месту дерзкое имя Баламутный берег. Это и еще то, чего мы не ведаем, объясняет крепкую дружбу двух братьев. Повздорить с одним означало сделать обоих своими врагами.

Нильсены были гуляки, но их любовные похождения пока ограничивались чужой подворотней или публичным домом. Поэтому было немало толков, когда Кристиан привел к себе в дом Хулиану Бургос. Он, конечно, обзавелся служанкой, но правда и то, что дарил ей красивые побрякушки и брал с собой на гулянья. На скромные гулянья соседей, где отбивать чужих девушки не было принято, а в танцах еще находили великую радость. У Хулианы были миндалевые глаза и смуглая кожа; достаточно было взглянуть на нее, как она улыбалась в ответ. В бедном квартале, где труд и заботы иссушали женщин, она выглядела привлекательной.

Эдуардо вначале всходу бывал вместе с ними. Потом вдруг отправился в Арресифес - не знаю зачем - привез, подобрав по пути, какую-то девушку, но через некоторое время выгнал ее. Он стал более угрюм, пил один в альмасене, всех избегал. Он влюбился в женщину Кристиана. Квартал, узнавший об этом, наверное, раньше его самого, ждал со злорадством, чем закончится тайное соперничество братьев.

Как-то вернувшись поздно ночью из питейного заведения, Эдуардо увидел гнедую лошадь Кристиана, привязанную к столбу под

навесом. Старший брат ждал его в патио, одетый по-праздничному. Женщина вышла и вернулась с мате в руках. Кристиан сказал Эдуардо:

- Я еду один на пирушку к Фарису. Хулиана останется. Если захочешь, пользуйся.

Голос звучал властно и добро. Эдуардо застыл на месте, глядя в упор на брата, не зная, что делать. Кристиан встал, простился с Эдуардо, даже не взглянув на Хулиану - она была вещью, - сел на лошадь и удалился неспешным галопом.

С этой самой ночи они ее делили. Никто толком не знал, как протекала их жизнь в этом постыдном союзе, нарушавшем благопристойный быт пригорода. Все шло гладко недели три, но долго так не могло продолжаться. Братья не произносили имени Хулианы, даже окликая ее, но искали - и находили - поводы для размолвок. Если шел спор о продаже каких-то шкур, спор был совсем не о шкурах. Кристиан всегда повышал голос, а Эдуардо отмалчивался. Волей-неволей они ревновали друг друга. Жестокие нравы предместьй не позволяли мужчине признаться, даже самому, что женщина может вызвать что-то иное, чем просто желание обладать ею, а они оба влюбились.

Как-то вечером на площади Ломас Эдуардо встретил Хуана Иберру, и тот поздравил его с красоткой, которую ему удалось отбить. Думаю, что именно тогда Эдуардо его и отделал. Никто при нем не мог насмехаться над Кристианом.

Женщина служила обоим с животной покорностью, но не могла скрыть того, что отдает предпочтение младшему, который не отверг своей доли, но не первый завел этот порядок в доме.

Однажды Хулиане велели поставить два стула в главном патио и не появляться там - братьям надо было поговорить. Она долго ждала конца разговора и прилегла отдохнуть на время систы, но ее скоро окликнули. И приказали сложить в мешок все ее вещи, даже стеклянные четки и крестик, оставленный матерью. Без всяких объяснений ее усадили в повозку и отправились в путь, безмолвный и тягостный. Дождь испортил дорогу, и только к пяти утра они добрались до Морона. Там они продали ее хозяйке публичного дома. Сделку заключили на месте, Кристиан взял деньги и половину отдал младшему брату.

В Турдере Нильсены, выбравшись наконец из трясины любви /становившейся их погибелью/, пожелали вернуться к своей прежней жизни мужчин в окружении мужчин. И снова принялись за драки, попойки и ссоры. Может быть, иной раз они и верили в свое спасение, но нередко бывали - каждый по своим делам в неоправданных или вполне оправданных отлучках. Незадолго до Нового года младший сказал, что ему надо в Буэнос-Айрес. А Кристиан отправился в Морон, и под навесом достопамятного дома увидел солового коня Эдуардо. Вошел. Там сидел младший брат, ожидая очереди. Видимо Кристиан сказал ему: - Если так будет впредь, мы загоним

коней. Лучше пусть она будет у нас под рукой. Поговорив с хозяйкой, вытащил из-за пояса деньги, и братья забрали ее с собой. Хулиана поехала с Кристианом. Эдуардо пришипил солового, чтобы на них не смотреть. Все вернулись к тому, о чем уже говорилось. Мерзкое решение проблемы не послужило выходом, оба унизились до взаимного обмана. Каин бродил совсем рядом, но привязанность братьев Нильсен друг к другу была велика - кто знает, какие трудности и опасности они одолели вместе! - и отныне оба предпочитали вымещать свою злость на других. На чужих, на собаках, на Хулиане, внесшей разлад. Месяц март шел к концу, но жара не спадала. В воскресенье /по воскресеньям люди рано расходятся по домам/ Эдуардо, вернувшись из альмасена, увидел, что Кристиан запрягает быков. Кристиан сказал ему: - Подойди-ка сюда. Надо отвезти несколько шкур для Пардо. Я уже нагружил. Ехать легче в прохладное время. Торговый склад Пардо, мне кажется, был дальше к Югу. Они ехали по дороге Лас-Тропас, а потом взяли в сторону. К ночи степь все шире распластывалась перед ними. Они ехали мимо болота с осокой. Кристиан бросил тлеющую сигарету и спокойно сказал: - Теперь за работу, брат. Нам потом помогут стервятники. Я сегодня ее убил. Пусть она остается здесь со своими вещами. Больше вреда от нее не будет. И они обнялись, чуть не плача. Теперь их связывала еще одна нить: женщина с болью принесенная в жертву, и необходимость забыть ее.

СОДЕРЖАНИЕ

БЕНЕФИС

Интервью с Эдуардом Мижитом. Евгений Антуфьев	3
Эдуард Мижит. Стихи: Сновидения. Пещера. Выбор. Знаки. Стремление к одиночеству. "И вот оно...". "Одиноко брошу...". "Подхватив кучу желтых листьев...". "Всю жизнь я, как рыба...". "Неужели мне так суждено...". "Мысли моих сумрачных строй..."	13
Эдуард Мижит. Проза: Лики ночи. Новелла. Дом. Приглашение в лабиринт....	17

ПОЭТЫ РОСИИ

Юрий Кузнецов. "Рожденный в феврале под Водолеем...". Отцу. Сталинградская хроника. Оборона. Русская бабка. Тегеранские сны. Маркианты. Знамя с Куликова. Заклятие в горах. Храм свиней.	39
---	----

ПРОЗА

Николай Доронин. Свидетели прошлого.....	54
Валерий Тодышев. "А в "Голубом Дунае" зимой подавали подогретое пиво".....	78
Маадыр-оол Ховалыг. Яшка.....	79
Михаил Дуюнгар. Проклятие священной Бай-Тайги. Перевод Чочагара Монгуша	82
Игорь Иргит. Исповедь друга или переживания полоумного Хунанбая. Перевод Чочагара Монгуша.....	84
Чочагар Монгуш. Страдания молодого Тимура.....	89

СТИХИ

Евгений Антуфьев. Ночь беспредела. "Такие долго не живут...". "Какая странная судьба...". "Душе хотелось света и тепла...". "От любви твоей...". "Мы в расчете с тобою...". "Тихо в комнату...". "Я ошибся в датах и в тебе...". "А я забыл тебя, как сон..."	93
---	----

НОН-ОБЛОМ

Александр Медведев. Непрощенный. Выродок.....	95
Михаил Скрипанищев. Ты не как все.....	97

ЭПИГРАММЫ

Вячеслав Хопров. О свободе печати. Презентация. Эрудит. Где справедливость? Самый честный. Госка. Горе без ума. Чего не хватает? Имидж. Одной даме. Любовь. Цена любви. Мужество. Е. Тутатчиковой. М. Кенин-Лопсану. Н. Шишигину.....	98
---	----

ГОВОРЯТ ДЕТИ

- От трех до шести 101

КУЛЬТУРА

- Владимир Монгуш. Сокровищница тувинского народа 104
Александр Дархай. О творчестве Монгуш Кенин-Лопсана 106

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

- Хосе Борхес. Роза Парасельса. Злодейка 111

ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ

УЛУГ-ХЕМ , № 4

1995 год

**Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал Союза писателей Тувы.**

**Редактор выпуска Е.В.Антуфьев.
Обложка художника В.У.Донгака.
Компьютерный набор И.А.Ершова.**

**Сдано в набор 20.04.95. Подписано к печати 5.05.95. Формат 60x84 1/16.
Бумага типографская N 2. Офсетная печать. Пл. 7,5. Усл. печ. л. 6,98.
Уч.-изд. л. 8,63. Тираж 1000 экз. Заказ N 1121.**

Редакция журнала "Улут-Хем", 667000, г.Кызыл, ул. Щетинкина-Кравченко, 57.

**Типография Госкомитета по печати и информации, 667000, г. Кызыл,
ул. Щетинкина-Кравченко, 1.**

1400р.

Алексей Грасомов

ТЫ ОТГРЕМЕЛА МНОГО ЛЕТ НАЗАД,
НО ДАВ ОТСРОЧКУ ТЫСЯЧАМ СМЕРТЕЙ,
ЕЩЕ ЛИСТАЕШЬ КАЛЕНДАРЬ УТРАТ,
В КОТОРОМ ЧИСЛА СКРЫТЫ ОТ ЛЮДЕЙ.

УБАВЯТ РАНЫ СЧЕТ ЖИВЫМ ГОДАМ,
СОМКНЕТСЯ КРУГОМ СКОРБНАЯ СЕМЬЯ,
И ЖЕРТВА ЗАПОЗДАЛАЯ ТВОЯ
УХОДИТ К ТЕМ, ЧТО БЕЗ ОТСРОЧКИ - ТАМ.

И МОЖЕТ БЫТЬ, ПОЙМУТ ЕЩЕ НЕ ВСЕ
У ОБЕЛИСКА, ГДЕ СУГЛИНОК СВЕЖ,
КАК ОН ГЛУБОКО В МИРНОЙ ПОЛОСЕ,
ТВОЙ САМЫЙ ТИХИЙ ГИБЕЛЬНЫЙ РУБЕЖ.